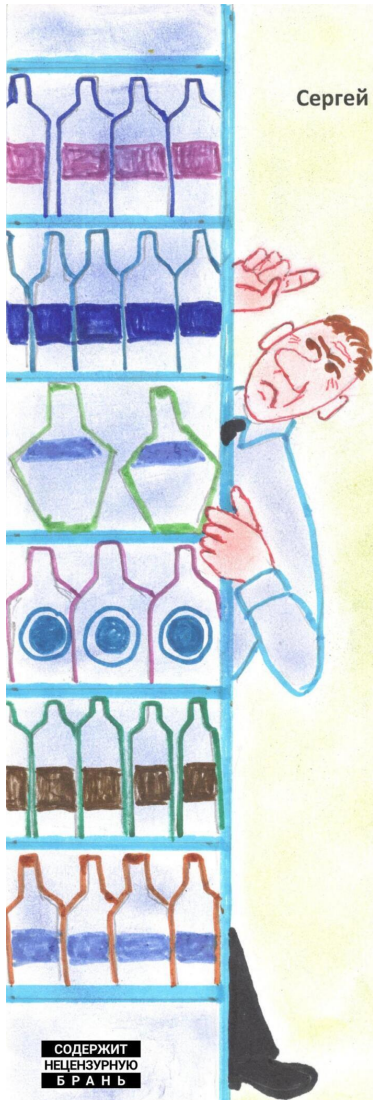

Сергей Кравцов (Михалыч)

СЕКЬЮРИТИ
№13,
ИЛИ ДНЕВНИКИ
«ТОПТУНА»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Михайлович Кравцов

Секьюрити номер тринадцать, или Дневники «топтуна»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48487671

SelfPub; 2023

Аннотация

И вечный бой... Думал ли когда-то Алексей Бурякин, мотаясь по полям, героически борясь с жуком кузькой и осотом, что доведётся ему помотаться и по столичным окрестностям в роли магазинного "секьюрити"? А ведь пришлось! Пришлось вчерашней деревенщине влазить в не слишком уютную шкуру охранника и изображать из себя борца, теперь уже с расхитителями капиталистической собственности. Ошарашенный обилием дурошлѣпщины, бестолковщины и неадекватщины, он стал вести дневники. Впрочем, Бурякин и сам по части свалить дурака – мастер ещё тот. Да ещё, как назло, куда ни кинь – кругом тринадцать...

Сергей Кравцов

Секьюрити номер тринадцать, или Дневники "топтуна"

Не ищи приключений на свою «пятую точку».

Будь уверен – они сами тебя найдут!

(сентенция неизвестного философа)

Пролог

Не так давно, путешествуя в полупустом плацкартном вагоне поезда «Саратов-Москва», я случайно обнаружил в своём «кубрике» небольшую стопу ученических тетрадок в клеточку, с потрёпанными, затёртыми обложками. Они были связаны обычным шнурком от ботинка и валялись в багажном ящике под моей полкой. От начала до конца тетради были исписаны довольно корявым (курица со своей «каллиграфичной» лапой – на скамейке запасных!), не слишком разборчивым мужским почерком. Раскрыв наугад самую верхнюю из тетрадок и, пробежав взглядом по нескольким абзацам, я сразу же понял, что это чьи-то дневниковые записи.

Как они там оказались – было совершенно непонятно. То ли их кто-то забыл, то ли хотел выбросить, но было лень донести до вагонного мусорного контейнера? Всякий согласит-

ся, что дорожная скука – вещь убийственная, а ехать мне предстояло больше полусуток. К тому же, кто из нас в душе хоть немножечко не общеизвестная базарная любознателька Варвара, с хронически оторванным носом? Поэтому я сразу же углубился в чтение. Как стало ясно с первых страниц, некий Алексей Бурякин из незнакомого мне города Уволжска рассказывал о своей «карьере» магазинного охранника в Подмосковье. Сколь ни банально, на первый взгляд, выглядели эти «мемуары», но до конца пути найденные дневники я читал, не отрываясь. Нет, в самом деле! В повествовании Алексея Бурякина нашлось немало и интересного, и даже поручительного.

Неожиданно подумалось: а почему об этом знаю только я один? А пусть и другие прочтут изливания души среднестатистического провинциала предпенсионного возраста! Читиво, между прочим, вполне занимательное. Как можно было без труда догадаться, все названия (да, скорее всего, и имена персонажей) Алексей Бурякин заменил на вымышленные. Да и происходили описанные им события ещё лет семь назад. Но – какая в том беда? Главное, всё было написано откровенно, и от души.

Кстати! К сведению скептиков: дневники и в самом деле существуют. Ну а если по прочтении данного опуса среди описанных здесь персонажей кто-то узнает самого себя, то автор данной книги спешит уведомить: это чисто случайное и непреднамеренное совпадение. Согласимся: все мы на ко-

го-то в этой жизни похожи. Да и глупости совершаем очень часто совершенно одинаковые, словно под копирку.

Кадухино – город «фитилей»

* * *

...Десятое ноября

Меня можно «поздравить» – в очередной раз я стал безработным. На днях в ЧП «Аврал», где я последние пару месяцев работал на почётной должности слесаря-сантехника, прошёл слухок, будто наша коммунальная шарашка закрывается. И, почти сразу же, она, и в самом деле, «накрылась медным тазом». Всем дали расчёт и указали на дверь. Сегодня с утра рылся в интернете, где только можно искал работу. Ну, надо же чем-то заняться ныне хронически безработному, бывшему колхозному агроному (позже – плотнику, каменщику, грузчику, таксисту, слесарю-сантехнику).

Днём заходил мой старший сын Володька, рассказал, что его приятель Димон вчера вечером приехал из Москвы. Работал он там охранником в магазине. Вроде бы, место трудоустройства не самое отстойное. Вроде бы, люди ещё требуются. Поэтому Володька тоже засобирался в охранники (в нашем Ступкове – и для молодых не избыток денежных вакансий). И тут меня разобрало: а может, и мне податься в охранники? Созвонился с Димкой. Он говорит, что, вообще-то, их охранный фирма принимает тех, кто не старше пятидесяти пяти (увы, мне уже пятьдесят восемь!). Но, при хорошем здоровье, вроде бы, возьмут всякого. Ну, так, здоро-

вье-то у меня – ничего, стабильное! Дал мне Димка сотовый старшего по сети магазинов «Вкус». Зовут его Юрий Денисович. Позвонил. Гудки идут, а этот Денисович, бездельник, трубку не берёт. Только с пятой попытки, уже вечером, он ответил. Порасспрашивал меня о том, о сём, сказал, чтобы я приехал, дескать, на месте посмотрят. Ну, уже и то неплохо!

Двенадцатое ноября

Москва, мы на Павелецком, время к обеду. Спустились с Володькой в метро, и отправились на станцию Верховская, где находится офис охранного агентства «ЛОМ» («Лучшая охрана магазина»). Нашли проходную, народу там полно, к окошкам три очереди. Отстояли, заказали пропуска, потом ждали их почти полчаса. Прошли через турникет – контроль там жёсткий, поскольку на той территории целый офисный городок для всяких столичных шарашек. Нашли офис. Над его дверью – рекламный плакат: «Против «ЛО-Ма» – нет приёма!». И вот там наши с Володькой пути как-то так разошлись. Юрий Денисович (мужик под пятьдесят, с носом боксёра-неудачника) объявил, что у него вакансии закончились, и принять он может только одного Володьку. Ну а меня направил в другой отдел, к старшему по торговой сети «Купи!» Васину Игорю Ивановичу.

Тот оказался (хотя бы на первый взгляд) мужиком простецким. Выпендриваться и изображать из себя обалденного босса он не стал, спросил лишь, сколько мне лет, и признал «годным к строевой». Направил к двум кадровичкам-брю-

неткам (скорее всего, искусственным) – понтовым бабёхам лет тридцати пяти. С клиентами они разговаривают, переплёвывая через губу, дают понять, что приезжие для них (постоличному – «замкадыши») – полное фуффло и отстой. Здесь очередь – впереди меня аж двенадцать человек, большинство – из Средней Азии, и с Кавказа. Я тринадцатый («счастли-и-и-вчик!»). Спрашиваю мужиков: тут всегда так много желающих устроиться на работу? Один смеётся – куда там! Просто, так совпало. А так, обычно, человека всего три-четыре за день, максимум. И то, ещё не всех и принимают. Кстати, из нашей очереди человека четыре отсеялись сразу – что-то у них не в порядке с документами.

Ждать пришлось не больше часа. Заполнил анкету, договор, но чего-то там напортачил, и бумажки пришлось переписывать заново. Кадровички, глядя на мою писанину, истонались, всем своим видом изображая недовольство такими, как я, никчёмными, безграмотными кадрами.

Когда оформление закончилось, зашёл разговор о дресс-коде. Помимо всего прочего (синяя рубашка, чёрные штаны), оказывается, нужен чёрный галстук. А вот им обзавестись я не догадался, поэтому купил прямо у них за двести рэ. Что интересно, девки сразу же как-то смягчились, стали куда приветливее (вот что делают с людьми деньги животворящие!). Помощница Васина написала на бумажке адрес, куда мне надлежало ехать своим ходом (билеты потом пообещали оплатить). Почерк у неё, вроде бы и ровный, но не раз-

берёшь, что написано.

Приехал я на Ленинградский вокзал, попросил у кассирши билет на электричку до Корукино. Она на меня смотрит, как на лунатика и разводит руками:

– Я не знаю такого населённого пункта!

Показал бумажку с адресом. Она:

– Так это не Корукино, а Кадухино!

Как оказалось, ехать до него часов пять. Ну, пять, так, пять. А что поделаешь? Выбирать не приходится: в Кадухино, значит – в Кадухино. Да, мне хоть в Гадюкино – абы работа была! Созвонился с Володькой. Он уже в пути, едет в Селезнёвское, в один из тамошних «Вкусов». Около трёх дня я тоже сел в электричку, и – в путь. Доехали до станции Бородкино. Это на полпути к Кадухино. Гляжу, а со стороны локомотива через наш вагон как стадо бизонов галопом проскакала толпа народу куда-то в хвост электрички. А вместе с ними свалила и почти половина тех, что ехали в нашем вагоне. Что за скачки? Глянул в окно, а эта же самая толпа по перрону, как ошалелая, летит, теперь уже, к передним вагонам. Соседи объясняют: это «зайцы», которые спасаются от контролёров. Обалдеть, сколько тут «зайцев»! И тут к нам заходят эти самые контролёры. Наши билеты проверили, и пошли дальше. В окно никто из них даже не глянул, как будто там их ничего не касается. Вроде того: бегут куда-то люди, ну и – леший с ними, пусть себе бегут. Интересно, а вот вечером они ходят? Если ходят, то вечерним «зайцам» не по-

завидуешь: в битком набитых вагонах – попробуй, побегай!

Вообще, ехать было не скучно. То торгаши пройдут со своими «супер-мочалками», книжками, игрушками, точилами для ножей и прочей дребеденью, то какой-то мужик просил пожертвовать на особо одарённую внучку, которой не на что купить хороших красок и холстов, то двое пацанов с гитарами спели что-то лирическое. Так до Кадухино и доехали. На часах уже девять вечера, темень – глаз коли. Электричка пошла дальше, в Закатилово. Кстати, про этот городишко попутчики рассказывали, что это самое бандитское место Подмосковья. Даже предупредили, что если в следующий раз пошлют охранником туда – лучше сразу повернуться и уйти. Только недавно там ножом пырнули парня-охранника в отместку за то, что не давал красть в магазине. Там такое случается не так уж и редко: или избыют, или порежут.

Взял такси, доехал до улицы Новой. «Купи!» – магазин не очень большой. Захожу. Невдалеке от входа вижу крупенького, такого, брюнета лет сорока, с улыбкой до ушей. На нём синяя рубаша и чёрный галстук. Значит, охранник – это понятно и без дедукции. Он меня тоже сразу заметил, и тут же поспешил навстречу:

– Сменщик?!!

Зовут его Лёха, фамилия Магомедов. Приехал он со Ставрополя. Говорит, что уже дней десять как переработал. Ничего себе! Соображаю: похоже, дело тут совсем дохлое, раз никто не рвётся его подменять. Но Лёха поспешил заверить,

что, на самом деле, место тут не самое худшее, и с ходу начал вводить в курс дела: за чем приглядывать в первую очередь, за кем и как следить. Оказывается, в составе здешней «группы риска слабых на руку» – не только алкаши, наркотики и бомжи. Например, тут есть целая шайка пенсионеров, которые специализируются на сырах и колбасах (ну, любят они очень сильно эти харчи – что тут с ними поделаешь?). Работают бабки так ловко, что и не заметишь, как за пазухой спрячут товар. Ну и ну! Кто бы подумал, что такое вообще возможно?!

Алкаши тащат спиртное. Но их Лёха, в большинстве своём, от магазина уже отвадил. Пойманных с товаром он, обычно, ведёт в подсобку, где нет камер видеонаблюдения, и там молотит кулаками почём зря. Ну, он боксёр-разрядник, да и здоров, как бык. Задержаний у него много – по два-три за смену. Подумалось: мне бы хоть одно за день, и то бы неплохо. Показал он мне бытовой отсек. Там есть шкаф для одежды охранников, столовка, сортир, кабинет директрисы. По его словам, баба она неплохая. Но, если судить по старшему менеджеру Аньке (дылда баскетбольного роста, фейс нахальный) – это ещё вопрос. Когда зашли в кабинет, и я отдал ей сопроводительные бумажки, она скривилась, как от лимона и процедила:

– Ещё неизвестно, возьмём вас или нет...

Ну, ты гляди, крутизна оптово-розничного фасона! Я ещё только пришёл, а она уже «вилы» изготавливает. Хотя, её то-

же понять можно. Ну, был бы я типа Рембо или Терминатора – ясен пень, она бы в ладошки хлопала. А тут появился какой-то тип на излёте трудовой карьеры, вида не самого внушительного – чему радоваться-то?!

В десять вечера мы с Лёхой закрыли магазин, опечатали двери, и пошли к общежитию. До неё переться больше двух километров, причём, половина дороги проходит по пустырям. Размещается этот «бомж-отель» в старой пятиэтажке. Там «Секьюрити» сняла для охранников «трёшку» на самом верху. Рассчитана жилплощадь на троих, а вот ключей на всех не хватает. Зимой в помещении вовсе не тропики. Сейчас на улице около нуля, поэтому и в жилых комнатах терпимо. Зато, когда начнутся морозы, то, по словам Лёхи, зуб на зуб лишь иногда попадает.

Поднялись наверх, глянул я на «апартаменты», и... О-ёй! Бомжатник, даже хуже, чем я ожидал. Пол – буграми, обои облезлые, выключатели раздолбаны. Благо, нет клопов. Говорят, в Подмосковье этой твари сейчас полно. Поужинал тем, что перед уходом купил в своём же «Купи!», и что осталось из дорожных припасов.

Когда ложился, то изрядно засаленную подушку вместо наволочки обернул одной из своих рубашек. Но спал недолго. В двенадцатом часу пришёл Рубен – он дежурит в другом «Купи!» у здешнего вокзала. Магазин там большой, покупателей с избытком, мороки ещё больше, чем в моём. Во, «повезло» мужику!

Тринадцатое ноября

Только утром сообразил, что за день мне выпал для начала трудовой деятельности на новом поприще – ТРИНАДЦАТОЕ! Да-а-а, уж! Кстати, если послушать Лёху, то «поприще» в некоторых смыслах обалденное. Когда вчера шли в общагу, он рассказывал, что работает в «Купи!», где-то, уже с полгода, и за это время по ночам на пустырях его несколько раз встречали местные удалыцы. Выручали килограммовая гантель и нож с выкидным лезвием. Правда, по договору трудоустройства, мы не имеем права носить никакого оружия. За это предусмотрены и штрафы, и даже увольнение без копейки выплаты.

...Итак, моё первое утро в общаге. Ну, умылся я, побрился (двери ванной и туалета без запора, спасибо, на месте раковина и унитаз!), впопыхах стоговил завтрак. Рубен уже ушёл, Лёха всё ещё спит. Он отпускник, но домой на Ставрополье ехать не собирается. К кому? С женой развёлся уже давно, а тут у него несколько любовниц, куча друзей, тут он вольный казак.

В семь утра побежал я на работу. До «Купи!» добрался вовремя, хотя с непривычки сделал лишнего крюка. Заглянул в директорский кабинет, чтобы отметить в журнале прихода, а там другая менеджерша, тоже Анна. Они с той дежурят по графику «сутки – через сутки». Ну, эта, вроде бы, на первый взгляд, не страдает избытком нервозности и стервозности. Вскоре прибежал Лёха. Мы с ним подписали

бумаги о передаче и приёме смены, о чём я отправил Васину эсэмэску.

Вышел в зал, для начала познакомился с кассирами и подсобным персоналом. Народ, вроде, нормальный. Кассиры все местные, грузчик Рустам и уборщица Феруза – из Узбекистана. Ровно в восемь открыл входную дверь, и – началось!.. В зал тут же толпой ломанулись пенсионерки с кошелками, сумками и баулами наперевес. Скорее всего, даже революционные матросы в семнадцатом так не рвались на штурм Зимнего дворца. Оказывается, сегодня выложили новую «акционку» (товары по сниженной цене), и бабульки спешили набрать уценённых харчей. Причём, почти никто и не подумал оставить свою тару в шкафчиках у входа. Фигушки! Все, как одна, прямым курсом чешут по рядам. В зале – суматоха, суета, все бегают, мечутся, что-то в сумки кладут, что-то назад выкладывают...

Пришлось и мне побегать как угорелому, чтобы хоть что-то отследить. А что отследишь-то? Вот уже самые первые выстроились у кассы. Бегу туда. Молодая кассирша с экзотическим именем Италия просит позвать кого-нибудь ещё из кассиров – больше пяти человек в очереди быть не должно, иначе клиент может пожаловаться в центральный офис, и магазину тогда нагорит не хило. Слушаю Италию и не знаю, как быть. Ч-чёрт побери! Ну, допустим, сейчас я пойду в грузовой терминал за подкреплением. А кто же в это время вместо меня будет проверять сумки на выходе?

– Сумки проверять охранник имеет право только в том случае, если он уверен, что там есть неоплаченный товар. И то, лишь с согласия клиента – уведомляет Италия, мило улыбаясь бабульке, которая демонстративно выкладывает всё, что у неё было в большом бауле.

Опаньки! Вот это новость! А что же я тогда вообще имею право делать? В чём тогда заключается суть моей работы? Ходить примитивным «топтуном» по залу, высматривая, не прихапал ли кто-нибудь товар за пазуху, чтобы потом, остановив его на выходе, вызывать ГБР1? Всё с той же безмятежной улыбкой, Италия уточняет, что и тут не без проблем. Оказывается, если вызов будет ложным (покупатель в смысле выноса товара окажется чист), то я получу «трынделей» по полной. Ну, в смысле штрафных санкций. Дела-а-а!

Бегу звать второго кассира. Меня на ходу ловит пенсионерка и начинает допытываться, где бы ей найти бумажные полотенца. А я откуда знаю, где они тут могут быть? Я первый день работаю! Но вдруг замечаю, что эти самые полотенца совсем рядом, стоит только глаза разуть.

Бегу к железной двери грузового терминала с механическим кодовым замком. Там кипит работа – только что пригнали фуру с товаром, надо срочно разгружать. Рустам натужно катит трёхколёсную тележку-«рохлю» с деревянным полетом, на котором куча коробок с этикетками. Девчонки неохотно отпускают Альбину – самую старшую.

Снова беготня по залу. У отдела со спиртным как-то подо-

зрительно трутся сразу трое красноносых хлопцев. Заметив меня, быстренько смываются. Неожиданно появляется Лёха. Судя по реакции кассирш, тут он, можно сказать, всеобщий любимец. Понаблюдав за моими метаниями, машет рукой – хватит бегать.

– Вон, видишь над стеллажами что-то вроде зеркала? – он указывает на большой лист обычного оконного стекла, с тыла обтянутый плёнкой, похожей на фольгу.

Как оказалось, это его приспособление для того, чтобы незаметно наблюдать за отделом алкоголя. Когда у рядов бутылок со спиртным появляются потенциальные «прихватизаторы», Лёха, как бы ничего не подозревая, оттуда уходит и, стоя за углом, через это «зеркало» наблюдает за любителями горячительного. Если те спрячут товар под одеждой, на кассе он их обыскивает и ведёт в подсобку. Остальное уже известно.

– А если вызвать полицию? – интересуюсь.

Лёха в ответ весело смеётся. По его словам, полиция вечно занята, тем более, что на всё Кадухино приходится только три мента. Да, это город. Но нормального ОВД здесь не положено. Есть только «пикет». Основные ментовские силы – километрах в тридцати, в Рюмашовке. Точно также бесполезно вызывать и ГБР – группу быстрого реагирования. Ну и ну! Интересный момент... А на кой чёрт тогда существуют «тревожные кнопки» (ерундовина, наподобие пульта включения автомобильной сигнализации)? Лёха разъясняет:

– Если тут драка, нападение, ограбление – ты рыпаться не должен. Ну, там, кидаться врукопашную и прочее. Твоя задача – нажать на кнопку и ждать подмоги.

Видел я эту кнопку в кабинете директорши, когда расписывался в журнале выхода на дежурство. Сразу же обратил внимание на то, что сама кнопка на пульте сверху закрыта железным рубликом, который крест-накрест примотан изолентой. И как же ею оперативно воспользоваться, если изоленту разматывать будешь чуть ли не полчаса? Оказывается, так делают во всех без исключения магазинах. ГБР одна на целую округу, а до иных своих участков ей ехать, минимум, полсотни вёрст. А они же не на вертолёте! Асфальт тут убогий, осенью и зимой случается гололёд.

И второе. Если случайно нажать на кнопку, за ложный вызов штрафчик могут припаять не хилый. Минимум, «штуки» на полторы. А то и больше. А кому это нужно – полтора дня ломать ноги за «здорово живёшь»? Поэтому кнопки и изолируют.

– Это всё понятно. Но почему мне её не выдали?

Лёха жмёт плечами.

– А потому, что толку с неё – шиш да маленько. За всё время работы ею я ни разу не пользовался.

– А, вот, я вижу в зале камеры наблюдения ... – указываю на объектив ближайшей к нам. – Можно же просматривать видеозаписи и выявлять тех, кто ворует?

Лёха морщится и отмахивается. Оказывается, просматри-

вать записи мне никто не разрешит. Для этого надо делать запрос в головной офис «Купи!». В головной офис?! Ну, так, это же, получается, полный дурдом! А за каким бесом их тогда, вообще, поставили? Следить за кассирами и охранником, чтобы тот, не дай бог, не присел отдохнуть?

– Вот именно! – подтверждает он

По словам Лёхи, даже опереться плечом о какой-нибудь стеллаж – вещь нежелательная. Я обязан ходить, и только – ходить. А если директор магазина застанет меня в тот момент, когда я где-то на секунду прислонился, чтобы дать передышку ногам, он имеет все основания немедленно позвонить в контору. Максимум, через час сюда примчится Васин, и я вылетаю на улицу без надежды на оплату хотя бы обратной дороги. «ЛЮМу» очень невыгодно, если из-за какого-то недотёпистого или излишне занозистого охранника торговая сеть расторгнет с ними контракт. Вот это я попал! Этого нельзя, того не смей, так недопустимо, эдак – наказуемо...

Лёха убегает, я снова хожу по рядам. Ноги – хоть отрубай. Просто, невыносимо хочется присесть хотя бы на пару секунд... Высматриваю место, где нет зоны обзора камер. Опираюсь грудью и локтями о стеллаж, даю поочерёдно отдохнуть ногам. О-о-о-о! Какой же это кайф – хоть чуточку расслабиться. Внимание! Анька идёт по рядам. Всё, «перекуру» конец. Надо срочно изобразить из себя «крутого секьюрити». Она подходит ко мне и дотошно расспрашивает о

результатах дежурства. Докладываю, что «в Багдаде всё спокойно». Она разочарована – Лёха к этому моменту, как минимум, кого-то уже поймал бы, а кого-то ещё и отмутил бы в подсобке.

Обед. Анька, которую я разыскал у касс, объяснила, что обедать у них положено строго по одному. Еду, которую я собираюсь употребить прямо здесь, следует покупать в её присутствии. Потом мы с ней пойдём в «офис» (кабинет директора), и там она наклеит на продукты специальные марки. Если я что-то купил в другом магазине, то надо предъявить чек. Продукты, которые собираюсь взять в общагу, можно купить только вечером, перед закрытием. Потом их надо будет вместе с чеком показать на выходе... Ну, морока! Пока все условности выполнишь, и аппетит пропадёт.

Иду к Рустаму. Он занят – снимает с продажи просрочку. Занят будет ещё около часа. А есть-то уже хочется – ё-моё! Выручает Феруза. С согласия Аньки она берётся постоять минут двадцать у алкогольного отдела, пока я буду обедать. Влетаю в столовую, а она занята – обедает кассирша Шура, судя по натуре и манерам – анархистка, пофигистка и хулиганка. Увидев меня, машет рукой – заваливай! Развожу руками:

– Говорят, больше, чем одному тут находиться нельзя ...

– А пошли бы они «лесом»! – морщится Шура, принимаясь за чай. – Если всю эту дебилистику выполнять, можно от голода «крякнуть».

Всё понятно. Приступаю к обеду. У меня в запасе уже не более восемнадцати минут. Всего за пятнадцать я успеваю употребить всё, что принёс из дому, и даже выпить чаю. Бегом в зал, а у алкогольного отдела пусто – Феруза исчезла. Лихо! Пробегаю вдоль стеллажей со спиртным – всё, как будто на месте. Бегу к кассам, выясняю, брали ли алкоголь последние минут двадцать? Да, куплены две бутылки коньяка. Появляется Феруза.

– Алэксей, извини, Анна Ныколаевна послала меня убираться на складе.

Вот это подстава! Ну, Анька... Ладно, продолжим свою «славную» топтунскую работу. День идёт своим чередом. Хожу по рядам, пытаюсь заглянуть в сумки (шесть, а то и семь из десяти покупателей оставляют их в камере хранения не желают демонстративно), пытаюсь поймать крадунов. Но это пустая затея. Наблюдая за некоторым парочками, прихожу к выводу, что красть тут можно особо и не напрягаясь. Например, в тот момент, как один будет отвлекать моё внимание, другой имеет неплохие шансы спрятать за пазухой и вынести любой товар. Ближе к вечеру потихоньку начинаю звереть. Ноги уже совсем как не мои, поднывает спина, настроение хуже худшего – задержаний ни одного, администраторша смотрит косо.

Когда на часах появляются долгожданные десять вечера, испытываю неопишуемое ликование – свершилось!!! Всё-таки, выдержал я этот нескончаемый, бешеный день. Опеча-

тываю двери подсобок и складов, просматриваю сумки кас- сирш. Потом показываю Аньке свою, и мы с ней самыми по- следними выходим на улицу. Она уезжает домой на такси, я топаю пешком в самый дальний конец улицы Овражной. В принципе, такси могу вызвать тоже. Помощница Васина по- обещала, что к моей денщине в одну «штуку» будут припла- чивать ещё и столтник на такси. Всего за вахту выйдет до- полнительные две тысячи. Вроде, сумма и не очень большая, но, всё равно, лучше уж пешком побегать, чем эти деньги терять!

И вот, минут через пятнадцать подхожу к общаге. Жму на кнопки домофона. Гудки идут, Лёха не откликается. Звоню на его номер – телефон не берёт. Ключи он мне в обед, па- разит, так и не отдал, объяснив это тем, что «прямо сейчас» идёт в общагу, и будет там уже неотлучно. А на деле-то – что? Или дрыхнет, как конь бельгийский, или к какой-то из своих ухажёрок поскакал. И, что же мне теперь делать? К счастью, в начале двенадцатого появляется Рубен. До двенадцати на кухне занимаюсь ужином, в двенадцать падаю на койку как подкошенный. Засыпаю мгновенно, словно проваливаюсь в бездну.

Четырнадцатое ноября

Проснулся ровно в шесть без будильника. Что снилось – не помню. Побежал умываться, а из комнаты, в которой око- пался Лёха, доносится громкий храп. Кстати, устроившись от всех отдельно, он, можно сказать, явил гуманизм: судя по

издаваемым им децибелам, в одной комнате с ним мог бы спать только глухой.

Вчера, уже перед вечером, я забежал в соседний с нами «шоп» канцтоваров, купил там десять штук школьных тетрадок. Решил записывать все хохмы и прибабахи своего нынешнего житья-бытья – однажды хоть будет что вспомнить. Всего две недели назад у меня была, хоть и отстойненькая, но постоянная работа. Теперь я, по сути, в «свободном полёте» (ну, не принимать же за что-то постоянное это зыбкое, реально не оформленное трудоустройство «топтуном»?!). Край, как интересно: чем же она закончится, вся эта моя эпопея? Удастся ли найти хоть что-нибудь стоящее, в смысле работы, или придётся-таки идти в ступковские дворники? Ну а пока что я – охранник. Хотя, и это, надо думать, пока под вопросом – удастся ли удержаться?

...Рубен уже «на взлёте». Попросил у него ключи – он же всё равно приходит почти на час позже меня! Рубен в сомнении – а вдруг, получится какая-нибудь накладка, и он сам тогда не сможет войти? Обещаю ему под «честное пионерское», что если накладка и случится, то он может мне позволить. Ну а я, невзирая абсолютно ни на какие обстоятельства, с работы сорвусь немедленно, и ключи ему принесу. «Честному пионерскому» он верит, и ключи отдаёт.

На работу я пришёл, как бы, не раньше всех. Вчера, хоть на улице было и не морозно – чуть ниже нуля, в помещении магазина ощущалась сильная прохлада. Малость даже про-

дрог. Поэтому сегодня для утепления вместо майки решил надеть настоящую флотскую тельняшку – подарок друга. Правда, она просвечивает через рубашку. Но, может быть, это и к лучшему? Чую, оглядываться в мою сторону стали почаще: кто-то – с любопытством, кто-то – с ухмылочкой. Да и ухмыляйтесь на здоровье! Главное – мне стало теплее.

Следом за мной появляются кассирши. Спозаранок начинают менять ценники. Не все подряд, но треть заменяется, как минимум. Ёшкин кот! Так вчера же только меняли! Бабоньки от души ржут над моей беспросветной наивностью. Италия поясняет:

– Так, это у нас, считай, каждый день. Нас самих уже достала эта морока. А куда денешься? Тут и работать-то должно бы не пятеро, а восемь человек. Ну а начальство на нас экономит, поэтому мы тут – и кассиры, и грузчики, и ещё невесть кто. Вот и ценники переделываем в своё личное время...

В зале появляется Анька-большая – сегодня она на смене. Фейс – в потолок, шаг почти строевой, прёт, как танк. Увидев меня, с досадой на лице она допытывается, сколько за вчерашний день у меня было задержаний. Узнав, что ни одного (ни одного?!), Анька изображает запредельное недовольство и приказывает сегодня же кого-нибудь непременно изловить. А иначе...

Поясняю, что с учётом моих узковатых возможностей (того – нельзя, этого – не смей, и – т.д.), мне впору наподобие

киношного Жеглова подкидывать покупателям в сумки товар, чтобы было кого задерживать. Почему бы не посмотреть вчерашние видеозаписи, когда по магазину шарились подозрительные граждане? Время их пребывания я записал. Что сложного: отмотать запись на этот момент и проверить, крали они чего-нибудь, или нет? Анька на это лишь пренебрежительно хмыкает.

– А что ты им предъявишь? – цедит она. – Эта запись не может стать основанием для возбуждения дела о хищении.

Да на кой чёрт мне какие-то дела? Мне хотя бы понять, кто из вчерашних покупателей крал, физию их увидеть на мониторе и запомнить. Тех, на кого указал Лёха, я вчера «пас» так, что если бы кто-то из них что-то реально спёр, поймал бы на сто процентов. Но поголовье-то крадунов время от времени обновляется. Кто-то от нас переходит на другие объекты, кто-то, наоборот, приходит к нам. Что тут непонятного? Ничего не ответив, Анька идёт к кассирам и громко объявляет:

– В отделе молочных продуктов не хватает трёх кусков сыра общей стоимостью тысяча двести рублей. Вычту из вашей зарплаты.

Кассирши хмуро умолкают, мрачновато поглядывают в мою сторону. Когда замдиректора, нараздавав своих распоряжений, идёт дальше, подхожу к ним и интересуюсь:

– А почему именно с вас она собирается взыскивать за пропажу? Если уж за сохранность товара отвечаю я, то, на-

верное, логичным было бы позвонить Васину, чтобы с меня там взыскали. И с чего она взяла, что сыр пропал? Она, что, ревизию проводила?

Шура категорично машет рукой и сердито поясняет:

– Да, ничего она не взыщет! Решать этот вопрос будет директорша. А то, что Анька тут треплет – просто, повыкобениваться ей захотелось.

– А директорша может не взыскать?

– Скорее всего. Она же не заинтересована, чтобы снова началась текучка кадров? Старых разогнать – дело нехитрое. Вот, только, кого потом взамен наберёшь?

Резонно... Вспомнив когда-то увиденный по ТВ сюжет про торговые сети, выдаю очередной наивняк:

– А у вас разве нет системы электронной сигнализации, контролирующей вынос неоплаченного товара?

Кассирши от души смеются, удивляясь моей неосведомлённости.

– Да такая система в самой Москве есть не в каждом магазине! – качая головой, говорит Альбина. – А у нас – и подавно её не будет. У нас кассы-то – полный отстой, то и дело мастера вызываем. То одна откажет, то другая. Нам сюда и сбрасывают только то, что меняют в столичных «Купи!». Как новьё у них поставят, так нам оттуда сразу же и везут списанный хлам.

Ровно восемь. Запускаю покупателей. Сегодня народу намного меньше – видимо, самые крутые «шопингисты» напо-

купались ещё вчера. Через «зеркало» смотрю на отдел алкоголя. Какая-то интеллигентного вида мадам набирает в корзину бутылки ликёра. Подхожу и уведомляю её:

– Уважаемая! До десяти часов спиртное не отпускается.

– Правда?! – огорчается она. – А, давайте, сделаем так...

Вы сделаете вид, что этого не заметили, а я на кассе потихоньку всё оплачу. А?

Держите меня семеро! Вот уж, действительно, святая простота!

– «Потихоньку» – не получится! Даже если кассирша и сделает вид, что ничего не заметила, то сама касса товар до десяти часов не пробьёт. А если кассирша вас пропустит, пусть даже и взяв деньги за товар, её накажут так, что потом полгода она будет работать бесплатно.

Дама огорчается, вздыхает, ставит бутылки на место. Ближе к десяти появляется похмельного вида мужичок. Он собирается взять пиво. Разговор тот же самый: нельзя! «А если потихоньку?» Всё равно нельзя! «А если я прямо сейчас копыта откину?» Откидывай на здоровье – всё равно помочь ничем не можем. Тут, позади меня какой-то шум в колбасном отделе.

Выглядываю туда – там две бабки митингуют по поводу бессовестного роста цен на их любимый сервелат. В этот момент со стороны алкаша что-то подозрительно дзынькнуло. Оглядываюсь и вижу «картину маслом»: «синяк» самовольно откупорил поллитровку пива и вливает его в себя прямо

из горлышка, аж захлебывается. Одновременно, левой рукой этот клоун протягивает мне три мятые десятки. Ну, наглец! Ты что ж творишь-то, паразит?! У меня одни эмоции, и вообще никакого понятия: и что же с ним теперь делать?.. В принципе, пиво он не украл, а, просто, выпил. Деньги отдаёт. Как тут быть?

С грудой коробок на тележке появляется Рустам. Узнав, в чём суть дела, он утирает пот и машет рукой – не беда!

– Деньги у него можно взять, и в десять вместе с бутылкой отнести на кассу, – поясняет грузчик.

– Пошли! – забрав деньги, указываю выпивохе на выход.

Тот послушно семенит рядом со мной, на его физиономии блаженство, он вполголоса бубнит:

– Слышь, братуха! Ты, я вижу, мужик правильный... Я уж думал, отпинаешь меня за пиво. Не, ну у меня и в самом деле «горели трубы» – хоть сдохни, терпежу никакого. Видать, палёнки вчера хватанул. Слушай, меня Гешкой зовут, я тут всех знаю. Если чего – скажи. Разрулю, улажу любые тёрки...

Ну, ты гляди, какой у меня крутой брателло нарисовался! Анька, узнав про Гешку и пиво, чего-то там думает, после чего объявляет:

– Глядеть за «синяками» надо лучше! А если бы он надумал выпить не пиво за тридцатку, а коньяк рублей за триста?! Кто бы это оплачивал?

Ну, да, в принципе, мог бы он выдуть и коньяк. Почему бы нет? Красиво-то жить не запретишь! Тогда уж, если есть

опасения по такому поводу, следует всем покупателям прямо на входе надевать специальные намордники или вставлять в рот кляп с кодовым замком. Мне уже рассказывали про местных «голодявок», которые приходят в магазин, чтобы чего-нибудь там умять на халяву. Они незаметно берут конфеты, сладкие сырки, шоколадки и прочее, и где-нибудь в тихом углу всё это лопают. Ну, допустим, поймал я такого обжору. И что с ним делать? Денег у него – ни копейки. Отобратить съеденный товар? А как? Может быть, прикажешь влить этому нахалюге порцию касторки?.. Анька кипятится:

– Хватит разводить демагогию! Иди, смотри за залом!

Иду, иду... Как с ней муж живёт, с этой занудной брюзгой? Так-то, говорить ей про Гешку я не собирался, но девчата ещё вчера предупредили, что в «Купи!» особых секретов не бывает. Лучше самому, сразу рассказать – всё равно ведь доложат.

Сегодня меня, можно сказать, «повысили в звании». В дополнение ко всем прежним обязанностям, закрепили за шкафчиком с красной икрой и закрытой витриной «элитки» – дорогого алкоголя, типа виски, джина, коньяка и прочего. Теперь я не только «топтун», но ещё и «смотрящий» за элитными товарами. «Радости-и-и»! В общем, одним дополнительным маразмом стало больше. Но и это не всё! Сразу же после обеда прибавился ещё один.

Как оказалось, я обязан сопровождать курильщиц к входу в грузовой терминал, где отведено место для курения –

да, именно так! А курят тут, можно сказать, все, кроме Альбины, Италии и Ферузы. Шура – та вообще ежечасно бегают подымить. Я уж не знаю, почему обе Аньки (да и Лёха тоже) про такую «почётную» обязанность мне ничего не сказали? Зато, сегодня – как прорвалось!..

Часу во втором, как и обычно, Шура вышла подымить у ворот терминала. И вот в этот самый момент к ней вышла Анька. Понятное дело, тоже с сигаретой. Увиденное её – жуть, как удивило и возмутило: как это кассирша может курить в одиночестве, без конвоя?! А вдруг, она тайком вынесла какой-то ценный товар, чтобы отдать поджидавшему её на улице сообщнику?! Ужахи и мраки! И менеджерша тут же прибежала в зал, ко мне, разбираться.

Я в этот момент у «алкашки» «пас» одну бомжеватую особу с синяком под левым глазом. Что-то доверия она мне не внушала, и я, наблюдая за ней через Лёхино «зеркало», ждал момента, когда она начнёт прятать спиртное. Тут, вижу – скачет ко мне Анька, и начинает выказывать свои претензии: дескать, а почему это ты здесь, а не с Шурой? А ну-ка, живо – марш в курилку!

Меня тут же разобрало не на шутку: интересно рассудила! О чём галдёж, какие претензии, актуальная ты наша?! Мне об этом кто-нибудь говорил? Это – во-первых. А во-вторых: а кто будет караулить товар в тот момент, когда я побегу сопровождать курильщиц? Ты, что ли? Что за дурдом? Может, мне их ещё и в туалет сопровождать? Пусть курить бросают!

Я, вот, не курю и, как будто, без этого не помер. Тут бывают моменты – воды попить не отлучишься. Вчера после обеда часа два ждал, пока на складе Рустам освободится, и сможет меня подменить. А тут – иди, выстаивай с любительницами перекуров. Если всех буду за ручку в курилку водить, то полки быстро опустеют. Кто за это ответит? Ты? Если ты – то, согласен! Тогда я пошёл в курилку, а ты стой тут, смотри.

Аньке – вижу, крыть нечем. Насупилась, что-то буркнула и ушла злая, как кобра, которой на хвост наступили, а куснуть не дали. Ну, думаю, теперь уж – точно, чего-нибудь мне подстроит, административно заумная наша!

Ближе к вечеру ног опять не чую. Что делать?! Изучил расположение всех видеокamer, и нашёл-таки хороший угол, который они не захватывают, и где можно малость расслабиться – на холодильной витрине с мороженым у кондитерского отдела. Сесть на неё, понятное дело, нельзя – как бы пластмассу не проломить. А вот прислониться «пятой точкой», чуточку расслабить ноги – это вполне получится. Пристроился там – сразу стало легче жить, сразу улучшилось настроение. К тому же, от витрины хорошо и алкогольный отдел видать, и колбасы с сырами...

Так и пошло: минуты две-три расслабился, потом кругов пять-шесть нарезал по залу. Ближе к шести, когда народу в очередной раз убавилось (кассирши рассказали, что наплыв начинается вскоре после прибытия электрички из Москвы), в зал зашёл какой-то мужик, чем-то очень знакомый. Я как

раз шёл от «алкашки» к кассам. Пригляделся – ё-моё! Да это же Васин, собственной персоной! Сразу же подумалось: «Неужто, и в самом деле Анька ему уже успела на меня настучать?! Ну, зараза! И что же он теперь? Оштрафует или совсем выгонит?»

Остановился, жду его. Он меня увидел, тут же заулыбался, как будто собрался вручить мне Нобелевскую премию в номинации «Супербдительность». Соображаю: отбой, можно не напрягаться – это просто дежурная проверка. Оказалось, и в самом деле, Васин, просто, приехал взглянуть, как я тут вработываюсь, как выгляжу – вдруг, нарушен дресс-код? Ну, моим внешним видом он остался доволен (наутюжен, трезвый – чего ещё желать?!), сфотографировал сотовым для отчёта, начал расспрашивать о задержаниях. Попенял, что у меня их нет, спросил о взаимоотношениях со здешним коллективом.

Ну, с коллективом-то у меня отношения, просто, отличные. Кассиры дают наводки на потенциальных воришек, предупреждают о каких-то возможных проколах, грузчик помогает контролировать отделы, и тоже подсказывает, кто из клиентов «слаб на руку». Васин «угукает», и согласно кивает. Со здешним начальством, «вешаю лапшу», отношения, можно сказать, чудесные. Особенно, с Анной Викторовной. Изумительная, чуткая женщина, очень тактичная и внимательная к людям... Он меня слушает, а его глаза всё круглее и круглее делаются, как будто к нему подошёл папуас и объ-

явил, что они – кровные братья.

– Что, вообще никаких проблем? – спрашивает Васин, и недоверчиво щурится.

– Почему же? Есть. Вот только недавно мы с Анной Викторовной обсуждали вопрос о моей обязанности сопроводить курильщиков в курилку, и о том, кто в это время вместо меня будет находиться в зале.

– Пошли они, эти курильщики! – Васин даже руками замахал. – Главное для тебя – сохранность товаров и задержания тех, кто их крадёт. И не вздумай помогать в разгрузке, в раскладке – это тебя не касается. За это штраф до трёх тысяч. Понял?

Это-то я понял. А вот как быть с материальной ответственностью за тележки? Их сохранность на меня тоже повесили! Анька сказала, что за похищенные с меня будут взыскивать. И что мне делать? Когда некоторые покупатели на них вывозят покупки за пределы магазина, получается так, что надо оставлять зал без присмотра, и идти следом за ними?

Тут Васин крепко задумался. Почесал затылок и объявил, что если покупатель выкатил тележку с согласия кассиров, то пусть они за неё и отвечают. Ну а если попросили меня за ним проследить, то тогда сами пусть контролируют зал. Ну, а что? Это вариант куда лучше! Ушёл он к Аньке, не было минут десять. Вышел, сказал, что особых претензий ко мне нет (надо же!), кроме одной – ноль задержаний. Уходя, напослед-

док дал «ЦУ»: следить, чтобы, по возможности, покупатели в зал не лезли со своими собаками. А то не так давно санитарные службы давали разгон, когда обнаружили, что в одном из магазинов хозяева возят собак в продуктовых тележках, а кто-то из покупателей на это пожаловался. Впрочем, костями ложиться на пути собачников мне не обязательно. Если директор магазина такие вольности допускает – то, это его проблемы. Пусть тогда сам и отвечает.

Он уехал, иду к кассирам.

– Девчонки, если честно: Лёха и в самом деле каждый день по два-три человека задерживал?

Те переглядываются, и признаются, что этого они и сами толком не знают. Вроде бы – да, ловил. Но не так часто, как говорит. Вот, колотил он задержанных – это точно! Насчёт этого у него – без заминки. Правда, на него уже подано заявление, и полиция уже брала с него показания. Как бы не пришили статью.

– ...Участковый ему сказал: ещё один такой случай – получишь за хулиганство реальный срок, – с авторитетным видом заключила Шура. – И вообще, Петрович, что напрягаться? У нас тут некоторые за всю вахту вообще ни одного не задерживали. Ни од-но-го! Ну и что? Значит, не позволяли красть. Тут главное – быть на работе в своём прикиде, и не расслаживаться. А остальное – по барабану. Бумажку по отработке подпишут в любом случае, а «ЛЮМ» в любом случае вахту оплатит. А в следующий раз можно пойти в другой

магазин. Охранники уже не раз говорили, что объект у нас – не райская долина. Тут редко кто задерживается на второй срок. Один Лёха чего-то завис...

И снова настало десять вечера, и снова этот радостный миг, когда дверь терминала закрыта, и можно идти в общагу. Какое же это удовольствие, когда имеешь свои ключи и можешь зайти к себе без проблем и заморочек! Лёхи нет. Видимо, опять у какой-то из своих дам, или у приятелей. Рубен пришёл к двенадцати, когда я уже спал. Бросил ему в окно ключи в пакете – калека-домофон работает через раз. А то и вообще отключается.

Шестнадцатое ноября

Сегодня воскресенье. Рустам сказал, что местные алкаши чаще всего покушаются на «алкашку» именно по воскресеньям. И – точно! Ближе к десяти в зале замельтешили граждане пропойного вида с красными глазами кроликов-альбиносов. Ну а я уж – тут, как тут. От спиртного – ни на шаг. «Алконавты» поняли, что им у нас ничего не светит, и один за другим рассосались куда-то ещё. Скорее всего, красть пошли в «Купи!» у вокзала (где дежурит Рубен). Там два этажа, а охранник один. Не набегаясь. Ну, Рубен и говорил, что там у него – сущий ад.

Первыми покупателями «алкашки» сегодня стала солидная пара средних лет. Они сначала о чём-то шушукались меж собой, потом позвали меня – что именно я бы им посоветовал? А что им посоветуешь? Вопрос! Из меня какой знаток

вин, коньяков, ликёров?.. Поэтому несу этим двоим всякую околесицу из того, что слышал раньше, и чего успел хвататься уже здесь. Что интересно, покупатели слушают мою ахинею, как некие небесные истины. Довольные и счастливые, взяли они литр «Дивного сада» и – айда к кассе с просветлёнными лицами. Гляжу им вслед, и чувствую, как меня гложет совесть: ну, и чего я им наплёл? А вдруг, этот «Дивный сад» – хуже помоев?!

А с другой стороны... Ну, сказал бы я им честно и откровенно, что по всему этому пойлу я – полный профан. Итог был бы один: разочаровал бы людей донельзя. Недавно одна мадам в фасонистой шляпе минут пятнадцать допытывалась у меня о свойствах и качествах сыров. А что я ей мог сказать? Что сыр – он и в Африке – сыр?! Шла мимо Италия. Позвал её. Но она тоже развела руками: типа того, моё дело – на кассе чеки выбивать, а не изучать вкусовые свойства сыров. Ну и всё! Покупательница фыркнула (ну, вы тут и тупари!), и пошла к выходу, чеканя шаг. Сразу же пришло понимание, что лучше, даже не зная ничего реального, рассказывать небылицы, и как можно больше. Покупатель всё равно возьмёт то, что сам хотел, но зато останется доволен общением.

Ну а ближе к полудню к нам попёр контингент в консультациях не нуждающийся. Сначала в зал завалили двое мужичков неопределённого возраста и места жительства. Один – в лёгком, чёрном пальтишко нараспашку, с кепочкой набе-

крень, и сто лет не чищенных ботинках. Другой

– с замусоренной чёрной бородищей, в облезлой синтетической «кожанке», чёрной шапочке лыжного фасона, заляпанных мазутом штанах и китайских летних кроссовках. Одно слово – «красава».

Бородач идёт к «алкашке» важно и степенно, как на похоронах. А вот его приятель – это «что-то». Он постоянно на ходу выламывается, выкаблучивается, выёживается, корчит из себя что-то невероятное. Увидел этот «понтовый», что я загораживаю им дорогу, тут же начал на ходу размахивать руками и отбивать чечётку. Плясал он, плясал, а я ни с места. Он тут же сдулся, и уже без выпендроза спрашивает:

– А можно, мы сделаем покупку?

– А вам есть на что?

Бочком прошёл он к полкам с алкоголем, бородатый следом. Остановились перед пивом, и завели долгий разговор о достоинствах чешского и баварского пива. С другого конца отдела Рустам знаками показывает, что эти двое здесь уже не раз попадались на кражах. И началось состязание, кто кого победит, кто кого переждёт. В конце концов, победил похмельный синдром. Терпение алкашей лопнуло, взяли они по поллитровке самого дешёвого пива, и пошли на кассу. Я следом за ними. Горемыки расплатились (целую пригоршню копеек вывалили), и – айда на выход. Идут, а сами через плечо на меня косятся, как на врага всего прогрессивного человечества.

После обеда ещё двое «знатоков» заявили. Один с волосищами до плеч (голову не мыл, скорее всего, последние полторы пятилетки), в затёртой джинсухе и ковбойских башмаках со скошенным каблуком. Другой, прямо, родной брат Винни-Пуха: щеки на плечах лежат, талия шире плеч – похоже, в жизни не поднимал ничего тяжелее стакана. Эти визитёры тоже из «академиков», правда, по части ликёров. И причмокивают, и горлышки бутылок обнюхивают... Мимо меня проходит кассирша Зинка. Незаметно мигает: за этими приглядывай особо. Да я так и понял, что ребятки никак не из тимуровцев.

Подошёл, спросил их:

– Вам что-нибудь посоветовать?

Они изобразили такой вид, как будто я им предложил отведать неразведённого уксуса, и объявили, что ассортимент у нас убогий, купить вообще нечего, а потому они уходят в другой магазин. Соображаю – зря я так! Надо было, как это делает Лёха, позволить им чего-нибудь припрятать и попробовать вынести, чтобы задержать на выходе. Вот и состоялось бы долгожданное задержание. Но, чего нет – того нет. В конце вечера Анька-меньшая на эту тему устроила «разбор полётов». Вроде того: ты здесь уже четвёртый день, а никого ещё так и не поймал... Спрашиваю:

– Что, есть какие-то признаки того, что эти дни был вынос товара?

Она, как и большая, начинает кипятиться (уж, такие тем-

пераментные «пейзанки»!):

– Нет задержаний, значит, есть хищения – это уже твёрдый, не единожды подтверждённый факт.

Не сдаюсь:

– Не уверен в твёрдости этого факта! Тогда получается так, что если я ежедневно не бегаю к врачам и не хлебаю литрами микстуру, то гарантированно – или тяжело болен, или даже уже умер. А я – просто: не болею!

Она, бедная, как видно несколько даже ошалела от такого нахальства. Не находя слов, ртом захлопала, глаза закатила, пальцем в потолок тычет:

– Вот, Лёша Магомедов работает! У него поучился бы... У него каждый день несколько задержаний.

Киваю:

– Пытался. Ну, в смысле, поучиться. Расспрашивал его, как именно он выявляет тех, кто пришёл красть. Но он толком ничего так и не сказал. Видимо, не хочет делиться секретами. Что я тут могу поделаться?

И опять задаю ей всё тот же вопрос: почему у нас не используются возможности видеонаблюдения? Почему нельзя просматривать записи хотя бы тех моментов, когда есть подозрение, что была кража? Тогда мы могли бы говорить предметно: да, в таком-то часу, такой-то человек украл то-то и то-то. А вот охранник – то есть, я – в этот момент где-то рассиживался и бездельничал. Почему, имея такую технику, мы работаем на уровне каменного века, а «высший пилотаж»

охранника – бить морду алкашам в подсобке?

Тут она и вовсе зависла. Потом снова затарахтела:

– Видеозаписи... Да на кой это нужно? Что ты там увидишь? Смотри за залом, давай, иди... А то только умничать и умеешь. Не будет задержаний – уйдёшь досрочно.

И быстренько так, шустренько умелась. Ну а я достал телефон, набрал номер Васина. Он, видимо, в этот момент куда-то ехал. Моему звонку и малость удивился и, я так понял, не очень обрадовался.

– Что там у тебя?

Объяснил ему, что у наших менеджерш началось осеннее обострение по части отсутствия задержаний. Поедом есть готовы. Но при этом, никак не решат вопрос с просмотром записей камер наблюдения. Что за ерунда? Вместо того, чтобы мне помочь, эти « милые и замечательные леди », наоборот, ставят палки в колёса, и одновременно требуют от меня больших задержаний. Достали – дальше некуда! Если есть другой объект, с достаточно вменяемыми людьми, буду не против перевестись туда.

Он меня выслушал, повздыхал, пояснил, что « в каждой избушке – свои погремушки ». То бишь, неадекватных людей хватает везде, и ещё неизвестно, чья дурь – дурнее. А камеры... Да, в « Купи! » их записи почему-то в положении засекреченных. Кто и почему так сделал – он и сам не знает. Но пообещал с Аньками поговорить.

Подошла Шура – она с отдаления наблюдала за нашей пе-

репалкой с Анькой. Смеётся:

– ...Классно ты её поддел! Всё правильно... Это ещё надо доказать, что здесь и в самом деле крадут. Мы за эти дни ни разу не замечали, что были выносы, так что, пусть не «свистит».

Шура рассказала, что в магазин пошла работать лет пять назад, поскольку по своей основной специальности (она юрист, специалист по хозяйственному праву) ничего найти не смогла. За время работы её отношения с менеджершами и директрисой сложились не самые дружеские. Скорее, наоборот. Здешнюю директрису я ещё не видел ни разу – она в отпуску, скоро должна появиться. Но, по словам Шуры, особа занозистая, и с большим самомнением. На подчинённых смотрит как на второй сорт, если кем недовольна, может нахамить, и довольно-таки безобразно.

Года четыре назад, когда Шура ждала ребёнка, на работе ей как-то раз стало плохо. Она пошла к директрисе, чтобы взять недельный отпуск. Но та упёрлась: подменить некем, твои болезни меня не касаются. Иди, вон, и работай – нечего тут корчить из себя «умирающего лебедя»! Шура попыталась воззвать к её сочувствию:

– Но я же беременна, я могу потерять ребёнка!

И в ответ услышала такую дичь, что вообще ни в какие ворота:

– Да, что б он сдох, твой ребёнок!..

Впрочем, на больничный Шура, всё же, ушла, как дирек-

триса ни противилась. После выздоровления она снова вернулась на работу. В отместку за строптивость её попытались «выдавить» по статье, но не удалось – не на ту нарвались. Кроме того, у Шуры, по её словам, и на директрису, и на обеих её заместительниц, имеется убойный компромат. Если она его вдруг «сопьёт» в центральный офис, то все трое, в лучшем случае, будут, просто, уволены. А в худшем... Но моя собеседница их крови не жаждет, а дорабатывает до конца этого года. Сразу после праздников собирается уходить на другое место.

Девятнадцатое ноября

Сегодня неделя, как я охранник в «Купи!». И сегодня, наконец-то, у меня первое реальное задержание. Опять двое (здесь, похоже, мода ходить «на дело» парами). Этих двоих деляг за прошедшие дни я не замечал ещё ни разу. Оба за метр восемьдесят (типичные кадухинцы) лбы не хилые, оба «под газом». Правда, один из них чуточку потрезвее. Он и одет малость поприличнее – почти не потёртая куртка из кожзаменителя, относительно чистые туфли, подстрижен, побрит. Его приятель больше похож на бомжа: куртка грязноватая, штаны мятые, физия заросшая... Что интересно, на лицо эта парочка – прямо-таки, копия комиков из английского сериала «Дживс и Вустер».

Зашли они в алкогольный отдел, чего-то там пошушукались, взяли три бутылки водки, и пошли к кассе. Что-то эти двое сразу же вызвали у меня сомнения. Чую – парни что-то

задумали. Как только на кассе подошла их очередь расплачиваться, я сразу же – туда, и вижу: перед Альбиной они поставили всего две бутылки. А где же третья? Сразу появилась мысль: а не задержать ли их на выходе, когда факт кражи доказать – раз плюнуть? Но тут же понял – может и не прокатить. Парни – не из дистрофиков, да ещё и крепко подпитые, к тому же, явно, оба «без тормозов». Сразу обоих схватить не получится. Значит, пока я буду возиться с одним, другой улизнёт без проблем. И если краденое окажется у того, что смылся, за необоснованное задержание перед оставшимся придётся извиняться. Вывод: их надо брать прямо сейчас. Правда, в этом случае премия за задержание «обламывается». Хотя... Какая там премия?!

Лёха мне как-то рассказывал, что, когда он заступал на работу, ему много чего говорили насчёт премий. Вроде того: лови побольше – за каждое реальное задержание (с вызовом полиции, оставлением протокола и т.д.) минимум, светит пятисотка. Он и «упёрся рогом» – фильтровал на выходе всех подряд. Набралось за месяц десять реальных, серьёзных задержаний. То бишь, приходилось ему доплаты к зарплате сразу пять тысяч. А поехал получать зарплату – фи-гушки! Нет никакой доплаты. Отмазались в «ЛЮМе» тем, что он, якобы, чего-то там не так сделал – то ли не тех задерживал, то ли не так оформлял. Ну, он и махнул на это рукой. «Застенчивых» (кто крал по мелочёвке) заставлял на кассе оплатить товар и проваливать. Тех, кто наглед и тащил по-

крупному, «воспитывал» в подсобке. И вот, подхожу к этим двоим хитромудрым поближе, интересуюсь:

– Э, орлы, а где ещё одна бутылка? Вы брали три, а на кассе только две. Где ещё одна?

«Орлы» сразу поскучнели, скисли, задёргались. Тот, что потрезвее, с круглой, сытой мордуленцией (похож на Дживса) запустил руку в карман своего приятеля (копия Вустера), и достал из него недостающую третью бутылку. Протягивает её мне и, изображая улыбочку, жмёт плечами:

– Это он пошутил, проверял бдительность охраны.

– Скверная шутка! Оплачивать товар будете?

«Дживс» отмахивается:

– Да у меня денег всего на пару бутылок, а он напирает, типа того, давай купим три. Думает, что у меня в кармане печатный станок.

Забрал я бутылку, сделал вид, что ухожу к «алкашке», и тут же, неожиданно, по методе киношного сыщика Коломбо, вернулся назад. А на кассе – всего одна бутылка! Ну и ворьё! Как говорится, на ходу подмётки режут. Ухитрились бутылку умыкнуть прямо из-под носа кассирши, и где-то опять спрятали.

Уже начинаю звереть:

– Что, наглеем? Может, вызвать ГБР?

Показал им «тревожную кнопку» (сегодня наконец-то удалось её выбить). «Дживс» моментально начал зеленеть, руками разводит, на «Вустера» замахивается:

– Ты чё, охламон, опять, что ль, пузырь зажал? Давай сюда!

И из того же кармана своего приятеля он снова извлекает бутылку. Смотрю на Альбину: ты-то как лопухнулась? Как могло получиться, что они прямо при тебе умыкнули товар? Кассирша тут же приуныла, что-то бурчит выпивохам. Тут до меня дошло: похоже, они её хорошие знакомые, а может даже и родственники. Видимо, поэтому она и смотрела за нами сквозь пальцы. Думала, что они её «по-свойски» не подведут. Подвели...

Забрал я и эту стеклотару, проследил за тем, чтобы они оплатили хотя бы последнюю. Ну, на этот раз обошлось без фокусов – «Дживс» деньги достал, отдал Альбине. А «Вустера», как видно, «жаба душит» – и с водкой я их обломил, и перед людьми опозорился – в очереди над ними смеются... Кадухино же – городишко небольшой, всего тысяч пять населения. Тут друг друга знают очень многие. Так что, себя «орлы» уже наказали – бабские языки кости им так перемоют, что жизнь мёдом не покажется.

«Вустер» в мою сторону недовольно тарачится и бурчит с ехидной подначкой:

– Ты, я вижу, очень сме-е-лый! Свою работу выполняешь стара-а-тельно...

В тон ему отвечаю:

– Работа у каждого, своя. У тебя – красть, у меня – караулить и ловить. Со своей я, как видишь, справился. А вот ты

– нет. А раз не умеешь красть, то лучше вообще не берись за это дело.

Насупился он, но больше ничего уже не сказал. Вымелись они из магазина, я понёс бутылки на место. Иду по рядам, и прикидываю. Так-то, по идее, я сейчас же должен бы известить о случившемся Аньку. Но тогда придётся рассказать ей и про то, как на кассе «прокололась» Альбина. А ей за это перепадёт не хило. Поэтому решил шум не поднимать, вечером втихую сделать запись в журнал задержаний, и – дело с концом.

Но у нас-то секретов нет, и быть не может! Тут стучат и докладывают стабильно. И десяти минут не прошло – бежит ко мне Анька. Глаза большие сделала, носом сопит, как бык на корриде...

– У нас, что, сейчас было задержание? – спрашивает меня с таким недовольством, как если бы я не задержал воришек, а сам, своими руками, помог им пронести товар мимо кассы.

Ну, в двух словах рассказал ей, как и что было. У Аньки чуть пар не пошёл из ушей.

– Их надо было задержать на выходе и немедленно вызвать меня!

Задержать? Этих двоих подпитых «кренделей»? Да ещё в зоне, не входящей в сектор обзора видеокамер? Вопрос очень спорный. Ну, завязалась бы драка. И если бы в итоге досталось мне, я «по умолчанию» был бы признан её виновником со всеми вытекающими. А если бы пострадал кто-то

из них, было бы ещё хуже – мне отвечать пришлось бы по статье УК за нанесение телесных повреждений.

Анька чуть не скрежещет зубами:

– Вот был бы Лёша, он бы их задержал!

Ой, ой, ой! Ты с него ещё икону закажи.

– Да, Лёша мужик здоровый, но на этих двоих его, явно, не хватило бы. У него, кстати, уже был случай, когда он погнался за бугаём, больше, чем он сам. А тот на улице развернулся, и в обратную! Пришлось Лёше давать ускоренный задний ход. Об этом он мне сам лично рассказывал. Он же меня и инструктировал, что мы не обязаны применять физическую силу. Более того, мы даже не имеем на это права! Или это не так?

Анька побагровела – никак не ожидала такого подвоха. Но, как видно, всё равно решила не сдаваться:

– Ну а почему же не воспользовался «тревожной кнопкой»? Для чего тебе её дали?

Голубушка, ты что, вообще, сегодня курила? Предлагаю:

– А, давай ГБР вызовем прямо сейчас?! Я нажимаю на кнопку, и мы засекаем время, через сколько они приедут. Попробуем? Через час или два? Уж, проще было бы звякнуть местным ментам. Может, их пригласим? Эти, бог даст, хотя бы к вечеру заглянут.

У Аньки начинается паркинсон – её аж трясёт.

– И, что же ты тогда предлагаешь? Вообще, что ль, никого не задерживать? Что, пусть весь магазин выносят? Нет, не

сработаемся мы с тобой! Не сработаемся! – и пошла к Альбине.

Та, гляжу, сразу же впала в депрессию. Похоже, подумала, что я Аньке уже настучал про её промашку. А менеджерша к ней эдакой лисой-Алисой подруливает, и давай задушевно, так, выспрашивать: как именно я предъявлял претензии тем двум остолопам. Вроде того, не разводил ли с ними всякие-разные «муси-пуси»? Что, понятное дело, могло бы подтвердить мою явную никчёмность и профнепригодность. Альбина, как видно, тут же сообразила, что я её не выдал. Она немедленно воодушевилась, и расписала мои действия как очень решительные и грамотные. У Аньки – это по глазам было видно – настроение упало ниже плинтуса, и она, что-то бурча, ушла к себе.

Где-то уже после обеда, гляжу – на входе знакомая морда мелькнула. Присмотрелся – опаньки! – да это же «Вустер» собственной персоной! И, как будто даже, малость протрезвевший. Иду ему навстречу. На ходу соображаю: видимо, чувакам одной бутылки водки не хватило, и этот фрукт решил попробовать спереть ещё пузырь в одиночку. Но я ошибся. «Вустер» пришёл не за водкой, а персонально ко мне. Поговорить. Сказал, что «по пьяни сваял дурака», что никогда не крал, и не крадёт, а то, что было здесь – «так вышло», но больше этого не будет. Даже извинился.

Немного поговорили «за жизнь». Его зовут Никита, годовков ему уже больше тридцати, постоянной работы нет. В ос-

новном, калымит, если что подвернётся. Женат, но детей не нарожали. Уверяет, что никогда бы раньше и не подумал, что дойдёт до жизни такой. Когда-то даже спортом занимался, плаванием. А теперь – только «литерболом» ...

Едва он ушёл, ко мне опять мчится Анька. И сразу – «в штыковую»:

– Он чего приходил? А? Это же из тех двоих, что хотели украсть водку? Из них? Я ж тебе говорила, что они теперь постоянно тут будут отираться, чтобы что-нибудь спереть!

Вот завелась, вот завелась!

– Нет, – говорю, – сейчас он приходил не красть, а извинился за то происшествие. Дал слово, что такого больше не повторится.

У Аньки взгляд пингвина, которому предложили жениться на дикобразе. Смотрит, и не может понять – я всерьёз, или прикалываюсь.

– Он, что, прямо так и сказал? – она даже голову набок наклонила от избытка недоверчивости.

Да, прямо так и сказал. Расписки, подписанной кровью, я с него не требовал. Потопталась Анька, потопталась, да и пошла. Ну а я бегом в кондитерский отдел – туда завалила компания школьников. Вижу, девочка лет четырнадцати при моём появлении что-то излишне быстро сунула в карман. С ней ещё четверо подружек, поменьше её. Прохожу мимо и, как бы, про меж делом, интересуюсь:

– И что же у нас там в карманчике?

У неё чуть ли не искры из глаз! Выхватывает из кармана баночку с витаминами и со слезой в голосе возмущённо выдает:

– Вот, витамины! Я своих подружек угостила. Этого же у вас здесь не продают?

– Не продают... Всё понятно, вопросов больше нет!

Хочу идти дальше, но юная кадухинчанка уже «оседлала тему»:

– А вы, что, меня проверять не будете?

В голосе удивление и даже досада.

– Нет, не буду.

– А почему? Вы – проверяйте, проверяйте!

– Да, не буду я тебя проверять! Не вижу такой необходимости. Если обидел – извини.

Спешу к кассе. Здесь на стойках полно всяких кондитерских штучных ерундовин,, наподобие конфет, леденцов, жвачек и тому подобного. В очереди два пацанчика лет десяти. У одного карман оттопырен, но он подаёт кассиру только пачку жвачек. Вполголоса говорю ему:

– Ты, наверное, очень хотел оплатить «Киндер-сюрприз», но нечаянно забыл. Да?

Он неохотно кивает и изображает огорчение по поводу своей «забывчивости». На кассе тут же появляется припятанная сладость. Его друг пытается сгладить неловкий момент:

– Да он у нас вообще такой забывчивый! И в школе по-

стоянно всё забывает.

«Верю»! Конечно, «верю»... Не он один такой. «Забычивых» хватает.

Впрочем, школяры частенько ко мне подходят сами, например, чтобы спросить, на какую именно покупку хватит их карманных капиталов. Вот, на днях, гляжу, забегают девочка-третьекласска. Видимо, у неё большая перемена. Прямо, копия настыры в очках из какой-то там серии «Ералаша». Даже голос похож. Идёт мимо меня, и громко, чуть ли не на весь зал здоровается скороговоркой:

– Здравствуйтедяденька-охранник!

– Здравствуй, девочка! Ты что-то хотела купить?

– Да! Хочукупитьсок. Сосчитайтепожалуйстамоиденьги!

Золотце, да ты сама уже должна бы уметь считать свою наличность. Но настыра – она и есть настыра: «Сосчитайте!» Сосчитал, прикинул, что ей хватит на семь маленьких упаковок яблочного сока. Она тут же на весь магазин:

– Нинка-а-а! Давай сюда-а-а! Семь соков возьмём! Ща упьёмся!!!

Пришла она и сегодня по заданию мамы. Протягивает список.

– Дяденька-охранник! А вы мне можете найти, что тут мама написала?

И, что же написала твоя мама? Батон, лимон, масло сливочное, пачка сахара-песка и... Брикет дрожжей. Нормальный «джентльменский» набор подмосковной леди! Не хва-

тает только заказа на самогонный аппарат. Идём, ищем...

В дверях появляется горластая компания старшеклассников. Перемещаюсь к ним поближе – среди них уже замеченный мною «прихватизатор». Кстати, о старшеклассниках. Здесь, как я заметил с самого первого дня, народ, в основном, высокорослый. Парни десятого-одиннадцатого класса – «фитили» баскетбольного роста. Взрослые (есть немало и высоченных женщин), соответственно, тоже – под два метра, и даже больше. Интересно, отчего бы так? Может быть, вода здесь какая-нибудь особенная? Хотя, вода в Кадухино, как раз, препротивная – очень даже отдаёт болотом.

Когда школяры массово покидают магазин, в зале ненадолго устанавливается кое-какое спокойствие. Но меньше чем через полчаса с очередной электрички в магазин вваливает толпища покупателей, и я снова бегу к грузовому терминалу звать дополнительных кассиров. А уже в десятом часу вечера в зале снова появляется Никита. На сей раз он «в стельку», и совсем «не вяжет лыка». Хочет взять пиво, но я останавливаю – уже поздно, время вышло. Он натужно пучит глаза, пытаюсь меня разглядеть. Наконец, спрашивает:

– А т-ты кто такой?

Отвечаю вопросом на вопрос:

– Плавать умеешь?

– Р-разрядник!

– Вот и гребь домой! Тут тебе сегодня делать нечего – по «алкашке» уже начался «комендантский час». Всё! Деньга-

ми можешь не размахивать – они уже ничего не решат.

Он снова в меня всматривается и, наконец, что-то уразумев, согласно кивает:

– А-а-а!.. Ага, ага! Ты этот, как его? Моряк, морячок... Мужики про тебя говорили. Ага! Ладно, пойду...

Ну, надо же! Оказывается, мою предполагаемую принадлежность к флоту (тельняшку-то я так и ношу) местная алконавтская общественность уже заметила и сделала кое-какие выводы. Теперь, получается, мне надо уже всерьёз корчить из себя бывшего морехода, хотя, понятное дело, это и не слишком комильфо. Хотя, пусть думают, будто я, и в самом деле, с флота. И с них от этого ничего не убудет, и мне не прибудет. Зато шансы на мирные отношения с местным «блат-бомондом» куда существеннее.

Ближе к десяти набираю продуктов, бегу на кассу. Анька специальным ключом переключает кассовый аппарат на некий особый режим. За мной в очередь со своими пакетами выстраиваются все остальные. Потом... Потом – всё, как и обычно: закрываю двери, опечатаваю, проверяю сумки, показываю свою. Домой!

Двадцатое ноября

Встал в пять утра, поскольку сегодня надо на работу попасть пораньше. Вчера, когда закрывал двери внутренних помещений, случайно унёс с собой ключи. Как бы не нарваться на скандалчик... Наспех умылся, наспех позавтракал и – бегом на работу. Анька-меньшая уже на месте. Войдя

в кабинет и, мимоходом поздоровавшись, незаметно бросаю ключи в картонную тубу из-под чипсов. Анька – нулём. Как что-то там писала, так и пишет. Ну и замечательно, что обошлось без претензий и разборок.

. Открываемся. И уже на первых минутах мне приходится решать кинологические проблемы. Какая-то местная любительница животных притащила с собой свою барбосину. Ну, как притащила? Та сама за ней

притащилась и, понятное дело, вслед за хозяйкой прошмыгнула прямо в зал. Пришлось её выгонять. Разыскал эту особу, и потребовал, чтобы забирала она свою собаку и отправлялась с ней домой. Но она начала разводить руками: «Это не моя! Это соседская!». Раз пять пришлось заниматься выдворением четвероногого аспида. Тут одна женщина, проходя мимо, по секрету шёпотом сообщила, что собака-то, на самом деле, той мадам и принадлежит. Они соседи по подъезду, Снова иду к «кинологше». Уведомляю, что мне уже доподлинно точно известно: эта собака – её, а не каких-то там соседей. Поэтому прямо сейчас вызову участкового, и он выпишет ей штраф за ненадлежащее содержание этой, уже доставшей меня животины. Она тут же становится в позу:

– А кто это тебе сказал?

– Только что передали по Би-Би-Си и «Голосу Америки»!
Ну, так, как? Немедленно забираете с собой собаку, и – домой? Или я прямо сейчас вызываю участкового?

Ну, она тут же перекрыла фонтан своего красноречия, по-скакала к кассе, и быстренько вымелась из магазина. Собака – следом за ней. Стою у двери, и думаю: а не специально ли эта скандалистка притащила в магазин свою живность? Что, если в то время, когда я гонял лопухую злыдню, её хозяйка без проблем пихала под пальто сыры и колбасы?..

Снова «нарезаю круги» по залу, слежу за обстановкой. Всё, как будто, устаканилось. Но, как говорится, недолго музыка играла. Минут через десять приходит другая «кинолог-ша», которая держит на руках кудлатого бобика с полпуда весом. Сажает его в тележку для покупок и собирается в колбасный отдел. Загораживаю ей дорогу: куда? Она возмущается на повышенных тонах:

– А что, нельзя? До этого всегда было можно!

Иду к Аньке: как быть-то с этой «митинганткой»? Та сразу же начала мяться. Вроде бы и – нельзя, а вроде бы и – можно. Так, можно или нельзя?? Ну, повздыхала Анька, повздыхала, но, как видно, решила-таки показаться на люди. Похоже, и её напряг тот момент, что собаку посадили в продуктовую тележку. Вышли с ней вместе.

«Митингантка» уже в зале, собака сидит в тележке среди кучи продуктов. Спрашиваю:

– Ваша собака привита? У вас справка с собой есть? А вдруг, она больная? Да, не дай бог, бешенством! Кто потом за это будет отвечать?

Анька сразу округлила глаза и объявила, что продуктовые

тележки – не собачье такси. Та надулась, и молчком покати-ла к кассе. После этого случая Анька повесила объявление насчёт собак – заходить с ними не дальше вестибюля. Правда, не все на него обращали внимание. Одна из собачниц, ко-торой я сделал замечание меня упрекнула:

– ...Просто, я вижу, вы по своей натуре не любите собак, и вообще, животных!

Пришлось внести ясность, что животных-то я люблю, а вот некоторых их хозяев, которые «не дружат с головой» – совсем наоборот.

– ...Ну, давайте, давайте будем тащить в магазин всю свою домашнюю живность, – начинаю загибать пальцы. – Кроме собачек, ещё и попугайчиков, удавчиков, крокодилчиков, овечек, коровок, лошадок... То-то здесь начнётся веселуха!

После обеда появился Никита. Трезвый и даже побритый. Сетовал по поводу здоровья. Говорит, уже перенёс два ин-фаркта. Врачи сказали, что третьего ему уже не пережить. Ну, так, пить-то тогда зачем? «Вот об этом и думаю...» – вздыхает он. Купил продуктов, к спиртному даже не подо-шёл. Ну, уже это – достижение!

Иду по залу, ноги, как и всегда к этому времени начи-нают гудеть. Покупателей, как назло, не убавляется. Прихо-дится шнырять по всем рядам наподобие сыщика Моркоу из приключений Чиполлино. Не хватает только собачки Дер-жи-Хватай. Хотя... После обеда, как нарочно, ещё человек шесть припёрлось со своими «держ-и-хватаями». Да, что ж

за день такой?!!

Часу в третьем, после пробежки по залу, направляюсь в «алкашку». Гляжу (вернее, обоняю носом) – туда зарулила за выпивкой какая-то большая поклонница парфюмерии. Напарфюмерилась так, как будто вылила на себя сразу несколько флаконов духов: были б сейчас мухи – попадали бы в обморок. Стала она у меня допытываться, что бы ей лучше взять на день рождения подруги. Ну, я пояснил, что если компания с претензией на «крутизну» – лучше всего взять коньяк или вискаря. Обрадовалась, купила литр коньяка из «элитки» и – айда на выход.

Стою на углу витрин, чтобы оттуда наблюдать и за «алкашкой», и за колбасами с сырами. В это время за спиртным идёт ещё одна местная жительница. Прямо, копия Аманды Пит, только в местном варианте: рост (как и положено в Кадухино!) под метр восемьдесят, талия – в два обхвата. Мимоходом покопалась она в сырах, и двинулась в отдел алкоголя. Но, проходя мимо меня, вдруг приостановилась, нюхнула, и с эдакой подначкой поинтересовалась: не я ли так жутко наодеколонился? Вношу ясность:

– С какого бодуна? У меня на парфюмерию стабильная аллергия – и на «Шанель», и даже на «Тройной».

Она прищурилась, как дедушка Ленин, которому на глаза попала мировая буржуазия, и с игриво-многозначительными интонациями поинтересовалась:

– А если проверить? А?

Вопрос, конечно, очень актуальный! Уточняю:

– Интересно, это как же? Обнюхивать, что ли, будете?

И она на полном серьёзе:

– Да! Вот, прямо сейчас и проверим, чем одеколонятся охранники в «Купи!»!

И – кто бы в это поверил?! – эта фифа натурально, начинает меня обнюхивать: рубашку, волосы, причём, с таким азартом, с таким аппетитом, как голодный туземец с Борнео приняхивался бы к выброшенному на остров мореплавателю после кораблекрушения... Только что не облизывается и не причмокивает. Стою в полном обалдении (у тебя, «хрупкая девочка» все дома?), и не знаю, как на эту её дурь отреагировать. Вроде, и грубить этой чудачке нет особого повода, но-о... Народ уже начинает как на цирк таращиться в нашу сторону. Ситуация, вообще, кромешно нелепая – глупее и нарочно не придумаешь.. Тут появляется Шура (видимо, в очередной раз спешила покурить) и, как это у неё водится, рубит напрямую, как Чапай своей шашкой:

– Э! Алё! А чего это ты надумала обнюхивать нашего охранника?! А? Ишь ты, премудрая! У нас самих тут есть кому его обнюхать!

Похоже, они хорошие знакомые – та ржёт в ответ, и с подтекстом интересуется:

– А что это ты так разволновалась? Сама, небось, глаз положила?

Вижу – разговор получается какой-то скользкий, да и не

в ту сторону заворачивающий. Уведомляю:

– Девчонки, девчонки – отпад! У меня и дома есть, кому обнюхать, если вдруг в том будет такая надобность. Есть кому обеспечить и всё остальное! Есть, есть! Так что – финиш, тему закрываем!

«Дегустаторша» огорчилась, и с упрёком выговаривает:

– Вот он как: взял, и – отшил! Облом. Ну, что, подруга, тогда, пойдём, покурим...

Кстати, о куреве. Как же тут много курят! И, особенно, женщины. Дымят не переставая. Сигареты на кассах расходятся быстрее, чем горячие пирожки. Раньше думалось, что такая ситуация только в самой Москве. Но, оказывается, и Подмосковье насчёт курильщиков очень даже не бедно.

Не обошлась сегодняшняя смена без визита алкашей (ну, как же без них-то?!). Сначала пришёл кособокий, иссиня-чёрный с похмелюги, пожилой мужичишка бомжеватого вида. Его я засёк, едва он появился на входе. Видать, вчера упился какой-нибудь отравы, наподобие денатурата, а сегодня вышел на поиски чем бы «подлечиться». Крадучись, мышкой прошмыгнул мимо кассы, и немножко потоптался у сыров с колбасами. Ну а потом потащился в алкогольный отдел. А я уже там! Он это заметил, помялся-помялся и – шашть к выходу. Ну, ушёл, и ушёл... Однако не прошло и пары минут, он снова замаячил у входа. Видать, горит у него не слабо. Нашёл меня взглядом, скривился («Опять ты, зараза!»), и – на улицу.

Минут через десять притащился другой «синяк», помоложе. Судя по физии, сын того алкаша. Тоже пьянюга, и без очков видно – конченный. Идёт прямо ко мне. Подошёл и объявляет:

– Я здесь свой кошелёк потерял!

Кошелёк?! Во, даёт! Да был ли он у тебя, бесценный ты наш, вообще, хоть когда-нибудь?

– Значит, говоришь, потерял? – уточняю. – А в каком году это было? И где это – «здесь»: на территории Кадухино, в торговом зале «Купи!», или именно на этом месте у алкогольного отдела? Кстати, денег-то сколько там было?

Вижу, бедолага от неожиданности даже опешил. Головой-то, скорее всего, не пользовался он уже давно, думать отвык, а тут – сразу столько вопросов. Около минуты что-то обмозговывал, после чего начал доказывать, что потерять кошелёк он мог только в «Купи!», примерно, полчаса назад. И именно здесь, у полок с пивом. А денег в нём было... Дойдя до этого места он сразу же замолк. По лицу вижу, что ему очень хочется сказать: «Десять тысяч», но и страшновато. Поэтому малость он помялся и объявил:

– Триста пьсят...

– Долларов, евро?

– Рубле-е-е-й... – замотал он головой.

– Хорошо! – говорю ему с самым серьёзным видом, – Значит, так! Сейчас дам тебе бумагу и авторучку, ты напишешь, какими купюрами были деньги, какой формы и цвета коше-

лѐк.

Он это услышал, и даже в лице переменился. Отмахивается:

– Нет, нет, я ничего писать не буду! А зачем это?

– Как зачем? – жму плечами. – Твои деньги надо найти?

Надо. Поэтому вы с грузчиком сейчас вдвоём начнёте обыскивать покупателей, а я вызову полицию.

При упоминании о полиции у бедного выпивохи настроение испортилось окончательно. Он начал бормотать, что, возможно, кошелѐк и вправду сегодня утром потерял, но не у нас. В этот момент снова появился первый. Он с дикой похмельюги, пребывает в похмельном пароксизме, его корчит и колбасит. Он бьѐт себя в грудь кулаком и начинает гундѐж про всё тот же потерянный кошелѐк:

– ...Я его послал за пивом, а он где-то тут кошелѐк выронил! – старый «синяк» тычет пальцем в молодого.

Тут же объявляю:

– Сегодня в магазине было найдено два кошелька: красный и чѐрный. В одном – тысяча рублей, в другом – пять. Ваш – какого цвета?

Старый алкаш дѐрнулся, его глаза загорелись. Хрипит:

– А в каком было больше? – и тянет руки, вроде того: давай, давай его сюда.

Да-а-а... Тупой, ещё тупее. Ну, всё. Пора кончать эту комедию.

– Короче, – говорю им, – мужики! Шутки – в сторону.

Ничего вы тут не теряли, а потому – идите-ка куда подальше, и рассказывайте свои сказки про потерянный кошелёк где-нибудь в другом месте. А тут лохов зря ищите. Вперёд!

Старший, было, заерепенился, начал кипятиться, объявил, что хочет увидеть директора магазина, что будет жаловаться в прокуратуру... Но молодой, как видно, уже понял, что ничего им тут не светит,. Взял он своего папашу за руку, и потащил к выходу. Тот, как видно, совсем ошалев от похмельного токсикоза, попёр на него с кулаками. Пришлось вмешаться мне. Взял алкаша-папашу за шкирку, и отвёл на крыльцо. Потусовались они там, почадили замусоленными цыбариками, и куда-то поплелись.

Ближе к вечеру, как всегда неожиданно, появился Васин. Снова меня сфотографировал, поинтересовался, как идут дела, и затребовал подробности вчерашнего задержания. Ну, рассказал ему в деталях, как дело было. Он одобрил – всё нормально, всё правильно. Вроде того, так держать, задержи-вай почаще. Да, рад бы! Вот если бы удалось решить вопрос с просмотром видеозаписей – тогда уж, точно – задержаний стало бы гораздо больше. Он почесал затылок и опять, как и в прошлый раз, пообещал поговорить с Анькой. Минут через десять идёт назад, жмёт плечами:

– Ну, она пообещала, что обсудит этот вопрос с Трапезиной, с директором магазина.

Всё понятно. Даже Васин ничего не смог решить. Слава богу, день к концу! Как тут уже всё осточертело... Одно удо-

вольствие – дорога в общагу, когда идёшь, и знаешь, что ещё один день остался позади, и до «дембеля» осталось уже не три, а две недели. Сегодня у нас в общаге кое-какие перемены в личном составе. Рубен закончил вахту и уезжает домой почти до самого нового года. Вместо него в привокзальный «Купи!» прислали Джафара, тоже уроженца Закавказья.

Двадцать третье ноября

Уже половина вахты позади! День сегодня выдался напряжённый, суматошный. Всё началось с того, что с утра в «алкашке» окопались два «знатока». Один – квадратный брюнет с волосами до плеч, другой – длинный «хвощ», с бородёнкой на кончике подбородка. Пришли они часов в девять, и почти до обеда застряли у стеллажей с пивом. Сколько уже раз такое было! Их и не прогонишь, и не отойдёшь от них. Отойдёшь – тут же что-то может бесследно исчезнуть.

Слышу – со стороны входа донёсся какой-то непонятный шум: кто-то ругается, кого-то ловят... Подбежал туда. Оказалось, что Рустам с Анькой-большой задержали какого-то шкета из неблагополучной семьи с пакетом молока. Как потом мне рассказала Альбина, Рустам его уже знал как давнишнего крадуна по мелочам, и поэтому проследил за ворихой от молочки до выхода. Когда тот попытался проскочить в вестибюль, его в дверях и сцапали. Пакет отняли, оплатить в двойном размере заставили...

Наблюдаю за тем, как трясут расхитителя капиталистиче-

ской собственности и, одновременно, краем присматриваю за «знатоками». Они в очереди к кассе, косятся в мою сторону. Значит, что-то задумали. Делаю вид, что их не замечаю, Жду, что оплатят только по одной бутылке, а я их потом – цап-царап!. Но они о чём-то пошушукались, и выставили из карманов на кассу всё, что взяли. Тьфу ты, ёшкин кот! Опять Васин будет меня пилить...

В этот момент, с голливудской улыбкой ко мне подошла Анька-большая, помахивая пол-литровым пакетом самого дешёвого молока. Ухмыляется, и объявляет:

– Вот, смотри, мы с Рустамом отработали часть твоей зарплаты. Теперь её надо отдать ему!

Да, отдай, раз отработали... Хорошо, я всё осознал, уяснил, сейчас же исправлюсь, от молока ни на шаг не отойду. А всякие там коньяки и вискари? Да, плевать на них!

Анька перестаёт улыбаться и начинает психовать:

– Успевать надо везде! И в «молочке», и в «алкашке»! Понял?

Давно уже понял. С просмотром видеозаписей вопрос так и не решили?

– За залом смотреть надо внимательнее! – Анька назидательно мотает пакетом.

Замечательная мысль! А ну-ка, поучи, как это надо делать? Вот, к кассам стоит человек восемь. Подскажи: кто из них сейчас попробует вынести товар?

Она смотрит на очередь, недовольно морщится, вздыхает,

и – ни слова. Как видно, не знает, что сказать. Вот так-то, «ясновидящая» ты наша!

День идёт своим чередом. Хожу, присматриваю... Проходит мимо кассирша Вика – сегодня заступила вторая смена. Интересуется:

– Чего там Анька-то пыхтела? Сроду всеми недовольна.

Да, Анька-то – что?! Вот с Рустамом полные непонятки: вроде бы, работаем вместе, а он почему-то не меня предупредил насчёт того воришки, а менеджершу. С чего бы это так? Вика смеётся и поясняет:

– Так, он же тут на полулегальном положении. Вот ему и приходится прислуживаться, чтобы не выгнали. Думаешь, откуда начальство всё про всех знает?

Ах, вон оно что! Ну, тогда всё понятно, откуда «ноги растут».

Перед самым обедом в даерях появляется какой-то странный тип. На лице улыбочка утопленника, глаза остекленевшие. Его кидает его с боку набок, но он ухитряется на ходу отбивать чечётку. Похоже, в здешних местах у алкашей и наркош это самая крутяцкая фишка – одного «чечёточника» я уже видел. Иду ему навстречу, чтобы задержать на входе в зал – мало ли чего на уме у этого плясуна? Он дёргаться сразу же перестал, и вытаращился на меня, как баран на новые ворота. Состроил недоумённую рожу, и выдал с эдаким поклончиком:

– Здра-а-а-ссьте!

– Ну, здорово...

Он тут же, чуть не падая на пол, снова отбивает чечётку и пробует прошмыгнуть мимо меня. Но я загораживаю ему проход – фигушки, тебе там делать нечего. Он подёргался-подёргался, снова изобразил свой поклончик и объявил:

– И – до свиданья!..

Развернулся и, приплясывая, поскакал к выходу.

Подхожу к кассе, спрашиваю у Арины:

– Что за чудила?

Она машет рукой.

– Наркоша... Как накурится конопля, так и бежит к нам сюда со своими приплясами. Так-то он не из буйных, но с головой не дружит – это точно!

Ну, думаю, на сегодня лимит и на воров, и на идиотов исчерпан – сколько ж можно? Недаром же говорят: снаряд в одну и ту же воронку дважды не попадает... Чёрта с два! Как оказалось, попадает, и ещё как попадает!

Случилось это вскоре после обеда. Рустам, как раз, занимался просрочкой. Иду вдоль рядов, и краем глаза вижу, что невдалеке от него, возле сыров начал отираться какой-то пацан блатноватого вида, типа гопника. Он в кепке, спортивке и кроссовках, весь какой-то вертлявый и суетливый. Взял кусок сыра и примерился, как бы для того, чтобы сунуть себе за пазуху. Зыркнул в мою сторону, и со всякими там ужимками и выкрутасами бросил обратно. Скривил рот, типа того, этот сыр ему не понравился, и начал выбирать другой. Ну, тут уж

яснее ясного, что пацан решил поживиться сыром на халяву.

С отдаления продолжаю незаметно за ним присматривать – что он ещё, этот «перец» отморочит? А он и рад стараться – всё роется и роется в сырах, сам по сторонам озирается. Только как-то уж очень картинно это всё он делает, можно сказать, понарошку. Что за дуровщина? В чём тут подвох?

И тут... Опять со стороны касс – шум, гам, крики. Лишь тогда стало ясно, что этот чёртов гопник всего лишь отвлекал моё внимание, а крали-то другие. Вот, паразит! Бегу туда. Следом прибегает и Рустам. На месте выясняется, что воришек задержали кассирши Вика и Люська. Они заблокировали у входной двери двоих пацанов, по виду – старшеклассников, которые, минуя кассу, пошли на выход, хотя у одного из них был оттопыренный карман. Это заметила Люська, когда они прошмыгнули мимо неё, Она потребовала остановиться, но те – ноль внимания. К Люське тут же подключилась Вика, и общими усилиями этих балбесов они тормознули. Смотрю, а воришки ухмыляются, как будто им и горя мало. Они, как ни в чём не бывало ломаются, кривляются, гыгычут... Невдалеке от них – человек трое акселератов, у которых тоже непонятная веселуха. Скорее всего, «группа поддержки» этих двоих. Это, явно, неспроста! Похожу к задержанным.

– Что взяли? Выкладывайте!

Они разводят руками:

– А у нас ничего нет!

Вика возмущается:

– Как это ничего нет? Вы спёрли банку энергетика. Где она?

Крадуны продолжают ржать и доказывать, что у них ничего и не было. Вижу – у них, и в самом деле, карманы не выпирают. Значит, от украденного каким-то образом они успели избавиться. А раз нет вынесенного товара – что им можно вменить в вину?

Прибежала Анька. Расфыркалась, распыхтелась, возмущаться начала, вроде того: на хрен такие охранники, которые сами ничего не могут решить?!

Ну, у меня к ней тоже возникли свои вопросы: что за дурдом?! Чего орать-то? Нашла крайнего! Сама же знает, что обыскивать задержанных, если у них, явно, нет похищенного, по положению я не имею никакого права. Давай, под твою ответственность буду обыскивать. А сам на это не пойду – в честь чего? Они хоть и под два метра, но формально ещё несовершеннолетние.

Анька что-то буркнула, коршуном подскочила к пацанам, и начала шарить у них в карманах... «Группа поддержки», а с ней и тот гопник, что отвлекал моё внимание, наблюдают за ней и ржут на весь магазин. При этом один из них исподтишка снимает происходящее камерой телефона. Ну, теперь и дураку понятно: если это и была кража, то не более чем хохмы ради. Пацаны специально организовали такой вот «перформанс» с банкой энергетика, чтобы их задержали и учини-

ли весь этот шмон. Скорее всего, устроили это или на спор, или в счёт карточного проигрыша. Всё было разыграно, как по нотам. Пока кассирши блокировали выход, эти двое успели передать украденное своим приятелям. И – аминь. Ищисвищи...

Да-а, ситуация, однако! Ну, вот, как одному охраннику противостоять хорошо организованной бригаде крадунов? Ладно, эти чудилы – всего лишь приколисты, которым захотелось пощекотать себе нервы и повеселиться. А если вот так же, как и они, за дело возьмутся крадуны-профессионалы? Да тут им и полмагазина можно будет вынести – никто не заметит.

Короче, в карманах «приколистов», как и следовало ожидать, Анька так ничего и не нашла. Повздыхала она, посопела, и объявила, что парни свободны. Но они уходить не спешат – комедничают, хихикают, комментируют свои приключения. Только минут через пять, навыпендривавшись, вместе со своими приятелями, они, наконец-то, выкатились на улицу.

Анька, понятное дело, кипит как перегретый самовар, шипит и фыркает. И снова мне долдонит про то, как в этой ситуации сработал бы Лёха. Вроде того, он не стал бы чикаться со всякой тут свистобратией, а увёл бы этих двоих в подсобку, и там влупил бы им по полной программе. Да, на здоровье! Пусть бы влупил – его проблемы. Ну а мне-то с какой радости нарываться на статью УК, колотя несовершенно-

нолетних?! Из-за банки какого-то энергетика, который стоит меньше полтинника?! Вообще-то, уважаемая, я приехал на семью денег заработать, а не срок в колонии.

– Да, при таком качестве работы, ты себе и на обратную дорогу не заработаешь! – продолжает язвить Анька.

– Качество работы – вношу уточнение, – понятие растяжимое... И мордобою на рабочем месте – не показатель качества.

Популярно объясняю ей, почему не стал обыскивать пацана: он несовершеннолетний, и поэтому мы обязаны были вызвать его родителей. Вот, она его обыскала, а он сейчас возьмёт, и накатает заявление в полицию о том, что взрослая тётя обшаривала его с какими-то нехорошими намерениями. А его друзья всё это подтвердят. И будет потом эта тётя стоять перед дядей прокурором, и доказывать, что она – не верблюд, и что её действия не имели признаков чего-то нехорошего. И запахнет её служебное рвение статьёй УК, по которой можно даже срок схлопотать. Пусть даже и условный.

У Аньки явный ступор. Судя по всему, до неё вроде бы начало доходить, что она и в самом деле переборщила со своим усердием. Спрашиваю:

– Это правда, что на Лёху уже собираются шить уголовное дело из-за мордобоев? Правда?

Анька неопределённо жмёт плечами.

– Вот так! Тогда вопрос: а ваша торговая фирма, случись, Лёху и в самом деле будут судить, чем-то ему поможет? Ну,

там, выплатит истцам денежную компенсацию, чтобы отка-
зались от претензий, наймёт ему адвокатов?

– Ну, конечно, чем-то ему помогут обязательно... – то
ли заверяет, то ли предполагает Анька.

Ну, да, ну да... Помогут – передачку на зону пошлют, мо-
жет быть. Только, хотелось бы знать: а ради чего всё это?
Ну, вся эта остервенелость, мордобои... Ради чего?! Вон,
Рустам уже почти полчаса кидает в тележку всевозможную
просрочку – батоны, шоколад, палки колбасы, целые штабе-
ля пачек сливочного масла... Теперь оно пойдёт на помой-
ку. А всего из-за одной такой пачки в одном из «шопов» раз-
долбай-охранник и «добрейшей души» кассирши загнали в
могилу бабульку-пенсионерку, якобы она её украла, хотя на
самом деле, как потом выяснилось, никакой кражи не было.
Так, ради чего это всё? Ради какой «великой идеи»?

Но у Аньки логика своя, корпоративно-жлобская.

– То есть, ты хочешь сказать, что пусть отсюда всё тащат,
разворовывают только потому, что мы утилизируем просро-
ченные продукты? – как-то не по теме под конец взрывается
Анька.

Три тысячи баранов! Какая же она «сообразительная»!

– Нет, я хочу сказать, что, работая охранником, не соби-
раюсь нарушать Уголовный кодекс и должностную инструк-
цию. Только и всего лишь.

Да, работая охранником, я обязан задерживать тех, кто
крадёт. Но я не обязан, да и не собираюсь изображать из себя

остервенелого бобика, который готов кусать направо и налево, лишь бы угодить хозяину.

– Я лично уведомя Васина, чтобы тебя сюда он больше не присылал! – нервно грозитя Анька, и торопливо удаляеся.

Да уведомяй! Хоть короля Занзибара!

Потом, до самого вечера, можно сказать, было тихо. Разве что, пришлось выставить на улицу одного чушка, который тёрся подле продуктов. Его руки были изгвазданы в чём-то непонятном, но противном. «Благоухал» он, конечно, весьма и весьма. И вот, хватает он своими грязными руками хлеб, колбасы, сыры, для чего-то их мнёт, и кидает обратно.. Подхожу к нему, и ставлю в известность:

– Ты если чего-то надумал купить – бери и проваливай, а продукты нечего мусолить.

Он начал гундеть:

– А тебе-то чего-о? Они же в упаковк-о-вке!

Да мне по барабану, что они в упаковке! После твоих «стерильных» граблей как бы не началась эпидемия дизентерии. Эти продукты себе я – уж точно! – не возьму. Подёргался он, подёргался, и потащился к выходу, кстати, так ничего и не купив.

Кстати, о магазинах самообслуживания. Конечно, по части экономии времени продавцов, и покупателей – штука они, в целом, неплохая. А вот в смысле санитарии – сущая мина замедленного действия. Из-за того, что продукты хва-

тают все, кому не лень, риск подцепить что-нибудь заразное подскакивает в разы. На морде ж не написано, здоровый ли этот покупатель, или, скажем, он хронический туберкулёзник там, или кто-то ещё? Так что, как ни верти, но в таких «шопках» мы со своим здоровьем ежедневно играем в «русскую рулетку».

...Когда подошёл к концу и этот день, аномально нервный и замороженный, и я уже предвкушал заслуженный отдых, случилось ещё одно дурковатое ЧП. Где-то часу в девятом Анька-большая отчебучила очередную клоунаду. Я как раз курсировал между «алкашкой» и колбасами. Прибыла восьмичасовая электричка из Москвы, и в «Купи!» как-то так, резко, ворвалась толпа с полсотни человек. Если, не все сто. Возле касс очереди. Там и пожилые, и средних лет, и молодёжь, и даже школьники, хотя на улице уже ночная темень.

И вот, «пасу» я у стеллажа с водкой очередную «сладкую парочку», а в этот момент слышу дикое Анькино ржание, и её крик на весь зал:

– Петро-о-вич! Куды смотришь? У тебя тут презервативы украли!..

Ржут теперь уже все. От мала, до велика. Все, разумеется, тарашатся в мою сторону. Надо как-то выходить из этого дурацкого положения. Ну, а, как из него выйти? Только поставив в такое же дурацкое положение саму Аньку. Делаю «морду кирпичом», со «стеклянными» глазами выхожу к кассам (да и чёрт бы с ней, с этой «алкашкой» – пусть крадут на

здоровье!), и с самым серьёзным видом выясняю, кто бы это мог покуситься на «святое».

А Анька радуется как ребёнок, всё никак не нахохочется. Через смех кое-как объясняет, что «резину» украсть могли двое старшеклассников, которые недавно стояли в очереди. Но потом без видимых причин оба куда-то смылись. Кассирша Нина сразу же после этого, глянув на «этажерку» рядом со своей кассой, заметила, что на штыре, с висящими на нём упаковками презервативов, не хватает сразу трёх коробочек. Ах, во-о-о-о-о оно что! Достāju телефон и делаю вид, будто набираю чей-то номер. Прикрикиваю на всех, кто рядом:

– А ну-ка, тихо! Ти-и-хо-о-о! Алло, полиция? Полиция? – кричу в трубку на весь магазин. – Добрый вечер. Это охранник магазина «Купи!» на Новой. У нас крупное хищение – украдены презервативы. Да, много... Ага, спасибо!.. Ждём!

У Аньки смех тут же кончается, глаза делаются квадратные, она крутит пальцем у виска. Покупатели притихли, они, явно, заинтригованы. Менеджерша ошарашенно вопрошает:

– Ты, это, что? Серьёзно? Ты позвонил в полицию? Какого чёрта?! Я тебе это разрешала? У тебя, что, с головой проблемы?

Жму плечами – а в чём, собственно говоря, дело? Поступила информация – я на неё отреагировал. Снова «набираю номер». Анька уже начеку:

– Куда ещё звонить собрался?

Опять жму плечами – да, мало ли куда? Но, всё же, пояс-

няю:

– Васину хочу дать информацию. Не исключено, что и в других «Купи!» сегодня будут массово воровать именно «презики». Ну, чтобы наших ребят он срочно поставил в известность, а то – мало ли чего из-за этого может приключиться?

У Аньки глаза всё шире и шире. Она вообще уже не знает, что ей и думать, что говорить. Наконец, её прорывает:

– Что за чушь ты несёшь? Почему ты считаешь, что сегодня будут красть именно это?

Изобразив таинственный вид, говорю ей замогильным голосом:

– Террористы готовят взрыв!

Она смотрит на меня как на пациента клиники Кащенко.

– Чего-о-о-о? Какой ещё взрыв?

– Демографический. Случись, в магазинах острая нехватка «резины», начнутся сплошные залёты. Страшно представить, что через год будет твориться в подмосковных роддомах!

– Балда! Я пошутила!

– Я – тоже...

Анька багровеет, хлопает глазами, и теперь смеюсь уже я. Над ней. До неё наконец-то дошло, что никуда я не звонил, и что весь этот трёп – всего лишь способ отквитаться за её «остроумие». Процедив сквозь зубы что-то наподобие: «Понаприсылали тут всяких обалдуев!..», она уходит к себе.

После закрытия возвращаюсь в общагу под морозным ветром в распрекрасном настроении. Сегодня холодновато, градусов пятнадцать, не меньше. Прохладно и в нашем «бомжотеле». Спать ложусь одетым в куртку.

Двадцать шестое ноября

В полвосьмого зашёл в кабинет директорши, и с порога увидел, что она уже там. Здравуюсь, отмечаюсь в журнале, она спрашивает, как бы, про меж делом, в такой, жеманно-капризной интонации:

– Вамм сколько осталось до коннца сменны?

Отвечаю, что второго декабря – последний день. Она поморщилась, как от зубной боли, и «жеманит» дальше:

– Вашей работой я очень недовольна. Уже в открытую совершаются кражи, как это недавно было с банкой энергетика, а вы даже не реагируете на это, как положено. Сделаю всё возможное, чтобы вы от нас ушли как можно скорее.

И смотрит так выжидающе. Может быть, думала, что я тут же паду перед ней на колени, и начну просить о снисхождении? Щас! Тоже мне, баронесса фон Мозгокрутен! Делаю вид, что мне всё сущее (да и она сама тоже) «до лампочки», и молча ухожу. Слышу, сзади доносится её недовольное сопение – как видно, она ожидала чего-то совсем другого.

...Появилась директриса дня три назад. Я сразу даже не понял, кто это такая. В глаза бросилось, что какая-то мадам с деловым видом ходит по торговому залу без пальто, везде суёт свой нос, смотрит на всех свысока, на физию за версту

можно прочитать, как она всеми недовольна. Эдакая Мальвина в преклонных годах. Присмотрелся к ней, и вспомнил, что уже видел этот фейс на информационном стенде в вестибюле, где пришпилена куча благодарственных писем, дипломов и приветственных адресов «лучшему руководителю подразделения торговой сети «Купи!» Трапезиной Эмме Леонидовне».

Была она тот день всего час или полтора, после чего набрала здоровенную сумку продуктов, и ушла. Ну а сегодня, как видно, решила взять все вожжи в свои руки, и показать свою «крутизну». Иду в зал и соображаю: а ведь мне она, и в самом деле, подгадить может – к гадалке не ходи, и, к тому же, очень даже здорово. Если Трапезина поставит перед Васиным вопрос о моём досрочном катапультировании из этой шарашки, то, сомневаться не приходится – это будет сделано в момент. И, хорошо, если перекинута на другой объект. Пусть даже вахту придётся отматывать ещё двадцать дней – это ещё переживаемо. А вот если вылететь вчистую, как штрафник, без копейки в кармане, то... Вот тут уж – совсем дело дрянь.

Хожу по залу, смотрю за обстановкой, а в голове крутится одно и то же: интересно, когда она будет звонить Васину, и как скоро он на это отреагирует? То, что ей самой «накапали» обе Аньки, особенно, дылда – сомневаться не приходится. Ну а директриса, надо думать, Васину напоёт – на целую оперу хватит. И, что же мне теперь, смирененько ждать

команды «на выход»? Нет, это не годится. Уж лучше попробовать что-то отморочить самому. Но, что именно? И тут, вижу Шуру, которая пришла за покупками – у неё сегодня выходной. Сразу же вспомнилось, как она говорила про компромат на здешнюю магазинную верхушку. И тут меня осенило: а ведь это идея! Надо наехать на «Мальвину» угрозой разглашения здешних «тайн мадридского двора». Только, не самому же идти к ней, чтобы навешать ей лапши на уши?! Конечно, нет! Для этого есть Рустам. А где он сейчас?

Иду по рядам, и вижу грузчика за выборкой просрочки. Опять в тележку летят батоны, колбаса, сыры, сметана, шоколад, курятина, апельсины... Прохожу мимо него и, как бы невзначай, отмечаю:

– Что-то сегодня много просрочки!

Он согласно кивает:

– Да, Пэтровыч, сегодня много. Я вчера почти не выбирал, вот и накопилось.

– Но, всё равно, и вчера было не меньше, чем тысяч на десять. И сегодня тыщ на тридцать – самое малое. Вот так-то! Обрати внимание: на помойку выкинуть и на тридцать тысяч не жалко, а меня из-за какого-то копеечного энергетика, который, может быть, и не крал никто, директорша выгнать собирается.

Рустам сочувственно цокает языком.

– Она сама об этом сказала? – осторожно уточняет он.

– Сама лично! Ну, пусть, пусть выгоняет, – говорю это со

зловещим, мстительным видом, – я тоже в долгу не останусь. Такое устрою, что мало никому не покажется!

– А что ты ей можешь сделать? – Рустам сокрушённо вздыхает.

– Да я-то сам, лично, ничего делать и не буду. Пусть делают с ней другие – те, кому это положено. Вот, скажи... Ты сейчас отгонишь эти тележки в грузовой терминал, и там всё, что в них лежит, должно быть занесено в специальный акт на утилизацию? Так? А его кто должен подписывать? Наверное, и я тоже, как человек посторонний, не подчинённый директору? И при мне же эти продукты должны быть или отправлены поставщику, или уничтожены. Верно? Но я-то этого ни разу не видел, и ничего ни разу не подписывал. Значит, за меня акт подписал кто-то другой, а эти продукты втихаря могли быть отправлены по каким-то мелким торговым точкам, и там проданы. Как думаешь?

Вижу, Рустаму отчего-то вдруг стало не по себе. Он даже в лице переменялся. Начал уверять меня в том, что я неправ, что акты здесь охранники сроду не подписывали, а сама Эмма Леонидовна, можно сказать, кристальной честности начальница, и в жизни не допустит чего-то такого, что выходит за рамки положенного. С многозначительным видом на это киваю, потом указываю на виднеющуюся за стеллажами железную дверь запасного выхода.

– А вот, как ты думаешь, что скажут пожарные инспекторы, когда увидят вон ту дверь?

– А что с этой дверью? – Рустам с недоумением оглядывается.

– А ты не видишь? Она загорожена полками с товаром. И заперта так, что её и кувалдой не откроешь. А случись здесь пожар? Начнётся паника, давка, во входную дверь всем сразу не выйти, а эта – закупорена... Значит, кто-то или сгорит, или его затопчут. Так что, налицо грубейшее нарушение, за которое положен штраф офигенный. А то и увольнение по статье.

Рустам озабоченно хмурит лоб. Ну а я продолжаю, как бы в горячке разговора, впаривать ему свои соображения:

– Ты вчера вечером уходил, свои покупки показывал мне. Я уходил – показывал Аньке. А почему обе Аньки мне никогда не показывают свои сумки? А сама директриса? Она тот день такую сумяру себе наворочала, что еле несла. А я так и не увидел: оплатила она товар или нет? Это правильно?

Грузчик ошарашен до предела – такой крамолы, скорее всего, он не слыхивал ещё никогда. Он даже забыл о своей работе – замер, как манекен с батонами в руках.

– Но она же – дире-е-ктор! – с благоговением, почти шёпотом произносит он, до предела расширив глаза. – Она сама за всё это отвечает!

– Да, пусть отвечает за всё, что угодно! Хоть за восход луны. Но для меня она такой же человек, как и все остальные – она не хозяйка этому товару. И, ещё... У неё, что, есть справка о том, что она святая? Над ней тоже есть начальство,

и ему, я думаю, будет интересно узнать, как наша Эмма Леонидовна и её помощницы таскают домой сумки с неоплаченным товаром.

– Ты хочешь поехать в главный офис? – переполошенный Рустам усердно чешет затылок.

– Зачем? Сейчас – век техники. Взял телефон, и – дзынь-дзынь... А номера телефонов доверия компании висят у нас в столовой. Их я себе уже переписал.

У Рустама глаза – как в японских анимашках: ну, о-о-о-очень большие! Он, малость даже заикаясь, уточняет:

– Хм-м-м... И ты уже – всё, сегодня будешь звонить?

– Зачем? Если мне дадут доработать – да и чёрт бы с ними! Пусть хоть всё тут растащат – мне это до фонаря. К тому же, если я сейчас их сдам, то Васин меня на вахту больше уже не возьмёт. Но уж если выгонят, и я к семье поеду без копейки, то... Тогда уж – точно, проинформирую по полной. К тому же, есть много чего такого, что потянет на очень серьёзную уголовную статью. Мне наши девчонки столько всякого рассказали, что хватит на три уголовных дела... – втюхиваю ему всё это и, тут же, как бы спохватившись, добавляю. – Но только всё это пусть будет строго между нами. Хорошо?

– Конечно, конечно! – Рустам усердно мотает головой.

И всего через пару минут вижу, как он чуть ли не вприпрыжку тащит за собой тележку к дверям грузового терминала. Опаньки! Сработало! Гляжу ему вслед и представляю себе, как он сейчас входит в кабинет «Мальвины», и начина-

ет впопыхах передавать ей услышанное от меня...

Минут через десять из двери грузового терминала в зал вышла Анька. И сразу же нацелилась в мою сторону, можно даже сказать, уничтожающим взглядом. Прямо, испепелила бы, да запал, видать, не тот.

Перед обедом появился Лёха. Как всегда – голливудская улыбка, хотя, по его словам, дела (особенно, финансовые) у него не блещут. Получил он перед отпуском более тридцати тысяч, и всего за пару недель большую их часть прогужбанил с друзьями и любовницами. В конце разговора Лёха купил себе кое-каких продуктов, и попросил у меня ключи от общаги.

– А твои где? – спрашиваю.

Он разводит руками. Говорит, что свои дал Джафару ещё вчера вечером. Из-за этого Лёха теперь и сам оказался без ключей. Дал ему свою связку, он твёрдо пообещал (только что не поклялся соседским поросёнком), что вечером железно будет дома, и сразу же куда-то свалил.

После обеда народу было не слишком много, поэтому выдалась возможность даже присесть на витрину с мороженым. Часу в третьем, вижу, идут в мою сторону двое мужиков. Блатнющие-преблатнющие, крутые-прекрутые, как яйца после трёхчасовой варки. Один с виду, так, ничего – крепкий ломовичок. Лет ему около сорока. Он в куртке и тельняшке. Другой, вроде, помоложе. Он выше меня на полголовы, но какой-то вяловатый. Подошли, стали интересоваться «за

жизнь».

Ну, я сразу понял, что ребята решили меня «взять на характер», и этим учинить проверку «на вшивость». Но мне все эти «крутяцкие» манеры – что есть, что нет. Тоже намёками даю понять, что видывал «перцев» и покруче. Смотрю, заговорили мужики уже по нормальному, без манерничанья и выпендроза.

Этот, что постарше, начал интересоваться, на каком флоте я служил. Ну, решил парней не разочаровывать. Сказал, что на Северном (там у меня друг служил, так что, темой владею). Но, всё равно, лишнего «звонить» не стал в этом направлении. Оно, ведь, как говорят? Слово – серебро, а молчание-то – золото. Что сказал, то и сказал. Докладываться и лезть в детали я не обязан. Ну, молодой кивает в сторону своего приятеля, мол, Колян служил на Черноморском. Очень приятно! Всегда рад видеть тех, кто не «косил» от армии и флота.

– ...А я, – продолжает рассусоливать этот молодой, – только что «откинулся». Отбывал в Мордовии «трояк» по двести тринадцатой. Надо отметить возвращение...

Припоминаю, что двести тринадцатая – хулиганство. Всё ясно. Сначала ребята зондировали почву «крутым базаром», а теперь молодой пытается произвести впечатление своим сроком и статьёй. Ну, что ж, мы тоже насчёт впечатлений кое-что «могём».

– Дело понятное, – киваю ему. – Мой друг тоже пару ме-

сяцев назад домой вернулся. Отбывал пять лет по сто четырнадцатой. Его жену один урод обидел, он ему и устроил «сеанс воспитания» по части хороших манер.

Понятное дело, вру в наглуую – вся эта история выдумана от начала до конца.

– По сто четырнадцатой – пять лет? – «черноморец» Колян недоверчиво выпячивает нижнюю губу. – Чё то больно много!

Со знающим видом многозначительно качаю головой.

– Так это – как квалифицировать!.. Ему пришили умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. У того невежи в двух местах сломан позвоночник, не считая перебитых камазовской монтировкой рук и ног. Кстати, этот мой дружба на днях сюда должен подъехать. Тоже хочет поработать в Кадухино... Ох, с ним тут и «погудим»! Ох, и порысачим по вашему аулу!

Мужиков, похоже, эта байка очень даже впечатлила. В это время у входа – шум, гам, в зал валит толпа... Ну, всё, пардон, мужики! Перекур закончен, начинается работа. Сразу бегом в «алкашку». Там уже крутятся поклонники отечественного и импортного пойла. Пришёл туда и «откинувшийся», взял пятизвёздочный коньяк, и они с «черноморцем» двинули к кассе. Гляжу, оплатили безо всяких фокусов. Ну, что ж – молодцы!

Слышу, из колбасного отдела доносится какой-то галдёж. Бегом туда. Две бабульки (по-моему, те же самые) в очеред-

ной раз митингуют по поводу дороговизны ветчины и сервелата, не хватает только транспарантов «Вся власть Советам» и «Долой мировую буржуазию». С полчаса помитинговав, «революционерки» взяли по пакету сарделек, и пошли в бытовую химию. Ну, вот! Теперь, скорее всего, надо ждать митинга по поводу дороговизны моющих средств.

Дело к вечеру, но поток кадухинцев не иссякает. Идут и идут, покупают и покупают... Ну, вот уже и десятый час. Незадолго до закрытия снова приходит Никита. Глаза – как пластмассовые пуговицы, шагает как робот, у которого садятся аккумуляторы. Всё понятно. Опять, балбес, «перегрузился». И пришёл, явно, не за кефиром. Видимо, душа настойчиво просит третьего, финального инфаркта. Но опять пришёл он зря: время уже вышло, «алкашка» на кассе не пробивается. Поэтому я его встречаю на полпути к спиртному и ставлю в известность, что делать ему тут нечего. Он меня снова не узнаёт, начинает бузить: «А ты кто такой?!!». Смотрит, очень недобро... Объясняю ему, что спиртное ему не продадут – пусть и не мечтает. Закон есть закон, и с этим не поспоришь. Никита начинает «лезть в бутылку», вроде того: что это за закон такой неправильный? Орёт:

– ...Что вы все голову мне тут морочите? Я не дурачок, и хорошо знаю, что вы мне просто не хотите продать!

Понятно... В извилинах путаница и словами его не убедить. Беру под руку и, мимо касс – на выход. Он возмущается:

– Безобразие! Я хочу поговорить с вашим начальством!

А тут как раз Анька подошла. При виде пьяного Никиты отчего-то в лице переменялась, и даже попятилась за кассу. Он дёрнулся в её сторону, но я его не выпустил – куда, бойкий ты наш?! Ускоренным шагом веду его к двери, выходим на крыльцо, спрашиваю:

– Ну, ты, как? Сам спустишься, или тебе помочь?

Он на меня почему-то испуганно глянул и отшатнулся.

– Сам, сам, сам! – мотает головой.

И, держась, за поручни быстренько зашлёпал вниз. Благо, крыльцо всего метр высотой. Думаю: чего это он так напрягся? И только тут до меня дошло, что он не совсем правильно понял то, что я ему сказал. Моё предложение помочь, он понял, как намерение дать ему доброго пинка, чтобы кубарем летел до самого низа. Логично! Тем более, что Лёха, скорее всего, так бы и сделал.

Вернулся я в зал, жду ехидных Анькиных комментариев (она ж без этого – как пономарь без псалтыря). Но Анька – ни гу-гу. Молчит, как в рот воды набрала. Что, голубушка, сдрейфила? Так-то вот! Хорошо выпендриваться, если заведомо знаешь, что не получишь хороших «пилюль». А вот бодаться с такими пьянчужками, как Никита, как видно, калорий у тебя маловато.

Ну, всё, финал, пора в общагу. Иду на Овражную, и ещё издали замечаю, что в наших окнах нет ни огонька. Сразу же появились соображения, что Лёхи, как и обычно, там нет

и в помине. Набрал его номер на сотовом – не отвечает. Вот, «молодец»! И как же туда теперь войти? Ай да Лёха! Ай да клоун из погорелого шапито! Это, что же мне теперь, ждать возвращения Джафара?

Сейчас пол-одиннадцатого. Джафар заявится ближе к двум ночи. Одна надежда на то, что появится кто-нибудь из местных жильцов. Раза два, кстати, что-то наподобие уже было. Подходишь, бывает, пару минут ждёшь, глядь – идут парни и девчата со свиданки. И всё! Без проблем вместе с ними заходишь. Бывает даже, если молодые, просто, стоят на крыльце, то обязательно подойдут, и своим ключом дверь откроют. Кстати, нормальных, отзывчивых ребят здесь в достатке.

В этот раз стоять пришлось с полчаса. Смотрю, идёт мужик лет сорока, одетый прилично, и на морду, вроде бы, не скотина. Вместе с ним поднимаюсь на крыльцо, отмечаю про себя: «Слава Богу, хоть одна живая душа появилась!» А эта «живая душа» вдруг оборачивается ко мне, и с таким апломбом (где-то даже с пафосом!), интересуется:

– А в-вы куда?

– Вообще-то, к себе, в сто сорок девятую. Я живу в общезитии охранной фирмы «ЛЮМ».

Он изобразил на физиономии что-то наподобие многозначительности, и в тональности булгаковского товарища Швондера объявил:

– Ничего не знаю, вас вижу впервые, и поэтому не впускаю.

«Нормально»! Вот это нарвался на дундука-актуала с общественническими закидонами! Интересуюсь: он всегда такой бдительный, или только сегодня надумал? Он, что, знает всех живущих в этом подъезде? «Живая душа» (всё с тем же апломбом):

– Да, знаю, поскольку я – старший по подъезду!

«Старший по подъезду» он выдал с такими понтами, как если бы объявил: «я – президент земного шара!» Предлагаю этому «президенту» по моему сотовому созвониться Васиным – пусть подтвердит, что я и в самом деле здесь живу. Но дундук, он и есть – дундук. С таким не договоришься.

В принципе-то, физически мне он не соперник. Оттолкнуть этого пингвина в сторону и войти в подъезд труда не составило бы, с учётом его женственных ручек и «богатырских» плеч. Но этот «общественник», скорее всего, тут же позвонил бы в полицию. И, тогда, наверняка – всё: чемодан, вокзал, Уволжск. Моя вахта тут же закончится. Так что «силовой вариант» – себе в убыток. Ничего, подожду ещё кого-нибудь.

Минут через пятнадцать, и в самом деле, появилась женщина пенсионного возраста. Почему-то сразу же подумалось: пролёт! Но она сама меня окликнула:

– А что вы тут стоите, почему не заходите?

– Нет ключей. Дал своему соседу по комнате, а его дома не оказалось.

– А... Ну, давайте я вам открою. Что ж будете мёрз-

нуть-то?

Премного благодарен. Оказывается, не перевелись ещё в этой местности нормальные, здоровые люди. В отличие от одного тут «хорошего человека». Уж, такой аномально «бдительный» ...

Она разводит руками.

– Ну, у нас тут, вообще-то, чужих пропускать не принято. Вот, если бы я вас не видела раньше, то тоже не впустила бы.

– А где вы меня видели? Здесь, в подъезде?

– Нет, в «Купи!». Вы же там охранником?

Всё понятно... Нет, бдительность – это, конечно, замечательно. Но, вот, если бы я был бандитом или террористом, то стал бы чикаться с этим старшим по подъезду?.

– Ну, это – да, это верно... – вздыхает женщина. – Знаете, он сам по себе человек очень тяжёлый. От него собственные дети разбежались. Чуть кончили школу – сразу же в Москву уехали. И на работе у него постоянные конфликты – он в страховой компании каким-то начальником. С другой стороны... Ну, наверное, и в ваших краях есть точно такие же?

Это точно! И у нас насчёт такого же «добра» – тоже не бедно. Поднялся я к себе на пятый этаж, достаю из кармана гвоздь, отпираю дверной замок (его можно и пальцем открыть), вхожу и... С порога слышу храп, доносящийся из комнаты Лёхи. Вот, чертила! Ну и мастак же он подрыхнуть!

Около часа ночи пришёл Джафар. Сокрушается, что на всех не хватает ключей. Вот заказать бы запасной ком-

плект! Только, где? Рассказал ему, что сегодня слышал, будто не вдалеке от нашего «Купи!» такая мастерская имеется. Джафар за это сразу же ухватился: узнай! Если что, закажи дубликаты, оплачу...

Двадцать восьмое ноября

И вчера утром, и сегодня, по пути на работу искал мастерскую по изготовлению ключей. Вчера оббегал улицу Вокзальную, сегодня – Мастеровую. Но нигде ничего похожего нет. Впрочем, сегодня на Мастеровой один дед, который выгуливал своего пуделя, рассказал, что такая мастерская на этой улице когда-то, и в самом деле, существовала. Но закрылась из-за того, что заказов было мало, и её хозяин прогорел. По словам деда, в Кадухино, если потерял ключ, то лучше поменять весь замок целиком.

– Что так сильно воруют?

Он смеется:

– Свои-то не очень, а вот к нам, бывает, закатаиловские наведываются – эти мастера. Обчистят в момент!

Да, про Закатаилово наслышан, наслышан. И уже не раз... Не исключено, эти закатаиловские асы воровского дела и к нам в «Купи!» закатывают. И как их поймать, если они, и впрямь, крадут так, что ни один комар носа не подточит?! Кстати, о кражах. Как ни добивался я возможности просматривать видеозаписи, вопрос так и не решился. Правда, наезжать на меня стали поменьше. Если, по совести, то, вообще прекратили. Не стали пыхтеть, даже если где-то я присло-

нился, чтобы немного дать передышку ногам. Вот только сегодня я сам довольно-таки здорово лопухнулся.

Случилось так, что дней пять назад мне позвонил Володька и передал, что начальство придумало такую «инновацию»: охранники на дежурстве должны быть без телефонов. Пришёл на работу – отключи, и сдай его администрации магазина на хранение. Смена закончилась – забирай, и тогда уже звони кому угодно. Если не сдал, и это заметил проверяющий из «ЛОМа», пусть даже ты по телефону и не говорил, всё равно – штраф одна тысяча рублей.

Для чего так подтянули гайки? Ну, чтобы охранники друг друга не извещали о внезапных проверках, когда делают облаву на тех, кто не по форме выходит на дежурство, кто не прочь «остограммиться» в рабочее время, или, на своём рабочем месте, попросту, валяет дурака. Ну, что ж... Сказано-сделано. Почти неделю я ходил без телефона. Тут сегодня часов в девять утра подходит Анька и говорит о том, что до меня никак не может дозвониться Васин.

Что за ерунда? Он, что, не знает о запрете носить с собой телефон? Ну, «молодцы»! Сами издают приказы, и сами о них же забывают? Пошёл за телефоном, включил, набрал номер Васина. Он с ходу начал допытываться о том, почему до меня никак не может дозвониться:

– ...Уже три раза набирал номер, а твой телефон постоянно отключен. В чём дело?

Напоминаю ему, что около недели назад было издано рас-

поряжение о запрете на телефоны. Он:

– Да это распоряжение давно уже отменили! Сейчас с телефоном ходить и можно, и нужно, только поставить его надо на вибровывоз. Ну и, понятное дело, не болтать в рабочее время на личные темы. Что там за инцидент приключился у тебя дня два назад с каким-то алкашом?

Ну, вкратце рассказал ему про ситуацию с Никитой. Он выслушал, согласился, что действовал я в соответствии с внутренними правилами «ЛЮМа». Всё нормально, я – молодец, и т.д., и т.п. Скверно, вот, только, что задержаний у меня сущий мизер. На этом разговор закончился, и только я нажал на кнопку отбоя, слышу – от касс доносится вопль о том, что задержали воров. Да, что ж за чертовщина такая?! Как специально мне кто-то подстраивает такие каверзы.

Бегу туда. Там Рустам держит за руку пьяную девку в запатюженной куртке и какого-то долговязого хлюста (их обоих я видел впервые). Он тоже «под балдой». Примчалась Анька. С кассиршами они начали обыскивать эту пьянюху, а Рустам повёл её приятеля к директорше. Тот брыкается, орёт: «На каком основании меня задержали?!» Девка тоже голосит: «В чём дело? Мы ничего не украли!» Я к этому синяку подошёл, проверил – под одеждой у него и в самом деле ничего нет. Спрашиваю Рустама – что за катавасия?

Оказывается, эти двое нахалом попытались проскочить мимо кассы с бутылкой дорогого ликёра. Они, просто, подошли к «алкашке», открыто взяли бутылку, как будто собра-

лись покупать, и никто бы и не подумал, чего они там задумали. Однако подойдя к кассам, крадуны вдруг резко ломанулись к дверям. И смылись бы без проблем, если бы не одно случайное обстоятельство – в этот момент им навстречу с улицы повалила целая толпа, и они застряли в гуще людей. За ними кинулись кассирши, но эта парочка тут же ринулась обратно в зал и, скорее всего, где-то по пути сбросила товар.

Слушаю Рустама и закипаю. Я с утра и так был на взводе – совсем недавно довольно крепко поцапались с одной яркой собачницей, которая в наглую прорывалась в зал, хамя и угрожая своими связями и карами небесными. А тут ещё эти любители ликёра такой «сюрприз» устроили. Схватил этого остолопа за шкурку, и так его тряхнул, что даже куртка затрещала.

– Ты что творишь, урод?! Совсем обнаглели твари – уже в открытую хватать начали товар. Куда дел краденое?!

Он опять своё:

– Мы ничего не крали, чё гоните пургу? Не имеете права нас задерживать! Это незаконно!

Гляжу – что там у Аньки, какие результаты обыска? А у неё тоже пусто. И тут эта «сладкая парочка» вдруг начала качать права. Этот хлюст орёт:

– Я буду жаловаться и требую извинений!

Ну, я ещё раз хорошенько тряхнул этого «законника» за шкурку, и без лишнего шума вполголоса ему объяснил, что, вот, прямо сейчас же могу без свидетелей, устроить

ему «персональные извинения» в духе своего коллеги Лёхи Магомедова. Надолго их запомнит! Похоже, с Лёхой любитель ликёра был уже знаком. Его глаза забегали, и он тут же умолк. Поскольку факт кражи доказать не удалось, пропойца отпустили, и они, не мешкая, вприпрыжку вымелись на улицу.

Анька кипятится:

– Алексей, что за безобразие? Где ты был, когда эти двое крали спиртное?

– А они крали? Это была не кража, а ограбление – открытое похищение чужого имущества. Бутылку они не прятали, и куда с ней пошли? К кассе. У меня были основания их конвоировать? Нет. Вон, сейчас идёт мужик с бутылкой водки. Мне его, что, вести к кассе за ручку? Даже если бы я не спускал с них глаз, они, всё равно, запросто могли бы смыться. Им помешало только то, что в дверях были люди.

– Но, вот, конкретно, чем ты в этот момент занимался? – не унимается она.

– Чем-чем... Общался со своим начальством. Надо ж было ему было всякой ерундой отрывать меня от дела! Сама же сказала, что Васин не может до меня дозвониться...

Она что-то буркнула и ушла. Видимо, к директрисе. Мы пошли с Рустамом смотреть спиртное. И точно, одной бутылки ликёра из не самых дешёвых не хватает. Твою дивизию! Как же быть-то? И тут на ум пришла очень простая идея. Снимаю с полки бутылку этого же ликёра, иду на кас-

су и прошу Ольгу пробить её как на стороннего покупателя. Она помялась, но, пробила. Отдал ей деньги, а бутылку отнёс на место. Смотрю, идут Анька с директрисой:

– Что здесь пропало?

– Ничего не пропало, всё на месте.

– Как на месте?! А ликёр?

– Он был куплен, прошёл через кассу. Можете проверить.

Проверили. Всё сходится. Пожали плечами и ушли. А я всё ломаю голову и никак не уразумею: неужели все эти, такие, пакостные совпадения из-за того, что я устраивался в «ЛЮМ» тринадцатым, а моя вахта здесь началась именно тринадцатого?! Поневоле тут станешь суеверным...

Через пару минут подходит Рустам, сообщает по секрету:

– Нашёлся ликёр! Феруза только что откопала его в крупах. Та девка, видать, когда бегала по залу, успела туда сунуть бутылку.

Отмахиваюсь – да и пошёл бы он, этот ликёр! Лучше не напоминай – и без него тошно. Рустам разводит руками:

– Ну а куда его теперь? Он же оплачен. На место его не поставишь. Ты же его оплатил? Ну и забирай, раз теперь он твой.

– А как я этот ликёр при осмотре сумки показывать буду? Чек-то я ведь уже выбросил. Да он и оформлен был как на стороннего покупателя.

Он убеждает:

– Ничего! Пропустят, пропустят!..

Соображаю: а, в принципе – что переживать? Я же эту бутылку, действительно, реально купил? Купил! Значит, «морду кирпичом», и – на выход. Что интересно, и в самом деле, сегодняшняя проверка прошла как нельзя лояльнее. Анька лишь мимоходом заглянула в мою сумку и махнула рукой – всё в порядке.

...Ну а сегодня, помимо всяких «косяков» и заморочек с ворами, алкашами и прочей «почётной» публикой, с обеда случился настоящий наплыв «кинологов». Прямо, как будто сговорились! Тащили с собой барбосов самых разных пород, мастей и размеров. Та скандалистка, с которой пришлось повоевать утром, как оказалось, была всего лишь «первой ласточкой». А уж часов после двух началось такая «пруха» !.. Только успевал напоминать собаколюбам, чтобы свою псарню по залу не пускали, не сажали в тележки.

А тут ещё погода сегодня какая-то мутная, с осложнениями. Морозец – еле-еле, к тому же идёт снежок. Он к подошвам липнет, да ещё и грязи с дороги прихватывает. Как электричка пришла и привалила толпа – всё, на полу болото. Динара едва успевает шваброй махать

Да и у меня кинологического шизо-нашествия прибавилось. Последняя «дама с собачкой» (копия утренней «ласточки»), которая несла под мышкой какой-то непонятный гибрид шпица с болонкой, после диспута со мной под конец нервно заявила :

– Уж скорее бы кто-нибудь сменил тебя! Уже все и гово-

рят: откуда только его прислали, этого чёрта настырного?

Надо же – «все говорят»! «Кинологи», что ль? Зато очень многие другие, наоборот, говорили мне лично, что с собаками порядка в магазине стало гораздо больше. А то он иногда больше напоминал не продуктовый «шоп», а псарню имени Троекурова. Так что, голубушка, «все» – это никак не все на самом деле.

Вечером в общаге никого. Лёха опять – или у друзей, или у подруг. Хотя, если тех приходится и сейчас угощать за свой счёт, то, тогда – вряд ли. Вчера он был дома, сказал по секрету, что уже второй день девчонки в нашем магазине втихаря снабжают его «просрочкой», а иначе есть ему было бы нечего – все свои финансы кончил досрочно. Вот жизнь у мужика! Заработал, погулял, и – снова пахать. И так – без конца.

Когда уже заканчиваю с ужином, появляется Джафар. С виду он худоват, но, в целом, хлопец крепкий. Сегодня отчего-то малость взвинчен. Рассказывает, что уже в конце рабочего дня задержал одну мадам с большущей неоплаченной плиткой шоколада. Как я понял, с покупателями он не церемонится, проверяет сумки у многих. И ежедневно у него, минимум, одно задержание. Понятное дело, все те, кого он обыскивает, им возмущаются, бегут жаловаться директору. Но, с учётом результативности Джафара, тот все претензии принимал на себя.

Ну а сегодня задержание хоть и было реальным, в итоге, Джафару досталось самому. Изучая содержимое сумки ки-

пятящейся тётки, он достал из неё большую плитку шоколада и предложил предъявить чек. Та объявила, что приобрела её в другом магазине, а чек, не подумавши, выбросила. Пришёл директор. Она на него попёрла как бульдозер, требуя просмотра видеозаписей. Но в «Купи!»-то такая процедура очень проблематична. К тому же нашлась некая (вроде бы!) свидетельница, которая подтвердила, что лично видела в другом магазине покупку этого шоколада. И – всё... Джафар прилюдно получил выговор, и был вынужден извиняться.

– ...Нет, ну разве это правильно? – продолжает он возмущаться, рассказывая о том инциденте. – Для какого чёрта там стоят камеры? Если и директор не может их просмотреть, то для чего они там вообще?

Выпили чаю. Джафар рассказал, что ранее в своих родных краях был строителем. И не просто там каменщиком или плотником, а прорабом на строительстве высоток. Денег имел – не меряно. Но завистники устроили ему какую-то крупную подставу, и с работы ему пришлось уйти. Распалась и семья. Жена уехала отдыхать в Анталию, познакомилась там с богатым турком, и осталась с ним. Ну а Джафар, чтобы начать всё сначала, уехал на Дон к родственникам. Познакомился там с хорошей девушкой. Но с заработком в тех местах плоховато, вот ему и пришлось махнуть в Москву. Это его самая первая вахта. Планирует заработать денег и построить дом для своей будущей семьи...

Слушаю его, а самому думается: долго же тебе придётся ездить в Москву, чтобы построить хотя бы небольшую избушку! Пусть даже и на курьих ножках. Если сосчитать все наши доходы и расходы, то в «сухом остатке» вырисовывается суцая ерунда, как говорится, только для поддержки штанов. С этим на строительство дома не замахнёшься. Вот такая безрадостная арифметика... Уж лучше бы он снова пошёл в прорабы.

В двенадцатом часу появляется Лёха. Всем довольный, всецело счастливый, через край оптимистичный, и слегка «подгазованный». Рассказал о своих делах, и неожиданно меня «обрадовал»: вроде того, в первых числах декабря принять у меня смену он не сможет. Скорее всего, ему придётся сопровождать своего раненого друга, поскольку тот собирается ехать домой. Тот «бомбил» на своём авто в Закатилово, и однажды в ходе конфликтной ситуации кто-то выстрелил ему в лицо из «травмата», попав пулей в глаз. По Лёхиным прикидкам, из дому вернуться он сможет лишь числа восьмого, а то и десятого. От такой «радостной» новости у меня сразу же упало всякое настроение. Проторчать тут ещё неделю?! Не-е-е-т, ни за что! И тут я снова вспомнил про Рустама: надо будет ему «по секрету» рассказать про Лёхины планы. Он это «сольёт» Трапезиной, а та – в этом можно не сомневаться! – гарантированно примет меры к тому, чтобы я у них не задержался. Отличный вариант!

Тридцатое ноября

Вчера, двенадцатого, как и планировал, утром про меж делом сообщил Рустаму про предполагаемый отъезд Лёхи и отсрочку его выхода на работу на целую неделю.

– ...Ну, ничего, – изображаю эдакую, бесшабашную веселуху, – пусть наши начальницы не хмурятся – придётся им ещё с недельку меня потерпеть!

Уточнив детали, грузчик укатил тележку с «просрочкой» в грузовой терминал. Часа через два позвонил Васин.

– Ну, что там новенького у вас? – начал он издалека. – Как у тебя с задержаниями?

Да, что может быть новенького у «топтуна»? Хожу, слежу, контролирую... Ну, было несколько почти задержаний, когда напоминал «забывчивым» о том, что взятое надо бы оплатить. Но это же не в счёт?

– Надо не напоминать, а задерживать на выходе! – наиздаёт Васин.

– Игорь Иванович, это были дети, а с ними я связываться не хочу. К тому же, у меня такие полномочия есть – проверять сумки? Официально – нет. Только на свой страх и риск. А он мне нужен, этот риск? Джафар уже погорел с такими проверками. Кстати мне то и дело говорят о колоссальных хищениях, вот только доказательств тому не никаких.

Он меня слушает, и даже захмыкал.

– В середине декабря будет контрольная проверка группой штатных ревизоров. Тогда всё и узнаем. А ты, давай, лови! Кстати, о Лёхе. Чем он там занимается? Что-то не могу

до него дозвониться.

– А, что Лёха? Гуляет, отдыхает... Собирается ехать домой, сопровождать своего друга. А телефон у него – то ли не заряжен, то ли без копейки денег. Я вот тоже хотел бы узнать: если он уедет, кем-то временно его можно будет подменить? Я хотел бы закончить вахту день в день.

Васин вздыхает.

– Придумаем чего-нибудь...

Вскоре после нашего разговора с Васиным в зал вышла директриса. Ничего не сказала, но на лице как будто написано: «Ну, когда же ты отсюда, наконец-то, свалишь?!» Мадам, да я – хоть сейчас. Абы за вахту рассчитались.

Вечером пришёл в общагу, а вскоре появился и Джафар. У него и в самом деле проблемы. Причём, очень серьёзные. Зашёл он, и с порога сообщил, что – всё, кирдык, «съели» его целиком и полностью. Где-то в обед директору принесли сразу с десятков жалоб с претензиями по поводу грубости, превышения полномочий и иных «грехов». Тот, хотя до этого, вроде, и благоволил к Джафару, тут же резко переменялся. Объявил охраннику кучу выговоров, сказал, что ему такие не нужны, и объявил, что тридцатого (то есть, сегодня) ему попросят замену. Поэтому сегодня утром опять пришлось дать ему ключи – вернуться в общагу он предполагал не позже чем до обеда...

Ну а у меня на работе сегодня с утра – новая затея Трапезиной: она приказала выставить из шкафа с «элиткой» всё

тамошнее пойло (виски, коньяки, чинзано, мартини, бренди – всё, что дороже тысячи рублей за пол-литра) на открытую полку. Для этого в отделе попутных товаров освободили два верхних стеллажа, где до этого были выставлены всякие мочалки-шампуни.

Нижние полки трогать не стали. Когда загрузили на освободившиеся площади алкогольную «элитку», то прямо под ней оказалась... Туалетная бумага всех сортов и фасонов. Отпад! Все и ржали, глядя на такое редкое товарное сочетание. Через одного задавали вопрос:

– А бумага для чего? Чтобы было чем вискарь занюхивать?

Ну, я им тоже отвечал соответственно:

– И занюхивать, и закусывать... Скажите спасибо, что она новая, а не использованная.

Общее «гы-гы-гы!». Теперь я там торчу, как привязанный. Трапезина лично предупредила:

– С «элитки» глаз не спускать!

– Эмма Леонидовна, а как же другие отделы?

– Надо успевать везде! Но этот отдел – прежде всего!

Ага! «Прежде всего» ... Она бы ещё и красную икру выставила на открытую витрину. Интересно, сколько банок «ушуршало» бы налево за какой-нибудь час? Но, слава богу, такая мысль её пока не посетила. Теперь часами торчу рядом с этим импортным пойлом. Благо, вся прочая «алкашка» отсюда видна, как на ладони. Все местные алконав-

ты трутся подле «элитки», как коты, унюхавшие валерьянку. Только что не мурлычат. С полчаса глаза помозолят-помозолят, а потом идут брать какого-нибудь пива подешевле... Видимо, когда «лечатся», представляют себе, чтовливают в себя не эту халтуру левых подвальных пиводелов, а какой-нибудь «забугорный» пятизвёздочный коньяк. Да, тут только Никиты не хватало...

Только вспомнил про Никиту, и тут же увидел, как он входит в магазин. Ну, ты глянь! Лёжок, однако, на помине. Что интересно – трезвый, как стёклышко. Подошёл, поздоровался, спросил, как дела. Да у меня-то более-менее. У тебя как? Да, как бы тоже ничего. Вот, нашёл постоянную работу истопником. Обещают тридцать пять тысяч в месяц. Вроде бы и рад этому, но, всё равно хмурится.

– ...Знаешь, Петрович, было бы чего ради жить. Смысл-то в моей жизни какой? Да, никакого! С женой уже десять лет живём, хоть бы одного «киндера» родили! Хоть сына, хоть дочку. Я с чего квасить-то начал? Только когда понял, что ничего у нас не будет. Мне уже под сорок. А что толку? Так, наверное, и подохну, никого не оставив после себя. У тебя-то, небось, с этим всё в порядке? Есть кто-нибудь?

Ну, как же не быть-то? Есть... Без этого – да, жизнь впустую. Кстати, занятный момент: Никита вдруг задумался о смысле жизни! Это что-то новое. Ну а он, посетовав на то, что иные моменты становится так муторно, хоть вешайся, признаётся, что сам во всём виноват. Ещё подростком «под-

хватил венерку», но к врачам обращаться побоялся, лечился сам. Ну и долечился – когда обратился к медицине, уже было поздно. Лет пять назад они с женой решили усыновить ребёнка, но им отказали. Никита безнадёжно машет рукой и только что не скрежещет зубами.

Хорошо, давай разберёмся, в чём тут «корень зла». Залёты в КПЗ по хулиганке были? Да, были несколько раз. С женой бодались при соседях? Это у них часто. На постоянной работе долго удаётся удержаться? Оказывается, нет: месяц-два, и с вещами на выход...

О-о-о, мужик! Ну и чего же ты хочешь? Чего ты ждёшь? Твоя семейная «кредитная история» не то, что подмочена – промокла насквозь. «Сушить» её придётся не год, и не два, а гораздо больше. Можешь быть уверен, что при нынешней твоей репутации ребёнка тебе никто не доверит – даже и не мечтай! Государство никак не заинтересовано, чтобы у тебя вырос алкаш, наркоша или хронический тюремный сиделец. Хочешь добиться права на усыновление? Так, добивайся! Америки тебе не открою, сказать тут можно только то, что ты и сам знаешь: живи по нормальным понятиям, чтобы на тебя смотрели как на здорового человека, а не как на пьяное недоразумение. И – всё! Тут выбирать надо что-то одно: или шанс стать отцом, или продолжать катиться вниз по наклонной.

Никита угрюмо вздыхает и чешет за ухом. Спрашивает: а реально ли ему что-то удастся с усыновлением, если он и

в самом деле «подсушит» свою «кредитную историю»? Размечтался! Это всего лишь – шанс, и не более того. Хотя шанс и достаточно толстый. Кстати, иные люди ради такого шанса всю свою жизнь на кон ставят, а ты чего-то там сомневаешься и берёшься торговаться – то ли со мной, то ли с самим собой. Как говорил Киса Воробьянинов: торг здесь неуместен!

...Лет пятнадцать назад во время одной из поездок мне довелось познакомиться с занятым мужиком пенсионного возраста. Роста он был небольшого, худоватый, но проворный и жилистый. Причём, весь в татуировках. Звали его Сан Санычем. Ему было за шестьдесят, однако он ездил на вахту, где вкалывал строителем на всю катушку. А суть дела была очень проста: он хотел, чтобы его сын закончил университет. Сам он чуть ли не с сопливого детства и лет до сорока не вылезал из тюрьмы. Судимостей у него было, что-то, около восьми. И вот, «откинувшись» с последней отсидки, Сан Саныч вдруг задумался: а что же впереди? И когда понял, что сорок прожитых лет – коту под хвост, решил всё круто поменять.

Он завязал с воровством, устроился работать на завод, нашёл себе приличную женщину. У них родился сын. Когда в девяностых всё рухнуло, и завод закрылся, чтобы обеспечить семью Сан Саныч поехал на вахту в Москву. Сына, сразу после того, как тот закончил школу, отправил учиться в университет – благо, парень оказался с хорошей соображалкой. Завершая своё повествование, Сан Саныч признался:

«Не хочу, чтобы пацан повторил мою судьбу».

Так что, есть смысл сделать выводы, как надо правильно культивировать семейные грядки, чтобы на них проросли эти самые «цветы жизни» ...

Он на это только лишь пробормотал:

– Ну, ладно, Петрович, пока...

Взял пару батонов, пакет сметаны, ссутулился при этом, как будто сразу мешка три на себя взвалил, и молча пошёл на кассу. А что тут ещё скажешь? Всё ведь и так яснее ясного. Если в голове ещё хоть что-то есть, то и самому можно докумекать, как жить дальше. А если ничего не застряло в мозгах, то какой смысл бестолку плакаться в чью-то жилетку?

Гляжу, ко мне подруливает Анька. Начинает выяснять:

– Что, опять этот алкаш приходил? Небось, в друзья набиваться и просить на пиво?

– Нет, просто, захотел со мной поговорить «за жизнь».

– А-а-а... Слушай, а может он специально зубы заговаривал, отвлекал внимание, чтобы кто-то из его дружков что-нибудь унёс?

Ну, что ты будешь делать?! Голодной куме – одно на уме.

– Какие дружки? Тогдашнего его дружка здесь я больше ни разу не замечал. Видимо, стыдно сюда соваться, поскольку тот раз так облажался – дальше некуда. Просто, Никита, как бы, хочет «завязать» с пьянкой, но не уверен, что это у него получится.

Анька жмёт плечами, вроде того: «Ой, что-то мне не ве-

рится!...» Тут слышу – её девчонки зовут на кассу сделать отмену (это если покупателю товар уже пробили, а он его брать не стал), а к «алкашке» подошли две какие-то разнаряженные особы, одна средних лет, другая помоложе. Судя по «прикиду», гражданки не из тех, что побираются на паперти. По всему видно, что эти двое – мать и дочь. Они сразу же начали осматривать «элитку», при этом что-то вполголоса обсуждают меж собой. Я слежу за залом, внимания на них – ноль. Тут краем уха слышу, мадам постарше что-то мне говорит про мужчину, и про то, что ей надо бы что-то упаковать.

Спрашиваю:

– Вас интересует, что можно было бы упаковать для мужчины? – и тут же углубляюсь в дебри коньякологии и портвейноведения. – Так в этом никаких проблем! Если он романтик – возьмите ему шампанское. Если прагматик – вон, есть хорошая сорокаградусная «Особая».

Они непонятно с чего рассмеялись, и старшая младшей говорит с эдаким многозначительным намёком:

– Он нас совсем не понял! – оборачивается ко мне. – Я сказала: как бы нам вместе с покупкой упаковать для себя и этого мужчину!

Смотрю на них, как мог бы смотреть Робинзон Крузо на дикарей-вегетарианцев: во, дают! Ну и сморозила она, эта лэди! Вношу свои резоны:

– Девчата, о каком, вообще, мужчине, речь?! Обо мне, что

ль? Ха! Так, я, скорее, уже дедушка, которому под шестьдесят. К тому же, я уже, ну, о-о-о-чень давно «упакован» в свидетельство о браке. А, вы заметили, что на руке нет обручального кольца? Так, я его никогда и не ношу. Но женщина в моей жизни присутствует. Так что... Увы, девчонки, не судьба...

Мадам авторитетно качает указательным пальцем с дорогущим перстнем.

– Ну, ну, ну! Я бы вам больше сорока не дала бы. Поверьте на слово: себя недооценивать не стоит. Вы, наверное, бывший военный?

Пытаюсь её разочаровать (однажды это сработало – услышав, что я сельхозник-колхозник, любопытствовавшая соискательница знакомств издала пренебрежительное «у-у-у-у-у...», и моментально испарилась):

– Какой военный? Откуда?! По своей основной специальности, я агроном. Так что – нет, нет, не из военных...

Но младшая восхищённо всплёскивает руками:

– Агроном?! Ах, как это романтично! Специалист по пестикам, тычинкам и перекрёстному опылению! Именно то, что нам и нужно. Мы обож-жаем агрономов!

Так, так, та-а-а-к! Вижу, эти дамочки настроены более чем решительно, и мне просто так от них не отделаться. Да уж, ситуация... Впрочем, при любом раскладе, на адюльтерные «подвиги» подписываться я не собираюсь. Но, и не посылать же этих двух чудачек непечатным текстом «вдоль по Питер-

ской»? Они мне не нахамили, чего-то такого плохого не сказали... Поэтому, уже на полном серьёзе, втолковываю:

– Замечательные вы наши! Боюсь, с рандеву ничего не получится. Считайте! На работе мне сегодня торчать до двенадцати (приврал, конечно, больше чем на полтора часа), потом в общежитии готовить, стирать и гладить на завтра, а подъём уже в пять утра (приврал на час). Так что, сами понимаете: время – не в мою пользу. Как говорится, рад бы в рай, но-о... Обстоятельства! Увы!..

Старшая мадам взяла с полки коробку с французским коньяком и сокрушённо вздыхает:

– Оч-чень жаль. Очень! Мы могли бы чудно провести этот вечер... Ну, что ж, до свидания! Думаю, мы ещё увидимся.

Младшая (на ходу, весьма многозначительно):

– Имейте в виду: мы надежды не теряем! Заглянем к вам через недельку. Может быть, к той поре передумаете? А?

Ну, конечно, конечно, за эти дни обязательно что-то да переменится. Как пить дать (пусть даже и не коньяка)... Особенно, если учесть, что послезавтра у меня (очень хотелось бы надеяться!) последний день работы в этом «Купи!». Правда, если только Лёха не обломит. Что-то он всё темнит и темнит – то ли сменит меня, то ли не сменит...

Гляжу этим дамочкам в след, и пытаюсь понять: а что, вообще, сейчас было? Ведь я – никак не призёр конкурса «Мистер-вселенная». Эта их затея ощутимо пахивала какой-то непонятной аферой. Впрочем, от Рубена я как-то слышал за-

нятную байку из жизни Подмоскovie. Один из его знакомых (тоже, как и он, парень горячих, кавказских кровей, и тоже работает в охране) год назад залетел в, мягко говоря, пикантную историю. Познакомился он прямо во время дежурства с двумя симпатичными, жизнелюбивыми покупательницами. Слово за слово... Дамы пригласили его к себе в гости, и он согласился после работы к ним заглянуть. Ну, что сказать? Так-то, ничего страшного с ним не произошло. Но запомнилась ему та вечеринка надолго. Встретили его красотки очень даже радушно. Выпили винца, то да сё... Он сразу и не понял, что в вино они ему подсыпали чего-то возбуждательного, наподобие виагры. Ну, он и возбудился сверх всяких пределов...

Но самое интересное было потом. Уже дома знакомый этого охранника-мачо, который увлекался видеороликами «для взрослых», позвал его к себе, и показал прикольное видео, скачанное из Интернета. «Жизнелюб» смотрит, и чувствует, как его глаза сами собой лезут на лоб. Ещё бы! В видеоролике он увидел... Самого себя с этими двумя барышнями, и все свои грешные делишки, во всех деталях и подробностях.

Не знаю, насколько это и в самом деле так, но на правду очень даже похоже, тем более, с учётом сегодняшнего, более чем странного разговора. Впрочем, по этому поводу Лёха тоже рассказывал мне нечто любопытное. По его словам, пойдя в гости невесть к кому, можно угоститься вином не с возбуждателем, а со снотворным. А потом проснуться в ка-

кой-нибудь мутной строительной шарашке в качестве раба, без телефона и документов, который вкалывает почти круглосуточно за миску похлёбки. Суммируя все эти суждения, соображаю: похоже, если бы я оскудел умишком, и согласился на приглашение этих двух «лэди», вполне возможно, меня могли бы ждать не только постельно-скандальные, но ещё и каторжно-кандальные «приключения» ...

... После работы иду к общаге, и никак не могу найти свои ключи. Вот это новость! Куда же они могли задеваться? Где-то забыл или потерял? Если потерял, то мороки будет с переизбытком. У входа в подъезд продолжаю обшаривать карманы уже по пятому или шестому разу. Ключей нет, как нет! Вот нажил себе проблему... К дому подходит какой-то мужик. Ба-а-а! Да это же тот самый, излишне бдительный! Демонстративно отворачиваюсь, давая понять, что уговаривать и упрашивать его не собираюсь. Но он сам меня окликает:

– У вас опять проблемы с ключами? Ну, если хотите, дайте, я вам открою...

Ё-о-о-о-о!.. Где-то под Тамбовом безвременно «крякнуло» сразу сто волков, а в Конго утопилось столько же крокодилов. Ну, уж спасибо, дорогой товарищ! Заходим с ним в подъезд, он жмёт плечами и поясняет:

– Понимаете, тут у нас началось такое хулиганство – кто-то ломает почтовые ящики и рвёт их содержимое. Кто это делает – никак не можем разобраться. Жильцы меня уже за терроризировали: почему вы их не поймаете? А как я их ло-

вить буду, если вот, только что иду с работы? Ну а кто-то ляпнул, что это, видимо, так развлекаются какие-то приезжие...

Да-а-а, нам, приедем, без этого – никак: уж, ломать, уж – невтерпёж!

Нам отработать бы вахту, да скорее бы домой убраться. Безобразничают, скорее всего, какие-нибудь «шпингалеты», которые ходят в гости к своим здешним приятелям. Ну, а раз уж так остро встала проблема, есть резон сложиться всем подъездом и купить самую простую камеру видеонаблюдения. Максимум, это обойдётся по тысяче с квартиры. Зато на годы вперёд уже точно будет известно, кто и когда к вам сюда приходит, и кто потрошит почтовые ящики. В наши дни видеонаблюдение – не роскошь, а жизненная необходимость.

Старший по подъезду кивает.

– Да я и сам уж об этом подумывал... Только вот, согласятся ли жильцы? Хотя... Попробовать, конечно, стоит.

Поднимаюсь к себе. Лёхи в комнате нет, его телефон не отвечает. Значит, завтра буду просить Васина прислать кого-то другого. Стал на кухне доставать из сумки продукты, и... На пол ключи – дзынь! Ёшкин кот! И с какой же это «радости» я их туда положил?..

Второе декабря

Наконец-то он настал, последний день этой вахты. Даже не верится! Как же непросто она мне далась! Нет, что касается физических нагрузок, то ноги к ним давно уже привык-

ли. Тем более, что я и сам насобачился находить самые разные варианты расслабух и передышек. А вот чисто психологически, тут – да, было очень непросто. А порой, и вовсе тошно. Ну, уж очень несоразмерны требования и претензии магазинного начальства, да и Васина тоже, при мизере возможностей и полномочий, чтобы сработать именно так, как они этого хотят.

Вчера перед обедом ко мне подходил один молодой здоровячок, назвавшийся Борисом, интересовался, как у меня дела. Вижу – парень, скорее всего, работает в этой же системе, что и я. Борис смеётся – года два назад, действительно, он работал в «ЛОМе», и был охранником именно в этом магазине. Ну и как впечатления? Он качает головой.

– Дурдом полнейший. Тут и не поймал никого – «собак навешают», и задерживаешь – тоже можешь попасть «под раздачу». У меня было несколько случаев, когда и товар украден, и ничего не докажешь. В итоге – тебя же отпинают, да ещё и извиняться заставят. А однажды – это вообще был «подарок судьбы». Проверил у бабы сумку, а она подняла визг, будто я втихаря «тиснул» оттуда кошелёк с деньгами. Еле отбился!

– А насчёт камер видеонаблюдения у тебя как было?

– Да, никак! В этом придурастом «Купи!» почему-то нигде не дают просматривать видеозаписи. Вот, нельзя, и – всё тут!

– А так-то задержаний у тебя было много?

– Первые вахты – вообще ни одного. А когда меня начинали пилить, типа, раз нет задержаний, значит, есть хищения, я сразу ставил вопрос: докажите, что тут хоть что-то было украдено! Они тут же начинали увиливать: да вот будет ревизия, всё тогда и вскроется. И вот, как-то раз я был в отпуску, девчонки отсюда звонят: завтра ревизия. На другой день к вечеру я приехал, спрашиваю: ну и много у вас тут спёрли? Директриса сразу же задёргалась, вроде того, хищения есть. Ну а конкретно? Две бутылки водки, палка колбасы и кусок сыра. И это всё?! И вы из-за этого все двадцать дней мне сушили мозги, всё это время орали, что у вас полмагазина вынесли?

Знакомая история... Сам такое слышал не единожды.

...Вчера, первого числа, утром приключилась небольшая хохма. В магазин пришёл какой-то тип, по виду – уроженец Средней Азии. Эдакий «хрупкий юноша» с внешними данными японского сумоиста, который назвался Азизом. Увидел меня, машет рукой, говорит, так, чуточку замедленно:

– Э-э-й! Я пришё-о-л тебя-а сменя-а-ть.

– Что, прямо сейчас?

– Да, прямо сейчас! Я здесь уже работал, ещё весной. Лёху подменял.

Я в обалдении: что за чушь? Мне ещё завтра, второго день дежурить. Неужто, его Васин послал?

Тот важно кивает:

– Ва-а-син, Ва-а-син!

Звоню Васину:

– Игорь Иванович, я бы, конечно, не против и сегодня сдать смену, но у меня вахта кончается завтра, второго. Так что, этот Азиз приехал зря.

Васин в замешательстве:

– А разве ты не сегодня... Тьфу! Вспомнил! Скажи Азизу, чтобы он ехал в другой «Купи!». Он сменяет Джафара. И дай Азизу ключи от общежития.

Опаньки! Вот это «шютка юмора»! То есть, Джафара, всё же, решили «пустить в расход»? Ну, дал я этому «сумоисту» ключи и созвонился с Джафаром.

– Ты в курсе, что тебе прислали замену? Ко мне только что один «гиппопотамчик» приходил, намылился, было, сюда. Но Васин сказал, что сменит он тебя. Сейчас он туда, к тебе отправился.

В телефоне гробовое молчание. Судя по всему, Джафар в полном отпаде. Видимо, в душе он, всё-таки, надеялся, что его оставят. Слышу, он спрашивает:

– Петрович, и что же мне теперь делать?

– Ну, самое главное узнать – что тебе дальше светит. Если куда-то переведут – ничего страшного. Ну а если вчистую турнут, то... Тогда тебе уже не позавидуешь. Найди повод созвониться с Васиным и, как бы про меж делом, уточни, что там насчёт тебя нарешали. На меня, ясное дело, не ссылайся. А то вся моя вахта за этот звонок может накрыться медным тазом. Ну, ты сам это знаешь...

До вечера в магазине полный штиль. Вечером после дежурства прихожу домой, звоню Лёхе и, как ни странно, но он оказался на месте. Бросил мне в окно ключи в большом пакете. Захожу к себе, а на моей койке – Азиз. Сидит, свернув ноги «по-турецки». Спрашиваю:

– А ты с какого бодуна мою койку занял?

Он, всё также, чуть ли не нараспев:

– Э-э! Это моя койка! Я на ней всегда спал. Вот, на неё даже постельное купил – простыня, наволочка. Да-а! У Лёхи спроси – он тебе скажет! И это... Вон, койка Джафара свободна, забирай. Его сегодня не будет.

Махнул я рукой – ладно, бери! В принципе, может, это и к лучшему? На той-то, где я располагался, пружинная сетка посередине кем-то очень «худеньким» (не Азизом ли?) вся вытянутая и промятая, спать на ней приходилось в полусогнутом положении. А на той, где был Джафар – она как будто только что из мебельного магазина. Поэтому на новом месте спалось намного лучше.

На работу сегодня шёл, как на праздник. Чувствовал себя почти именинником. Девчонки тоже «в теме» – поздравляют с завершением вахты. Часу в девятом позвонил Васин, запросил информацию о задержаниях. Ну, чтобы я всё собрал и отправил ему эсэмэской. Причём, немедленно! И начал я сочинять отчёт о своих подвигах на ниве топтунского поприща. Собрал всю мелочёвку, всю чепушистику, лишь бы чем-то заполнить отчёт. Пока набирал эсэмэску, на кассе Нинка

тормознула двоих пацанят, мальчишку и девочку, обоим лет по десять, скорее всего, из алкашных семей. Они, вроде бы, припрятали в карманах по киндер-сюрпризу. Вот такой, понимаешь, «киндер-сюрприз» пацанята и мне устроили. Ну, а чего удивляться? Я же – «секьюрити номер тринадцать», чего ещё мне можно ждать от своей проказливой судьбы?! Анька приказывает пацанят обыскать – может, ещё чего-нибудь успели прихапать? Я ей сразу же:

– И не подумаю! Это – дети. Тем более, как это я буду обыскивать девочку? На фиг нужно! Нет, нет, никаких обысков. Давай вызывать их родителей, кого-нибудь из ПДН. Пусть они и ищут. Только надо иметь в виду, что эту мелюзгу слишком долго здесь держать мы тоже не имеем права.

Тут в дверях появился какой-то поддатый мужичок. Видимо, пришёл за пивом – его я как-то раз уже замечал. Зашёл, и встал столбом, пялится на пацанят. Потом на повышенных тонах интересуется:

– А чё, это моего Жорку повязали? Чё за хрень творится?

Анька ему втолковывает, какие у магазина претензии к его сыну с подружкой. Мужик тут же переменяет настроение, и попёр на пацана:

– Ты это чё, козлёнок, тырить из магазина начал? Говори! Брал тут чего-нибудь?

Тот молча кивает головой – брал. Мужик ещё громче:

– Ах, ты скотина! Дома шкуру спущу!

Жорка хлюпает носом:

– Я у тебя просил копеек, а ты мне не дал...

Говорю мужику:

– Ни с кого шкуру спускать не надо. Оплати два «киндера» – стоят они ерунду, и делов-то!

Мужик посопел, посопел, но деньги достал и оплатил. Пациента сразу же смылись, ну а он – прямым курсом в «алкашку» за пивом.

Включил я в отчёт и этот дурковатый инцидентишко, отправил SMS-ку, а после обеда Васин сам у нас появился. С ним – Джафар. Довольный-предовольный! Как оказалось, его перевели в какой-то магазин, где одни лишь холодильные установки, и, самое главное: никаких покупателей. Живёт при магазине, там тепло, есть душ... Вот кому подфартило! Меня бы так «наказали». Джафар рассказал, что с Васиним они только что заезжали в привокзальный «Купи!». Азиз с этажа на этаж мечется, пыхтит, психует – он же согласился ехать в Кадухино с прицелом на наш магазин. А тут – такой облом! Уже жалеет, что приехал. Ничего, это ему полезно. Сюда приехал толстый «сумоист», а через три недели домой отсюда поедет стройненький балерун.

После обеда снова нарисовалась детская тема. Подходит ко мне какая-то женщина с глазами, преисполненными скорбью и печалью (прямо, мать Тереза номер два), и начинает расспрашивать про задержание девочки, которая ничего не брала, но её обвинили в краже. Я сначала подумал, что она про ту девочку, которая пару часов назад попала с «кин-

дер-сюрпризом». Сказал ей, что детей тут, хоть они и совершили реальный вынос товара, никто не обижал и даже не обыскивал. Жоркин отец взятое оплатил, и этот вопрос тут же закрыли. Она:

– Нет, я совсем о другом. Понимаете, моя дочка не хочет идти в школу. Она сказала, что охранник из «Купи!» её задержал и обвинил в краже. А теперь её вызывают в детскую комнату милиции... Или, как её сейчас называют? Полиции? Для постановки на учёт. Все в школе это знают, и над ней насмеваются.

– Не знаю, – говорю, – не припомню такого. А может, это с ней случилось в другом «Купи»?

– Нет, нет, именно в этом, на Новой!

Напрягаю память и уточняю:

– Девочке на вид лет тринадцать-четырнадцать? Она носит серое пальтишко с капюшоном, волосы чуть рыжеватые?

Женщина кивает:

– Да, да, это она! Ну, вот, скажите мне, на милость: ну, для чего нужно было оговаривать ребёнка, да ещё сообщать об этом в полицию?

Смотрю на неё, и пытаюсь угадать: вот, чего такого надо накуриться, чтобы городить подобную чушь?

– Извините, – говорю, – мадам за прямоту, но то, что я от вас сейчас услышал – полнейший бред, не соответствующий действительности. Кто вашу дочку задерживал? Нелепица какая-то! Да, был случай, я спросил её, что она поло-

жила в карман. Только и всего лишь! А потом даже извинился, раз уж, как оказалось, она ничего не брала. Всё! Инцидент был исчерпан. Я даже не спрашивал, как её зовут, где она живёт и учится. Как я мог на неё «накатать телегу» в полицию, не зная ни имени, ни адреса?! Похоже, у вашей девочки слишком буйная фантазия.

Она глазами захлопала, начала всплёскивать руками, «Ах-ах-ах!» да «Ах-ах-ах!»

– Ну а что же, по-вашему, с ней могло случиться? – только что не простонала «мать Тереза»

– Вы МЕНЯ об этом спрашиваете? – еле сдерживаюсь, чтобы не покрутить пальцем у виска (мадам, я, что, похож на Вольфа Мессинга?!). – Мне-то откуда это знать?! Да, всё, что угодно могло быть. Например, не сложились отношения с одноклассниками.

Моя собеседница полна сомнений.

– Думаете?! Ну, не знаю... У неё всегда было много друзей, она никогда ни на кого не жаловалась. Класс у них очень дружный!

– Дружный... Ага! А заведётся какая-нибудь зараза, которая начнёт строить против неё козни, натравливать своих дружков и подружек, и «дружный класс» тут же превратится в крысятник. Вы этого не допускаете? Что, если ваша дочь их боится, но не хочет никому об этом говорить? Поэтому и выдумывает невесть что, лишь бы не идти в школу.

«Мать Тереза» делает большие глаза.

– Вы, считаете, это реально?

– Да уж куда реальнее! Или у вас есть какие-то другие, более подходящие версии?

– Нет, нет! Вы, скорее всего, правы... И что бы вы мне посоветовали? Может быть, надо пойти в школу, наорать на них?

– И советую, и рекомендую. Совесть тех, у кого совести недостаток – дело дохлое. Тут всё решает лужёная глотка и хороший дрын в руке, чтобы «навести шороху» по полной. Ну а уж если вы на это не способны, то переводите свою дочку в другую школу. Хотя, не факт, что и там не найдётся каких-нибудь кровососок.

Гляжу, женщина малость, как будто даже, приободрилась. Смущённо так улыбается...

– Ой, а я шла сюда, и думала всю дорогу: ну, что же это там за зверь такой охранником работает? А вы оказывается... Гм-гм... Да, наверное, вы правы. Наверное, мне самой придётся немного озвереть. Отца у нас нет, живём небогато, вот мою Леру и клюют всякие озлобыши. Спасибо вам, до свидания...

Да, уж, всегда пожалуйста! Вот они, издержки работы в охране, задави её лихоманка! Это большущий плюс, что эта самая Лера, пусть, в отношении меня дури и нагородила, но не самой скверной. А если бы лягнула что-то запредельно-пакостное? Вон, рассказывали мне, как одна бездельница чуть не посадила охранника. Он её поймал на краже, но по-

жалел и отпустил. Мол, вали на все четыре стороны, и больше так не делай. Так, зато, она его потом так «пожалела»! Накатала заявление в полицию, будто он обыскивал её и домогался. Его и начали таскать. Благо, нашёлся свидетель, который его поддержал, и подтвердил, что это всё враньё, и он к той пигалице даже не прикасался. А если бы свидетеля не оказалось?.. Впрочем, без «кренделей» тот доброхот не остался всё равно. Магазинное начальство, узнав о том, что охранник, явив непростительную снисходительность, отпустил воровку, «накапало» Васину. Ну а тот его чуть не выгнал с «волчьим билетом».

Вечером прихожу в общагу, а народу там прибавилось, как бы, не больше, чем вдвое. Откуда-то прибыл Лёха, а с ним ещё трое его друзей-дагестанцев. Лбы все здоровенные, но ведут себя вежливо и воспитанно. У одного из них наклейка из бинта и пластыря, закрывающая глазницу. Это тот самый таксист-бомбила, которому не повезло встретиться с «хорошими ребятами». Эту ночь я спал беспокойно. Снилось какая-то чушь, связанная с работой. То ли меня в охрану не брали, то ли в кассе денег не оказалось для расчёта...

Третье декабря

Проснулся в четыре утра, и больше уже не уснул. Пошёл на кухню готовить себе завтрак. Там на голых стульях ворочается один из друзей Лёхи. Отправил его на своё место – пусть поспит в человеческих условиях, да и мне мешаться не будет. Правда, очень скоро бедолага-дагестанец вернулся

на свой топчан из стульев – «сумоист» под утро расхрипелся так, что даже на кухне было слышно. Поставил я на плиту сковороду, чайник, и... День начался. В начале шестого на кухню прибежал Азиз, впопыхах выпил чаю, начал собираться на работу. Спрашиваю:

– Ну, как?

Он морщится, отмахивается, цокает языком.

– Ай, не спрашивай! Я думал, буду работать на Новой, а попал чёрт знает куда... Ой, тяжело! Очень тяжело!

Как же приятно сознавать, что на ближайшие несколько недель я избавлен от такой вот необходимости без конца куда-то спешить, напрягаться, надрываться... Я своё сделал. Пусть немного коряво, пусть чуточку сикось-накось, но зато – сделал! И сегодня получу за это – своё, заработанное. А завтра уже буду дома... Эх, скорее бы!

В последний раз иду в «Купи!». Вскоре следом за мной примчался и Лёха. Расписались в журнале приёма-передачи смены, я отправил Васину эсэмэску, что смену сдал. А вот Трапезиной на месте всё нет, и нет. Подумалось даже: уж не решила ли она сквитаться со мной за доставленные ей неприятные моменты? Что, если она сегодня вообще не приедет на работу? Мне ведь у неё брать характеристику, без которой расчет в «Секьюрити» не получишь!..

Но директриса всё-таки приехала. Заполнила бланк, прищёпнула печать и даже пожелала счастливого пути. Слезу, конечно, не прошибло, но, тем не менее, приятно удивило –

надо же! Ну и вам всем тут не хворать! Попрощался с кассиршами, и – дранг нах вокзал! Шёл и вспоминал далёкий весенний день восьмидесятого, олимпийского года, когда мы, три сержанта-дембеля, шли на «железку» славного города Старорузловска, где базировался наш батальон.

Созвонился с Володькой. Как оказалось, он задержится ещё на два дня – сменщик где-то завис, а другого пока не подобрали. Досадно! Думал, что и назад поедем вместе. В офисе «ЛЮМа» – столпотворение. Приехали за зарплатой из «Купи!», из «Вкусов» и «Удач». Ждать пришлось больше часа. Скучать, правда, времени не было – столько всего наслушался! О денщине, которая уже три или четыре года не повышались, о магазинах-скрягах, где чёрта с два чего дадут, и магазинах, где просрочка обильна и доступна. А ещё о клопах, зажирающих обитателей некоторых общежитий... Наконец, вызывают и меня. Как ни странно, оплатили разъезды на электричке, и даже такси.

Ну, всё! Пора в дорогу. И вот уже колёса отстукивают первые километры в сторону МКАДа. Соседи по купе тарашатся на то, как я что-то там карябаю в тетради. Интересуются – чего это ты там сочиняешь? Секрет! Ну, пока, «белокаменка»! Как ни грустно об этом думать, но очень скоро опять придётся снова ехать сюда...

В «Удачу»? Вот, ведь незадача!

Двадцать третье декабря

Как же быстро всё кончается, в этой нашей скоротечной

жизни! Отпуск промелькнул – я и оглянуться не успел. А ещё быстрее улетели деньги. Хотя, если, по совести, разобраться, то какие это деньги?! Лет сорок назад тысяча рублей – это были даже не деньги, а деньжищи! А сегодня? Так себе, деньжата. Ну, получил я на руки какие-то семнадцать зелёных бумажек. И? Что дальше? По курсу рубля сорокалетней давности, это даже меньше, чем семнадцать красных, десятирублёвых бумажек, с профилем вождя мирового пролетариата. Примерно, месячная зарплата главбуха среднего колхоза. Попробуй, пошикуй на эти «капиталы»!

Тают они, блин, как снег в апреле: только что были – и вот, уже нет. Поэтому, как только настала третья декада декабря, «первым звоночком», извещающим о скорой нехватке дензнаков стал вопрос хранительницы нашего семейного очага, которая начала выяснять, насколько широко будем встречать Новый год – одним лишь чаем, или чаем с сахаром?

Надо сказать, это меня впечатлило более чем серьёзно, и поэтому рука сама, автоматически потянулась к телефону. Васин ответил на удивление быстро. Хотя, обычно, до него – попробуй, дозвонись. Как можно было понять по скорости ответа, дела с кадрами у «ЛЮМа» в предновогодье обстояли, мягко говоря, скудно. Это и понятно – много ли найдёшь таких дураков, которые Новый год захотят встречать не с семьёй, а у чёрта на куличках? К слову сказать, когда в начале декабря в «ЛЮМе» я получал свой «гонорар», то среди охранной братии ходили разговоры о том, что праздничные

дни в нашей шарашке (вроде бы!) оплачиваются в полуторном размере. Конечно, лучше бы в двойном, но... Как говорят в народе: привыкай коровка к соломке, сенцо – тю-тю, закончилось.

Ладно,, остаюсь без праздника. В конце концов, если за новогодние дни дадут, пусть, и полуторный тариф (где наше не пропадало?!), то уж хотя бы, бог даст, этот раз натяну до двадцатки. И вот, услышав васинское «да?», уведомляю:

– Это Алексей Бурякин. Добрый день, Игорь Иванович.

Лишь услышав мой голос, Васин с места в галоп исторгает наболевшее:

– А-а-а-а, Бурякин?! Срочно сюда! Завтра же быть в Чихалове!

– Не получится, Игорь Иванович, только послезавтра. Сегодня на все поезда до Москвы билетов уже нет. Если только «ЛЮМ» оплатит самолёт? Ну, тогда я – запросто!

Инспектор издаёт душераздирающий вздох, и неохотно соглашается:

– Ладно, приезжай послезавтра... Но, сразу же едешь в Чихалово, в «Удачу» на Берёзовой.

В «Удачу»? О, как! Он, что же, и эту сеть курирует? Силен, силен, однако!

Двадцать пятое декабря

Утренней порой на электричке с Курского вокзала мчусь в подмосковное Чихалово. Ехать туда больше двух часов, поэтому пытаюсь хоть немного подремать – поезд в Москву

прибыл раненько, так что спать хочется очень и очень. К тому же ночью не давало покоя население вагона. Получилось так, что и в моём, и в соседних купе, оказались студенты какого-то столичного колледжа. Они возвращались домой с экскурсии в Волгоград.

В целом, народ, конечно, позитивный. Но уж очень, как таких называют, шебутной. Хай и галдёж – не уснёшь. Днём это было ещё так-сяк. Вечером – уже напрягало. Ночью – нервировало. Хотя... Что с них возьмёшь? Кровь молодая, насыщенная избытком гормонов, кипит и бушует...

Продолжением суматошной ночи стало и суматошное утро. Когда на Павелецком выходил из поезда, меня чуть не сшиб с ног какой-то торопыга, который бежал встречать кого-то своих. А позже и я сам, когда бежал из метро к электричке, в дверях тоже чуть не сшиб с ног какого-то интеллигентного деда, типа профессора. Видимо, это его так впечатлило и воодушевило, что он тут же в нескольких словах открытым текстом прочёл мне лекцию не вполне печатного формата о правилах хорошего тона.

И вот, сижу в вагоне, расслабляюсь, пытаюсь уснуть. Но, не тут-то было! К несчастью, соседка напротив оказалась не только чрезмерно общительной, но ещё и крайне начитанной особой, эрудированной и политически подкованной. Почти до самого Чихалова мне пришлось слушать её лекцию о международном положении. От неё я, наконец-то, узнал (а для меня это было так важно!), что Обама – потомок какого-то

кенийского колдуна, а потому вынужден искупать своей дурацкой политикой напрочь испорченную карму чернокожно-чернокожего предка.

Кроме того, всезнайка-грамотейка рассказала о том, чем Меркель отличается от Блин-Клина. Голубушка! Между прочим, о том, что Билл и Ангелка различаются хотя бы анатомически, как-то смутно я догадывался и сам. Что и говорить, встретить её для меня было редкостным «счастьем»! Я всю предшествующую жизнь, об этом только и «мечтал»!

...И вот оно, Чихалово. Выхожу на привокзальную площадь, её засыпает снегом, с крыш капель (прямо, дежавю какое-то – погода точно такая же, как в день прибытия в Кадухино). Ищу нужный мне автобус. Местные почему-то не могут вспомнить, где находится магазин «Удача» на Берёзовой улице. Наконец, кто-то догадывается:

– А! Так это вам нужен «Пиф-паф»? Садитесь на третий автобус и сойдёте на Берёзовой.

Уточняю:

– А почему именно – «Пиф-паф»?

Как оказалось, изначально там в одном помещении когда-то базировалось аж три торговые точки, одна из которых – охотничье-рыболовный магазин, называвшийся именно так – «Пиф-паф». Дела у хозяина шли в гору, и пару лет назад он перевёл свою торговлю на более бойкое место. Прочие тоже ушли оттуда по разным причинам, и всё это помещение заняла «Удача». Понятненько! А то сначала подума-

лось, что на этой территории города местные «крутые» выясняют отношения, из-за чего там то и дело происходят перестрелки.

Едем долгонько, больше четверти часа. Когда мы проезжаем под виадуком, направляюсь к выходу, стоящий впереди меня парень залихватски бросает шофёру:

– Пиф-паф!

Следом за ним выхожу из автобуса, и невдалеке вижу пристроенный к многоэтажке довольно-таки большой магазин. На вывеске значится: «Удача». Вот оно, это новое место моих дальнейших трудов... Поднимаюсь по ступенькам на высоченное крыльцо. Вхожу в людный торговый зал. У касс прохаживается рослый гражданин средних лет, в чёрных штанах и синей рубашке с галстуком. Очень здорово похож на главу семейства Ворониных из известного телесериала, только худощавее. Даже голос похож.

– О-о-о! Кто к нам пожаловал?! – радостно улыбается он и представляется. – Виталий!

– Алексей!

На нас с интересом смотрят кассирши и покупатели. Оценивающе так, смотрят... Спрашиваю коллегу, давно ли он на вахте.

– Третий месяц... – магазинный старожил удручённо вздыхает.

Третий месяц?! Ого! Это что же за шарашка такая, если охранника сменить никак не могут? Тут же делаю очень

неутешительный для себя вывод: похоже, я следующий в местные «долгожители». Ну а конкретно: почему же до сих пор не нашли замену? Или Виталий сам решил пойти на рекорд?

– Да, на чёрта бы мне притовокался, такой «рекорд»! – он в сердцах машет рукой. – Замену никак не найдут! Никто сюда не хочет идти. Иные только заходят, и тут же лыжи в обратную заворачивают.

Вот это я влип! Может, тоже, пока не поздно, развернуться и – гуд бай, май лав, гуд бай?! Но... Куда потом? Ладно уж, рискну... До весны, надеюсь, смыться удастся. Спрашиваю Витальку:

– Ну, что, сейчас будешь передавать мне свои дела?

Он громко смеётся.

– Ты что-о-о?! Тебя прислали мне в подкрепление, а не на замену. Если бы на замену, я бы сейчас прыгал и скакал от радости. Нет... Просто, перед большими праздниками в таких магазинах, как наш, прибавляют охранников, чтобы легче было уследить за воровством. А то ведь тут перед Новым годом может начаться такое...

Во-о-н оно чего! Ну, тогда – ладно. Поработаем, так и быть. Для начала идём с Виталием в хозяйственный блок. Там – офис директора и менеджеров. На месте оказалась замдиректора Елена Фёдоровна и особый специалист – ККП, то есть, контролёр качества продаж. Проще говоря, «особист» этой торговой точки, его зовут Юрий Александрович.

вич. Елена к моему появлению отнеслась вполне спокойно, а вот Юрка, как и положено особисту, начал выпрашивать о прежней работе – сколько и где отработал смен, сколько было задержаний и тому подобное. Когда узнал, что это моя всего лишь вторая вахта, а реальных задержаний – только одно, он сразу же резко поскучнел. Как видно, такие кадры ему не по вкусу.

Закончив расспросы, ККПшник прочитал мне инструкцию по работе на данном объекте. В общем и целом, требования те же, что и в «Купи!», но было и кое-что местное: стучать, стучать, и ещё раз – стучать! Юрка в категоричной форме приказал докладывать ему обо всех делах и поступках (особенно, проступках!) кассиров, грузчиков и всех прочих (ну, наверное, в том числе и Витальки?).

– ...Никаких личных тем с кассирами, никакой лирики – разговоры только по служебной тематике. Это ясно?» – объяснял он, тыча пальцем в потолок.

О-о-о! Да, ясно, ясно... Только я в штатные стукачи ККП не записывался. У меня есть своя инструкция, её я и должен выполнять. А всё остальное – меня не колышет.

Далее Виталька показал здешние бытовые условия. И только теперь я узнал, что жить-то мне придётся прямо здесь, в магазине. Да! Общага для охранников в «Удаче» не предусмотрена. Охранники спят в бытовом отсеке. Теперь я в этой шарашке, как бы, круглосуточный сторож (или заключённый – уж, кому чем это больше кажется).

Продолжаю изучение коммунальных и всяких прочих удобств, и прихожу к выводу, что это вовсе не удобства, а чёрт знает что, и сбоку бантик. Еду готовить можно в тесном коридорчике «чёрного хода» на плитке. Правда, есть душ с горячей и холодной водой, но его дверь почему-то без запора. Там же можно и постираться. А вот сушить постиранное можно только в тёмной кладовушке на трубах отопления, где уборщицы имеют обыкновение сушить половые тряпки. Гладиться можно в общей раздевалке. Однако самый главный вопрос: где и на чём мне спать, пока без ответа. Сам Виталий спит в компьютерной, на раскладном кресле. А насчёт меня распоряжений ему не поступало. Дас ист фантастиш!

Отзвонился я Васину, очень обрадовал его известием о своём прибытии, хотя сам всё ещё пребываю в полном обалдении и сомнении: оставаться ли в этом первобытно-пещерном «раю»? Поскольку время ещё только около десяти утра, Юрий объявил, что я должен немедленно приступить к работе, и тогда день мне зачтётся полностью. Но я попросил у него полчаса на сборы – надо же погладиться хоть немного! Он изобразил на своей физии недовольство, но полчаса дал.

В раздевалке, которая, заодно, была и бытовкой, и кладовкой, стола для глажки не имелось. Вышел из положения тем, что сдвинул пару скамеек и постелил взятое у Витальки одеяло. Быстренько «подмарафетился» своим утюгом (без утюга на вахте делать нечего!), и вышел в зал. Витальки почему-то нигде не видать. Подошёл к кассиршам, познакомил-

ся. Молодая симпатяшка назвалась Фаиной, мадам лет пятидесяти представилась как Лидия. «Полняшка» лет сорока назвалась Валерией.

Девчата с ходу просветили по части здешних порядков. Послушал их, и сразу понял: в сравнении с «Удачей», кадухинский «Купи!» – лучшее место на земле. Если там дури – полным полна коробушка, то тут она, кое в чём, даже перехлестывает через край. Здесь каждый «чих» – с особого дозволения. Кроме того, основной охранник (в данном случае, Виталька) каждое утро должен пересчитывать поштучно палки салями, сервелата, бутылки спиртного, которое дороже пятисот целковых, пачки элитного чая и кофе, и всякую прочую чушь. А потом эти цифры надо сверять со вчерашним результатом продаж и давать их особисту. И если что-то не совпадает, учиняется внутреннее расследование. Да, о таком можно только «мечтать»! К счастью, эта дуrolомщина меня пока что не касается. Купить себе продукты здесь также непросто (если ещё не сложнее!) чем в «Купи!». Здесь надо не только клеить на продукт специальную марку, но ещё и записывать всё это в специальный журнал.

Ну да ладно! Пока поработаем, а там – видно будет. Хожу по залу (он раза в полтора больше, чем мой прежний объект в Кадухино), запоминаю, где что лежит. Замечаю любопытствующие взгляды местных. Всё понятно. Меня уже засекли и, не исключено, начали изучать, как возможную помеху в деле прихватизации товаров. Откуда-то появился Виталька.

Он принёс с собой целую пачку компьютерных распечаток, на которых кадры видеосъёмки зала, где изображены схваченные объективом местные крадуны. Ого! Это уже интересно. В отличие от бестолковых прибабахов «Купи!», здесь эта система используется сполна.

По словам Витальки, видеоизображения распечатал Юрка. Изучаю портреты крадунов. Правда, в любом случае, уверенности в том, что эти распечатки реально помогут кого-то задержать, не ощущается. Виталька подтверждает – так и есть: за всё время своей вахты, благодаря распечаткам, он смог задержать только двоих.

Незаметно наступает обед. Виталька уходит перекусить первым. Потом иду я. Покупаю продуктов и бегу в бытовку. Быстро на плитке готовлю, ем, остатки своих припасов кидаю в продуктивно-посудный шкаф. Как позже оказалось, это был очень даже опрометчивый шаг. И снова – ходьба по залу, изучение портретов крадунов.

Дело идёт к вечеру. Всё чаще вспоминаю о том, что спального места у меня нет, как нет. А тут ещё, как назло, отчего-то спина приболела. Наверное, неудачно спрыгнул со своей полки в вагоне поезда. Но делаю вид, что всё – «хо-кей». А как же иначе? Надо удержаться на работе, невзирая ни на что, ни на какие болезни и обстоятельства.

Когда время уже подходит к закрытию, звоню Васину: так, как же быть с ночлегом-то? Он долго вздыхает и зовёт к телефону Витальку. Тот его слушает и, при этом, усердно кива-

ет, как будто Васин его сейчас может видеть. Закончив разговор, Виталька объявляет, что мне можно расположиться в столовой. Идём с ним туда. Сдвигаю скамейки, стулья, из раздевалки Виталька приносит уже первой новизны матрац. Обнаруживается даже кое-какая подушка. Ну, вот, это уже – что-то! Ведь могут же, если захотят!

Часу в десятом напоминает о себе голод. Виталька на ужин уже ходил. Теперь иду я. Открываю шкаф, а там – что-то странное такое... Пакет сахара, который в обед был почти до краёв, теперь почти пуст. В холодильнике полбатона и полпакета масла загадочным образом «испарились». Что за чепуха? Как ни верти, а в «Купи!» ничего похожего не наблюдалось. Подкрепившись тем, что осталось, иду к Витальке и интересуюсь ситуацией. Нет, человек я, в принципе, не мелочный, не скряга. Но помимо себя прокормить ещё и энное число здешних страждущих – мне не по карману.

Виталька огорчённо вздыхает. Оказывается, здесь, в общем и целом, народ не из проглотов. Продукты, как правило, не тырят. Но дико обожают чай. И грузчики – их тут сразу трое, и кассиры, и все остальные. Пьют его немеряно много, причём, каждую свободную минуту. Поэтому всё, что к чаю (заварка, сахар, какие-нибудь там пряники-печенья) воспринимается местным «бомондом» как «общенародное достояние».

– А в холодильнике? – спрашиваю его.

Виталька разводит руками. Возможно, считает он, там по-

работал грузчик Максюха. Он здесь недавно, к тому же, в конце лета «откинулся» из «мест, где нет невест». Так что, лучше много продуктов не набирать – что взял, то и съел.

Десять вечера. Зал уже пуст. Кассирши и грузчики расходится по домам. Все выходят через «чёрный ход», с обязательным показом Ленке своих сумок под объективом видеокамеры. Виталька рысью скачет по залу, пересчитывает колбасы, «алкашку» и прочее. Помогаю ему в этом «мартышкинном труде» (какой смысл считать, если, как говорится, волк овец и считаных берёт?!). Финальный штрих: Ленка выходит из зала в бытовой отсек последней, и закрывает его дверь на ключ. Теперь мы от зала отрезаны. Одевается, выходит на улицу, Виталька запирает за нею дверь «чёрного хода». Это успокаивает: случись пожар – у нас есть шанс выйти. Уже неплохо!

Двадцать восьмое декабря

Сегодня уже четвёртый день моей работы в «Удаче». Понемногу осваиваюсь со здешним таборным бытом, где все и всё на виду (видеокамер нет только в душе и туалете), из-за чего постоянно ощущаю себя участником какого-нибудь реалити-шоу «Магазин-1». Привыкаю жить в условиях отсутствия очень и очень многого. А потому, постоянно внушаю себе, что здешний быт – это не так уж и убого, что бывает ещё и похуже.

...Нет, и в самом деле: что уж тяжелее здесь, чем в «Ку-

пи!»), то – тяжелее. До обеда тот день мы с Виталькой проходили по залу ни разу не присев, но чего-то явно подозрительного никак не замечалось. Ну, вот, хоть лопни с досады! Не хотят, понимаешь, красть, и – всё тут. Виталька считает, что с моим появлением крадунов-завсегдатаев, как будто, поубавилось. Юрка пока помалкивает, хотя по его глазам вижу – от меня он ждал гораздо большего.

Кстати, Виталька признался, что реально он сам лично за прошедшие два месяца с гаком не поймал ни одного крадуна. А те четверо или пятеро задержанных, которых он-таки сцапал на выходе, в большей степени были заслугой или кассирш, или Юрки, заметившего умыкание товара через камеру наблюдения. Так, это и понятно! Профессионально красть в сетевой магазин идут люди, которые хорошо его изучили, которые в точности знают, где есть «слепые» зоны видеокамер. Скорее всего, у себя дома они отработывают методу припрятывания товара на уровне хорошего фокусника, и знают много способов, как в нужный момент отвлечь внимание охраны, как без подозрений проскочить мимо кассы. Поэтому нам и попадаются только те, кто надумал украсть «на авось» с больной головы, или те, кому, попросту, не повезло.

И вот, позавчера за обедом кто-то из грузчиков рассказал, что он сам лично видел, как за мной исподтишка следил какой-то шкет, тогда как его старший «корифан» в этот момент пытался спрятать под курткой колбасу. Правда, сделать ему

этого не удалось – помешало появление этого самого грузчика,

– ...Ты здесь только появился, а тебя уже все знают, – отложив свою ложку, убеждал меня грузчик. – И чего вы оба с Виталькой ходите в этом своём прикиде? Вас прямо с улицы видит каждый хмырь. А надо бы, наоборот, маскироваться. Вот тогда и будет результат! – забыв про обед, разводил он философию.

Немного подумав, я, в принципе, согласился – это, общем-то, не такая уж и бредовая мысль! Пошёл к Юрке, рассказал про такую идею от народа – переодеться в какого-нибудь босяка, и ходить по залу, чтобы никто не мог догадаться, что это охранник. Юрка меня сразу же начал критиковать, вроде того: на кой он нужен, этот маскарад? А вот Ленка поддержала.

– А, что, – говорит, – попробовать стоит. Если есть во что переодеться – давай, действуй.

Действую. Нашёл в раздевалке грузчиков из другой смены куртку, из тех, что уже заношены, и шапку, что не из самых страшных. Нацепил всё это на себя, и – айда по залу с тележкой. Кассирши – и те сразу не просекли, что это за представление (правда, через пару минут раскусили мою затею с полпинка). А я корчу из себя конченного «синяка», который с похмелья еле ноги переставляет. Походил минут пятнадцать, попридурялся, но своей главной цели так и не достиг – никто при мне красть и не подумал. Все в мою сторону косятся,

таращатся, только что под микроскопами не изучают.

Ладно! Похожу ещё. Может, самые оголодалые крадуны в нашу шарашку сегодня ещё не успели заглянуть? Проходил ещё полчаса, потом ещё час... Чёрта с два! Такое ощущение, что эти негодяи, эти расхитители, разом записались в праведники, и дали обет строгого соблюдения библейской заповеди «не укради». Мало того! С какого-то момента я начал замечать нацеленные в мою сторону, такие, хитроватые, ехидные взгляды. Это насторожило.

Смотрю, одна парочка (муж с женой, оба лет тридцати), покосились в мою сторону, и меж собой о чём-то начали шушукаться. Ну, я хоть и не Паганини, но слух у меня нормальный. Прислушался, и понял: капут всей этой затее с переодеванием. Она его спрашивает:

– А что это новый охранник бомжом вырядился?

Он с деловым видом ей растолковывает:

– Маскируется. Хочет кого-нибудь на краже взять с личным.

Тьфу ты, нелёгкая тебя побери! Столько усилий, и всё впустую: народ сегодня оказался исключительной честности и порядочности. Ну, что уж тут поделаешь? Фини та ля комедия, как говорят потомки галлов. Не мешкая, пошёл я в раздевалку, снова нацепил свой «дресс-код», и опять в зал. Из кабинета выскакивает Юрка, и вслед меня спрашивает:

– Петрович, а чего это ты переоделся? Было ж всё так нормально!

Ага, «нормально»! Если обо мне скоро уже и все бродячие собаки будут знать – чего ж нормального-то? Всякая хохма имеет смысл лишь тогда, когда она ещё, кажется, хотя бы отчасти чем-то умным. А как только она превращается в тупую дурь, то с ней нужно кончать. И, чем скорее, тем лучше.

Было это позавчера. Ну а вчера, двадцать седьмого, мне снова пришлось покомедничать с переодеванием. Да! Настояли Юрка и Виталька. Отчего-то их обоих эта идея захватила и обуяла. Прямо, на грани какой-то даже маниакальности. Виталька руки потирает – эх, сейчас и наловим! Ага, мечтать не вредно... Ну, я опять нацепил на себя чьи-то тряпки, и пошёл в зал. Девки на кассах всё сразу же поняли. Сидят, улыбаются, перемигиваются. Часу не прошло, ухмыляться начали и покупатели. Замечаю, что, когда я с кем-то рядом, так мне даже уже подыгрывают (да-а-а!). Вроде того: «Ой, а кто же это такой ходит, нам незнакомый, загадочный и таинственный?! Ой, а мы такого не знаем, и даже не догадываемся: ну, кто бы это мог быть?!..» А как только отойдёшь, так даже спиной чувствуешь их ехидноватые взгляды и ухмылки.

Вижу – затея провальная, пора с этим кончать. Иду к двери хозблока чтобы переодеться, и тут за кассами появляется Васин собственной персоной. Вот это номер! В Кадухино он, обычно, приезжал к вечеру, или даже позже. А тут – на тебе! Прямо с утра заявился. Подошёл к кассиршам, что-то у них спросил, они тут же указали в мою сторону. На его

физици удивление запредельное. Подходит ко мне и на весь зал интересуется:

– Почему не в положенной форме одежды? Что это за маскарад?

Кто из покупателей оказался поближе, слушая его, начали хихикать в кулачок. Пришлось ему объяснять (тоже во всеуслышание!) что тут происходит, и к чему всё это. Народ, понятное дело, уши развесил – всем же интересно! Васин меня слушает, хмурится недовольно так. Ну, думаю, сейчас объявит, что затеяли мы полную дурь (собственно говоря, я бы с этим и не спорил) и прикажет пойти и немедленно переодеться. А он посмотрел на меня с задумчивостью Ньютона, которого по макушке вдруг шандарахнуло спелой антоновкой, и одобрительно так кивает.

– Хм... Интересная задумка! Хорошо, пробуйте, пробуйте. Вдруг, и в самом деле что-то дельное получится?

Офигеть! И его проняло энтузиазмом! В этот момент пришли Юрка с Виталькой. У Витальки первый же вопрос о наблевшем: поменяют ли его до Нового года? Васин разводит руками – пока некем. Тот начинает кипятиться.

– А вот он, что, не подходит? – тычет в меня пальцем.

Васин отмахивается – не городи чепухи.

– Ты же сам знаешь, что здешнее руководство требует охранников с большим опытом – чтобы и смен у них было выполнено не менее трёх, и задержаний должно быть не менее десяти. А он ещё только начал, это у него вторая смена.

Здесь он на подкреплении, и только.

Ну, тут и смешные ребята! Теперь, понятно, почему некому менять Витальку. Одних они не берут, а другие к ним сами идти не желают. Вот такая неразделённая «любофф». Ну и хорошо! Значит, тут я не навечно. Уже это здорово.

Кроме всего прочего, Васин объявил, что привёз мне раскладушку и матрац. А вот это – красотища! Виталька даже позавидовал:

– Теперь тебя завтра утром не добудишься!

Ну а Васин дал нам напоследок кучу всяких ЦУ (ценных указаний), главное из которых было: ловить, ловить и ещё раз ловить, после чего сфотографировал (мне пришлось на это время надеть свой обычный «прикид») и уехал.

Вечером разложил я в столовке раскладушку, и тут же понял: нет, это – не Рио-де-Жанейро! Эта койка, чуть повернёшься с боку на бок – сама немедленно складывается. Прямо вместе со мной. Во-вторых, её пружины и тент рассчитаны на вес кошки или пуделя. Проворочавшись до часу ночи, я опять составил скамейки, стулья, и... Сразу же уснул на этой скрипучей мебельной импровизации сном праведника, только что получившего отпущение всех грехов оптом.

Когда сегодня утром я разбираю своё спальное место, в столовку заглянул Виталька. Видимо, он и в самом деле опасался, что я просплю. Увидел меня за расстановкой лавок и очень удивился:

– А что же раскладушка? Не понравилась?

– А хочешь, я тебе её подарю?

Он в ответ лишь хохотнул, отрицательно мотнул головой, и скрылся за дверью. Когда мы с ним открыли входную дверь и в зал потянулся народ, смотрю, заходит некий гражданин ещё не старых лет, одетый без выпендроза, но с официозом. Виталька тут же стал перед ним чуть ли не по стойке смирно.

– Здравствуйте, Виктор Викторович!

Тот вполне простецки здоровается с нами за руку, спрашивает меня:

– Вы новенький? Как у вас, получается?

– Да, помаленьку...

– Ну, ничего, всё наладится.

И пошёл. Я к Витальке:

– А кто это?

– Наш директор. Вот такой мужик! Никогда не орёт, не выёживается, никогда за горло не берёт. Так-то он требовательный, но справедливый.

Стою, соображаю... Что бы это значило: «Ничего, всё наладится»? Виталька машет рукой:

– Если ты о том, что останешься здесь или нет, то даже и не напрягайся. Не оставят тебя здесь однозначно. Кадрами охраны занимается Юрка и его непосредственный шеф – начальник кустовой ККП Шмагун. А у них установка жёсткая, кого именно брать. Нет, нет, как это ни досадно, но после праздника тебя отправят дежурить куда-нибудь ещё.

В этот момент наши кассирши, да и некоторые покупа-

тели, отчего-то вдруг начали тарашиться вверх, а некоторые даже замахали руками. Присмотрелся, а это над кассами порхает невесть как залетевшая в зал синичка. Пришлось начать её ловлю. Собственно говоря, ловлей командовал один Виталька. Я сразу же заподозрил, что это «чик-чирик» – неспроста! Что, если кто-то выпустил её специально, чтобы отвлечь наше внимание и, пользуясь суматохой, что-нибудь позаимствовать? Лёха Магомедов мне рассказывал про похожий случай в Закатилово. Там шустрые ребята придумали фокус с вороной. Заходят, значит, они в торговый зал, рассредоточиваются, набирают дорогих продуктов, и в нужный момент выпускают птицу. Поднимается шум, гам: что это за безобразия? Почему здесь ворона? И пока всем скопом кассиры и охрана её ловят, крадуны мимо кассы проскальзывают на улицу, и – ищи-свищи их.

Но это – там, а вот у нас сегодня задержание состоялось. И какое задержание! Это было «что-то»! Где-то перед обедом, гляжу, особист Юрка дал какое-то «ЦУ» Витальке. Тот бегом ко мне. Сам весь такой возбуждённый, взбудораженный. Говорит полушёпотом:

– Алексей, сейчас будем бабенцию одну задерживать. Сунула в карман туалетную воду. Скорее всего, собирается пронести без оплаты – Юрка засёк по монитору.

А что за бабенция? Которая из тех, что сейчас шарятся по полкам? Виталька указал на не очень приметную тётку лет шестидесяти с гаком, роста ниже среднего, зато шири-

ны равной росту. Физия типичной базарной скандалистки и склочницы. На краже однажды она уже попадалась – спёрла несколько плиток шоколада. И вот, видимо, решила снова попытать счастья в прихватизации товара. Рассредоточиваемся у касс таким образом, чтобы в глаза не бросаться, но иметь возможность перехватить эту мадам по пути к выходу.

Минут через пять она подошла к кассе, что-то достала из своей кошёлки, оплатила и зашагала к двери. И в тот же момент мы с Виталькой аккуратненько загораживаем ей дорогу. Не давая опомниться, вежливо предлагаем:

– Вы не могли бы пройти с нами к нашему руководителю службы безопасности? Он хотел бы задать вам пару вопросов.

Если откровенно, я ожидал, что сейчас же начнётся истерика, вопли, скандал... А она – хоть бы хны. Выдержка у тётки железная. Ей бы в разведке работать, а не по магазинам шоколадки тырить. С эдаким недоумением жмёт плечами:

– А о чём мне с ним разговаривать?

Виталька изображает вежливую улыбку (правда, она у него получилась кислее квашеной капусты) и поясняет:

– Он вам сам об этом скажет.

Мадам сокрушённо разводит руками с видом незаслуженно оскорблённой добродетели.

– Да, пожа-а-луйста! – с обидчивым великодушием в голосе объявляет она. – Идёмте! Ха-ха-ха-ха! Что это ему вдруг понадобилось-то? Чушь какая-то...

И пошли. Виталька шагает впереди, тётка за ним, я сразу же пристроился в кильватер, чтобы проследить – не попытается ли она избавиться от товара. На нас, конечно, со всех сторон таращатся, и каждый реагирует по-своему. Кто-то смотрит с сочувствием, кто-то со злорадством. А мадам на ходу продолжает сокрушаться и удивляться: ну, зачем это всё? Зашли к Юрке, тётка смотрит на него с победоносным видом и с ходу начинает «качать права»:

– В чём дело? На каком основании? Что вы себе позволяете?!

Гляжу, а наш Юрец, только что глядевший орлом, отчего-то вдруг немножечко заскучал, и даже в его взгляде появилось что-то от общипанного петуха. Но, тем не менее, ККП бодрится, и просит мадам показать, что у неё в правом кармане пальто. Она, не моргнув глазом, достаёт туалетную воду и объявляет, что купила её в соседнем магазине. Чек? А кто их бережёт? Выкинула в мусорную корзину. Юрка морщит лоб:

– Сейчас я вам покажу видеозапись, где вы берёте товар с полки и кладёте себе в карман.

Подумалось: ну, попалась, голубушка! Приплыла, как говорится. И теперь уже тебе не отвертеться. Фи-гуш-ки! Она упёрла руки в бока, и нахально так уточняет:

– А там хорошо видно, что я взяла именно туалетную воду? Ну, допустим взяла. И что? Но потом выложила на одной из полок в продуктовом отделе. Раздумала покупать и

выложила. Решила, что мне хватит и той, которую взяла ранее. Имею право! Нести обратно поленилась. Да и не обязана. Вот, ищите на своих записях, где я выкладываю товар. Ищите, ищите! А эта вещь – не из вашего магазина. Если можете – докажите, что ваше.

Юрка замешкался, почесал затылок и, глядя на монитор, начал щёлкать мышкой. Но тётка досмотреть ему не дала.

– Да, что искать-то? В том ряду, говорят, вообще ни одна камера не снимает. А я там и выложила!

Юрка чуть зубами не заскрипел – вот это пилотаж! Вот и попробуй, докажи, что установлен факт кражи. Глянул на нас и бурчит:

– Вы, это, мужики... Давайте в зал! А то там сейчас не знай чего может случиться. Живее! Тут я и сам разберусь.

Вышли мы с Виталькой в зал, не говоря ни слова, но оба подумали одно и то же: обломился ты, Юрок! Ничего ей докажешь. Тётка подкована на все четыре копыта, прошла огни и воды, так что, тебе она не по зубам. И – точно! Минуты через три эта бабенция вышла из служебного отдела, на физию сияет победная улыбочка. Мы специально далеко уходить не стали, чтобы посмотреть, чем всё закончится. А она огляделась, нас увидела, и, как бы про себя, но громко так оповестила:

– Ха-ха! Задержание, понимаешь... Честных людей ни за что хватают!

Виталька чешет свою голую макушку, а меня смех разби-

рает: вот это задержание, вот это приколы! Он недоумеваает:

– Ну и что тут смешного?

Оглянулся тётке вслед, и тут же сам заржал во весь голос. В этот момент выходит Юрка. Видок у него такой, как будто выпил ведро касторки. Смотрит на нас и супится.

– Что за веселье? И сами не ловите, и даже тех, кого я вам указал, как следует задержать не можете.

Не соглашаюсь с ним:

– Почему? Мы задержали эту особу в рамках допустимого и положенного. Похищенный товар она не сбросила. А то, что доказать факт кражи не удалось – так, мы тут при чём?

Виталька тоже мотает головой.

– Да! А мы что должны были сделать? Этой бабке бока намять? Что могли – сделали...

Снова ходим по залу, разговор у нас один и тот же: когда сменят его, куда направят меня. Виталька всё сокрушается по поводу того, что встречать Новый год будет не у себя дома. Мужик он, в принципе, видный, язык подвешен, так что, женским вниманием не обделён. Поэтому и женат уже третий раз. Поэтому и с вахт не вылезит – надо двум предыдущим жёнам платить алименты и содержать нынешнюю. Да мне и самому хочется какой-то определённости. Разумеется, условия здесь не мёд. Но за эти дни я немного успел притереться, приспособиться и к здешним прибабам. Так что, если бы вдруг меня и в самом деле оставили в «Удаче», то я протестовать не стал бы. Уж, дотянул бы как-нибудь до кон-

да этой смены. После обеда не утерпел и позвонил Васину. Он с ходу объявил, что, в общем-то, настроен оставить меня на этом объекте. Но будет это только после Нового года.

Кладу телефон в карман и вижу вопросительный взгляд Виталия – что там? Рассказываю ему. То, что его отпустят только после праздника, Витальку малость разочаровывает, а вот то, что Васин предполагает утвердить меня – воодушевляет: есть замена!

Вечер. Рабочий день закончился, все разошлись по домам. Из дежурки выходит Виталька, заглядывает ко мне в коридорчик, интересуется:

– Слушай, а что там у тебя выпрашивала Лерка?

Да, вопрос, конечно, интересный... Был, был такой момент. Полчаса назад, уходя домой, кассирша Валерия неожиданно остановилась и, как бы, про меж делом, поинтересовалась:

– Петрович, тут вот народ интересуется – ты женат? Семья есть?

– Да, женат. Да, есть семья. А что случилось-то?

Лерка смеётся.

– Тут, одна из наших постоянных покупательниц озадачилась. Говорит: что это у вас там за морячок появился? Он женат? Кольца-то обручального не видно...

Развожу руками.

– Этой леди – моё глубочайшее сочувствие. Да, кольца нет, а вот жена – есть. Увы...

Ну, вот, собственно говоря, и весь разговор. Виталька чешет за ухом.

– Нет, ну надо же, как бабы реагируют на тельняшку! Себе, что ль, тоже справиться?..

Интересно... А на кой она тебе? Что, в четвёртый раз жениться невтерпёж?

Тридцать первое декабря

Эх, сколько всего тут было за последние три дня! Позавчера, двадцать девятого, особист Юрий в обед лично поймал какую-то пьянюшку с палкой колбасы. Ну, как лично? Увидел на мониторе, как подпитая бомж-«леди», взяв палку то ли «Домашней», то ли «Заморской», поспешила на тот ряд, где слепая зона камер. Он вприпрыжку помчался туда, и застал крадунью за тем, как та пыталась под одеждой спрятать колбасу. Я в это время был на обеде, и уже принялся за чай, когда в коридоре послышался какой-то шум. Выглянул из столовой – Юрка и Виталька ведут в дежурку какую-то распатюженную особу в чёрном, заношенном пальто, меховой шапке и в чёрных штанах, в которые спереди до половины была засунута палка колбасы. Физия у неё красная, сама вдрызг пьянющая, матерится, как сапожник. Орёт, что на всех тут наведёт порчу, особенно, на «этих двоих гадов».

Чуть позже Виталька рассказал подробности задержания. В общем, эта «дива» (а ей, видимо, кто-то подсказал, где есть ряд, который камеры не захватывают) начала пихать колбасу в штаны, чтобы спрятать её там. И тут – Юрка, как снег на

голову. В кабинете Юрки у неё изъяли колбасу, составили акт задержания с похищенным товаром, потребовали двойной оплаты от суммы похищенного. А у неё деньги – откуда? Бродяга, алкашка – что с неё взять? За ней и полиция-то не приехала. Ну, выпроводили они её, колбасу положили на место...

Слушаю Витальку и в толк не могу взять:

– Что, прямо так вот – взяли, и положили?

Он жмёт плечами:

– Ну, да-а... А что тут такого?

– А вот если бы тебе предложили покушать колбасы, которая побывала в годах не стиранных штанах сто лет не мытой алкашки? Как бы ты к этому отнёсся?

Виталька скривился (фу-у-у-у!), как будто ему в рот попал таракан, и машет рукой:

– Так, а кто об этом узнает? Как говорится, люди – не свиньи, всё съедят.

– А вдруг, у этой «лэди» целый букет венерических болезней? Вы с Юркой об этом не подумали?

Виталька морщится.

– Вечно, Алексей, ты всё усложняешь! Говоришь, был в армии санинструктором? Оно и видно! Не боись! В дуст эту колбасу не окунали, так что никто не отравится. Между прочим, ещё неизвестно, что колбасники в фарш положили! Мой знакомый как-то раз в колбасе крысиный хвост нашёл. С тех пор при одном только виде колбасы его мутит.

Да-а-а... Как ни верти, а в чём-то он прав. В наше время даже самые фирменные продукты бывают чёрт знает чем напичканы. А уж всякий «левак» – и вовсе, полная отравка.

А вчера у нас было сразу несколько визитов буйных выпивох. Первый прискакал сразу после открытия магазина. Такой фитиль – под метр восемьдесят, но с «плечищами» дистрофанского сорокового размера. Проще говоря, пропитой хвоц и заморыш. И мчится он напрямиком к «алкашке». Я как раз там околачивался. Вижу, за пивом тянется.

Объявляю:

– Ещё рано. Пока что о пойле и не мечтай.

Он тут же в амбиции:

– Это ты чё, хочешь сказать, что не дашь мне, что ли? Да ты знаешь, какие ребята меня ждут? Про Рому-Бакса слышал? А про Гену Стреляного?

Ну, прямо, ходячий анекдот! С серьёзной физией тоже выдаю что-то похожее, придуманное тут же, не «отходя от кассы»:

– А ты Гришу-Нагана знаешь? А Лёву-Мокрушника?

– А это кто такие? Всех деловых в Чихалово я знаю. Ты мне, давай, всякую муру тут не втирай!

Корчит он из себя «крутого», а голос, слышу, всё равно, переменялся. Продолжаю напирать:

– А ты, что, хочешь сказать? На вашем Чихалово свет клином сошёлся, и дальше его – вообще ничего нет? Моли бога, чтобы Гриша и Лёва сюда не нагрянули! А то такого шороху

тут наведут – местные потом неделю не прочихаются. Но это будет потом. А пока – выметайся отсюда, не напрягай международную обстановку.

Он тут же тон сменил, уже совсем другим голосом:

– Слушай, ну а, всё-таки, почему нельзя?

– Закон такой вышел: нельзя спиртное продавать с девяти вечера до десяти утра. Всё! В десять придёшь – купишь. Привет Роме и Гене.

Второй был с виду покрепче и даже чуточку трезвее, но тоже с понтами и амбициями. Вот, подайте ему какое-то там пиво «Компанейское». Вроде того, он его всегда брал в нашем магазине, а теперь этого пива здесь нет. Идите, ищите на складе, да, где угодно, но – обеспечьте! Поясняю ему, что хотя и работаю здесь уже с неделю, но такого пива ни разу не замечал. Он упёрся всеми четырьмя:

– Ничего не знаю, и знать не желаю! Найдите моё любимое пиво! Ясно?!!

Минут десять мы с ним так препирались. Наконец, ему, как видно это надоело. Он психанул:

– Да, в гробу я видел этого вашего дебильного «Миллиошку», чтоб он сгорел! – и попёр к выходу.

Окликаю его:

– Эй, мужик, так это не «Миллиошка» – он через дорогу, это – «Удача». Вывески читать надо и не путать право-лево. В армии служил, сено-солома?

Пиволюб ошалело оглянулся, (вид был такой, как будто

ему сообщили, что он надел свои штаны задом наперёд), глазами захолопал...

– Тьфу ты! А я-то гляжу: что тут за катавасия? Другие кассиры, другая охрана... Слышь, приятель, извини, чё-то там в мозгах, блин, коротнуло!.. – и быстренько выскочил на улицу.

Ну а третий был самым докучливым и скандальным. Я только вышел в зал после обеденного перекуса, как сразу же услышал какой-то занудливый ор. Кто-то бузил – горланил что-то непонятное и, во многом, непотребное. Прислушался. Оказывается, какой-то критически настроенный чихаловец выражает своё недовольство качеством продукции растениеводства. Вроде того: какого беса людей травят всякой дрянью? Яблоки, горланил он, полное фуфло, морковка – сплошные отбросы, груши – конченная гниль. И, как итог, требовал к себе здешнее начальство. Пока я шёл в его сторону, по магазину разносилось:

– ...Не, ну это чё такое? Где эти козлы, эти недоумки? Они чем народ травят?! Они откуда такое гнильё завозят? Да ещё и цены назначают чёрт знает какие? Это вот чё? Огурцы? Пусть они сами их жрут!..

Прошёл я в фруктово-овощной отдел, и там увидел ломовика метра под два. Морда – как у коня Пржевальского, шея – хоть обода гни, вдобавок, хорошо подпитой. Правда, я сразу же заметил, что он больше нагоняет на себя куража, нежели и в самом деле надрался какого-то пойла. Невдале-

ке от него Виталька. Стоит, изображает нейтралитет. Типа того, «я на месте, я держу ситуацию под контролем, но рук марать не буду – для меня не комильфо». Так-то мужик он не из мелких – росточком за метр восемьдесят вымахал. Да и не слабак, вроде. Но... Стоит, понимаешь ли, и стоит... Впрочем, правильно и делает – не наша это работа бодаться с алкашами.

– И давно он тут митингует? – интересуюсь.

Виталька досадливо вздыхает.

– Да вот, как ты ушёл обедать, так он почти сразу же и появился.

– Ну и что с ним будем делать? Пусть орёт и дальше? Или есть смысл вызвать ГБР? Располагаешь же «тревожной кнопкой»?

Он с сомнением на лице пожимает плечами.

– Располагаю – вот она! Только, что это даст? Они придут, в лучшем случае, через полчаса. Задерживать его не станут – а что ему пришьёшь? Человек высказывает своё мнение о магазине. Пусть даже и непечатное. В принципе, он на это имеет право. А случись у него стычка с ГБРовцами, нам же потом будет хуже. Завтра этот амбал притащится сюда, и нам головы пооткручивает – глянь, какой бугай! Лучше, подождём. Наорётся и уйдёт.

Но время шло, а горлопан всё не унимался. Наконец, одна из покупательниц сердито бросила на ходу:

– Он что, так и будет тут рисоваться? Надоел уже до чёр-

тиков! Вы, охрана, куда смотрите-то? Принимайте меры!

– Применять силу мы не имеем права! – авторитетно пояснил Виталька. – Для этого есть ГБР.

– Ну, так вызывайте это самое ГБР! Делайте же хоть что-нибудь! – та сердито фыркнула, и пошла в молочный отдел.

– Ну, что, может, и в самом деле вызвать? – Виталька достал из кармана пульт «тревожной кнопки» и начал отдирать монету, закрывающую кнопку.

Но я его остановил. Решил попробовать поговорить с горлопаном. Подошёл к этому амбалу, немного его послушал и, как бы, согласился:

– Не, ну это, конечно, ты правильно толкаешь! Фрукты – гниль, овощи – отбросы... Ну а если хочешь видеть начальство – пожалуйста, оно тебя уже ждёт. Идём!

Ломовик отмахивается и горланит своё:

– Хлеб за брюхом не ходит! Вот, пусть они придут сюда, и тут, при людях, дадут мне все разъяснения. А ты кто такой? Охранник, что ль?

– Охранник, охранник... Слушай, тут интересный момент назревает: люди от «митинга» малость уже устали, уже начали бузить, и требуют, чтобы мы вызвали ГБР. Ну, это группа быстрого реагирования. Что посоветуешь?

Он соорудил такую физию, как будто ему предложили выйти замуж за предводителя местного филиала ЛГБТ, и упёр руки в боки.

– Какие ещё люди? Чего они там бузят? ГБР, говоришь?

А, вызывай! А, пусть приедут! Я их, знаешь, на чём вертел? Я их прямо тут на уши поставлю, всех урою и в асфальт закатаю!..

Потирая руки, изображаю злорадство.

– Вот это я понимаю – нормалёк! Слушай, тогда ты очень даже кстати к нам сюда заглянул. Да! Понимаешь, эти чёртовы ГБРовцы пару дней назад меня ни за что штрафанули на «косарь» (понятное дело, нагло вру). Ну, теперь хоть есть кому за это с ними расквитаться. Виталь, вызывай ГБРовцев, только, в случае чего, не говори им, кто их тут ждёт. Ща он им вставит ума по самое «не балуй»! Ох, и вста-а-а-вит!

Ломовик, как видно, никак не ожидавший такого поворота, начинает ускоренно трезветь. Не проспавшимся бараном он тарашится на Витальку и встревоженно машет ему рукой.

– Это!.. Не... Некогда мне тут всякую шантрапу дожидаться. Всё! Пока! Но в следующий раз, когда приду, чтобы порядок в магазине навели!

Покачиваясь, он идёт к выходу и, не задерживаясь, выкатывает на улицу. Виталька сокрушённо качает головой.

– Новый год через два дня, а вся алкашня уже перепилась до поросячьего визга. О, смотри! Васин идёт!

Оглядываюсь, и в самом деле – Васин. Что это он сюда зачастил? А Васин подошёл к нам, начал задавать малозначащие дежурные вопросы, а сам всё принимает – не напились ли? Не унюхав спиртных паров, чуточку веселеет. Спрашивает:

– Ну, что, к празднику, небось, уже подготовились? Уже придумали, как будете отмечать?

Жму плечами – а чего там особенно-то готовиться? Ну, праздник, и праздник... Пить не собираемся вообще.

– Прямо, по трезвому встретите? – недоверчиво уточняет Васин. – А то на некоторых объектах уже сейчас есть охранники под градусом.

– Пить – ни-ни. Не собираемся! – горячо заверяет Виталька. – Алексей не любитель квасить, а я без компании не употребляю... – он хитро ухмыляется и помигивает.

Высоко оценив наши трезвые настроения, Васин фотографирует нас на фоне толпы покупателей и, подтвердив, что после Нового года я остаюсь здесь, отбывает. Виталька, можно сказать, от радости ног под собой не чувствует. Определяемся с ним на остаток дня. Иду в сторону «алкашки». В окнах уже темновато. Время – восьмой час. Народу – полно. С полок сметают и съестное, и пойло. В толпе замечаю прилично одетую женщину лет тридцати с небольшим, которая в явном неадекватности. Она выглядит отчего-то очень напряжённой, с нервозностью, и даже стервозностью. Какой-то не бедно одетый мужик у неё что-то спросил, но она, на него даже не глянув, очень даже зло огрызнулась. У мужика, как я мог заметить, новогоднее настроение, тут же, в момент испарилось.

Предполагаю, что это, скорее всего, начинающая алконавтка, допившая до жёсткого похмелья. Из-за этого, похоже, она и агрессивничает. Подошла эта покупательница к

полкам с «элиткой», стоит, рассматривает этикетки рома, виски, мартини, бренди... Ну, думаю, надо бы как-то уточнить – чего это она там задумала? Подошёл, спросил: не требуется ли помощь? Ожидал, что она и на меня, как и на того мужика, «кобелей спустит». Но, как ни странно, почему-то её реакция оказалась более-менее спокойной. Закивала и спрашивает:

– Вот, скажите... Что из этого всего можно было бы выпить, чтобы сразу же, без задержки отключиться?

Хм... В её голосе чувствуются слёзы. Значит, она не с похмелюги, а кем-то крепко обижена. Советую ей взять хорошего вина. И отключит, и печень не так пострадает, как от водки или виски. Попутно интересуюсь: а с чего бы это у неё такое неформатно-категоричное предпраздничное желание? Она вздыхает и открытым текстом выдаёт:

– Я ненавижу людей. Всех! Без остатка!

Ого! Вот это отморочила! С таким настроением не Новый год встречать, а только идти в шахидки. И что же за причина, если не секрет? Она помялась и начала выкладывать свою, хоть и не самую глобальную, но, тем не менее, драму.

В общем, история эта не из банальных. Моя собеседница (её Надеждой зовут) по ряду причин женщина пожизненно одинокая, и единственная для неё отдушина – общественно-полезная работа. На субботник всем домом – она первая, разбить во дворе клумбы – первая, собрать подписи за мир во всём мире – первая... Этой весной не без её участия во

дворе поставили детскую площадку (хоть своих детей нет, но малышня обожает), рядом с которой Надежда сама, лично, посадила три сосенки.

Задумка у неё была, конечно, неплохая. По её мысли в будущем, новогодней порой, их можно будет наряжать, чтобы для всех жильцов этого двора был настоящий праздник. Сосенки принялись и пошли в рост. Что интересно, ни ребяташки, ни местная шпана их не трогали. И вот, сегодня утром, выйдя во двор, Надежда увидела, что деревца загублены.

– ...Вы представляете? Их не просто сломали и вырвали с корнями, а сначала изуродовали, как будто пытали, чтобы сделать больно именно мне. Самое главное, не могу даже примерно сказать: кто бы это мог сделать? За что мне так? Почему?

Ну, как – «почему»? Причины тут могут быть самые разные. А вот, кто упаковостил... Не исключено, это сделал тот, кого она считает хорошим, приличным человеком. А этот «приличный человек», в те моменты, когда Надежда ухаживала за своими сосенками, имея подлючную натуру, наблюдал за ней из окна, и ждал своего часа. А дождавшись предновогодья – нагадил по максимуму, и теперь ходит довольный, злорадно потирая ручки. Уточняю:

– И теперь вы ненавидите всех, без исключения? Нормально! Значит тот, кто это сделал, своей цели достиг на все сто.

У Надежды лёгкий ступор – это, как это? Поясняю популярным языком: всякую гадость человеку делают в расчёте на то, чтобы его морально убить. Если это удалось, пакостник празднует победу – вышло всё так, как он и задумал. Он надолго испортил человеку настроение, озлобил, в чём-то даже сделал его подобным себе. Пакостные негодяи постоянно чувствуют свою ущербность, и их это гложет изнутри. Поэтому такими проделками они и занимается, чтобы иметь возможность доказать самому себе: все такие же, как и он сам. Увидел он сегодня утром, как Надежда у сломанных сосенок исходит нервами, обидой и злостью, и порадовал сам себя: она такая же, как и я. Только до этого умело притворялась какой-то другой...

– И как же мне тогда быть? – она в растерянности, разводит руками. – Что делать?

– Единственно разумный вариант – испортить ему праздник. А способ тут может быть только один – быть весёлой и счастливой, без тени грусти или обиды. А придёт весна, назло этой твари стоит высадить уже не три, а десять сосен. Пусть этот урод захлебнётся собственной жёлчью.

Какое-то время молчим оба. Надежда вдруг начинает меняться. В её глазах появляется азартный, авантюрный огонёк.

– Точно! Вы правы! Именно так я и сделаю: я буду ходить, и улыбаться, как ни в чём не бывало. Пусть побесится от злости! И весной – обязательно! – высажу целую аллею сосен.

Ну а сейчас что бы вы мне посоветовали?

– Взять вина, фруктов, встретить Новый год в хорошей, доброй компании. Не напиваться, но слегка подурочится стоит. Да, кстати! А вам не кажется, что это неприятное событие – не просто так? Может быть, судьба испытывала вас на прочность? Можно же допустить, что это был какой-то узловой момент в вашей биографии? Вот, сломаетесь в такой ситуации – всё теряете, а выстоите – что-то приобретёте. Кто знает? Вдруг, сегодня в виде бонуса за пережитые неприятности вам выпадет и что-то радующее? Например, светит какая-то очень важная встреча? А?

Надежда задумчиво смотрит куда-то в пространство. Не глядя, берёт с полки фасонистую, литровую бутылку дорогого вина в сетчатой оплётке, и негромко резюмирует:

– Кажется, я всё поняла... Да, наверное, это так и есть!

На её лице улыбка, в глазах что-то мечтательное. Она уходит, на ходу оглядывается и, вскинув над головой «фугас», ещё раз повторяет:

– Я всё поняла!

Ёшкин кот! Чувствую себя Дедом Морозом. Где мои – посох, борода и мешок с подарками?! Звонит телефон. Это Виталька.

– Алексей, ты где там застрял? У «алкашки»? Что, много народу?

– С избытком. Что у тебя?

– Тоже полно – как в бочке огурцов. Кстати, помнишь ту

ушлую бабу? Так, она здесь. Сейчас идёт в твою сторону.

Так, так, та-а-к... Значит, «не прошло и полгода», как в той песне поётся, а она уже тут, как тут. Смещаюсь к колбасному отделу, и в самом деле вижу ту мадам, которая по параллельному ряду чешет прямо к колбасам. Она меня тоже сразу же заметила (что и говорить – профессионалка!), недовольно зыркнула в мою сторону, и начала копать в сервелате. А я смотрю на неё в упор, как на инфузорию под микроскопом. Видимо, она это почувствовала, оглянулась, и с ехидством в голосе осведомилась:

– Ну и чё ты на меня тарацишься? Боишься, что украду чего-нибудь?

– Не боюсь, но... Опасаюсь!

Посопела она, посопела, и потащилась к сырам. Я снова следом. Она в мою сторону косится, нервничает, её зло разбирает... Баба только что копытом землю не роет. Пошла к сладостям – не отстаю. К «алкашке» – а я уже там... Плюнула она, и шустренько поскакала к выходу. Видимо, старая kleptomанка спешила в другой магазин, чтобы успеть хотя бы там чего-нибудь прихватить. Минут через десять бежит Юрка.

– Сейчас просматривал записи, заметил тогдашнюю бабу. Вы её с Виталием видели?

– Видели. Я лично сопровождал её по всем отделам. Ушла, можно сказать, в состоянии радостного, предновогоднего экстаза.

– Ну, это хорошо... А Васин чего там приезжал? Что он вам говорил-то?

– Чтобы мы с Виталькой не напились на Новый год. А ещё сказал, что после праздника вместо Витальки он оставит меня.

Теперь уже «радостный экстаз» испытывает Юрка. Он скривился и молча ушёл к себе. Мои соболезнования! Очень жаль, что испортил парню грядущий праздник. Но! Если, по совести, то мне и самому оставаться тут не очень-то хотелось бы. Не устраиваю, как охранник? Шевели плавниками, любезный, принимай меры, чтобы меня сразу после праздника куда-нибудь перевели. Дай бог, в хорошее место. Этой ночью было не скучно. Часов до трёх невозможно было уснуть из-за трескотни и грохота пиротехники.

Второе января

Сегодня встал очень рано – около пяти. Вчера в магазине был выходной, поэтому я почти весь день продрях. Ну а сегодня утром дверь открыли, а покупателей-то – ни одного. Лишь ближе к десяти начали тянуться. Все измученные, измотанные, с похмелюги зелёные, как ёлочки новогодние. Да и наши, особенно, грузчики – тоже болеют. А сразу после обеда – я едва успел перекусить, как снег на голову, заявился Васин. И с ходу мне объявляет:

– Едем в Стукачиху. Две минуты на сборы!

Вот это «новогодний подарочек»! Во-первых, за две минуты мне никак не собраться. А во-вторых, что за объект он

собирается мне подсуропить? Если опять «Удача», то лучше пусть сразу пристрелит. В «Купи!», тем более, хороший – согласился бы без возражений. Но Васину то ли вожжа, то ли даже оглобля под хвост попала: давай, давай, быстрее, быстрее! Пришлось собираться в пожарном темпе. Чуть не забыл утюг. Витальке на прощание помахал уже на ходу, а Юрку (вот кто сегодня будет в радости!) вообще не видел. Пусть ликует, прыгает и скачет.

Когда мы сели с Васиным в его «Мазду», он объявил:

– Продолжишь вахту в тамошней «Удаче».

Что, что, что?! Это что за дуристика?! И какова причина такой рокировки? Либо, тамошний охранник на праздник нахрюкался? Оказывается, нет. Охранником там отставник, в звании капитана, мужик трезвый и серьёзный. А причина... Ну, не нашёл экс-капитан общего языка с тамошним «особистом». Во-о-н оно чего! Интересно ветер дунул... А чего ж они не поделили-то?

– ...Понимаешь, – голос Васина задумчив и печален, – особист там ещё молодой, его малость «заносит». Ну а охранник – мужик с характером. Как офицер больше привык командовать, чем подчиняться. Вот у них и начались трения.

Уточняю:

– А этот особист в армии хоть один день служил?

Оказывается, нет, не служил особист ни полдня, ни пяти минут. Белобилетчик, в общем. Ну, тогда, ничего удивительного! Я хоть и не офицер, но прогибаться перед белоби-

летчиком считал бы для себя унижительным. И почему это Васин считает, что именно я с этим ККП обязательно сумею сработаться? Нет, если вести себя он будет по-людски, то, понятное дело, напрягать отношения не стану. А уж если начнёт не по делу выёживаться – безо всяких реверансов пошлю ко всем чертям.

Когда я ещё только приехал в Чихалово, Виталька мне рассказывал про бывшего особиста, работавшего до Юрки. Вот это был мужик! И толковый, и работяга. Он всегда работал в связке с охранником, поэтому задержаний было в достатке. А ещё он не был жлобяррой, втихую разрешал пользоваться просрочкой. Колбасой, сыром, шоколадом объедались. По словам Витальки, он себе при том ККП такое пузо и наел!

Ну, вообще-то, если учитывать, что у него и сейчас нехилая «трудовая мозоль» – это что же за пузо у него было в те времена? И вот, в прошлом году, хозяин «Удачи» поменял старшего, кустового особиста – тоже был мужик стоящий. Ну а новый, некий Шмагун, тут же поменял по магазинам всех прежних ККП без остатка. Причём, новых набирал себе особенных – чтобы посволочнее, чтобы любого взять могли за горло. Так что, насчёт стукачихинского особиста заблуждаться не стоит – скорее всего, ещё то «счастье».

И вот, едем мы в сторону Стукачихи, интересуюсь:
– И далеко нам ещё пилить до этого объекта?

Васин рукой машет – да, всего-ничего, километров пол-

ста. Ну, думаю, минут через двадцать будем на месте. Куда там! Полдороги проехали, кто-то ему звонит. Он послушал, заматерился, и на первом же перекрёстке попёрли мы куда-то вправо. Васин бурчит:

– Что за день идиотский?! С утра трое напильсь. Теперь вот придётся гнать в Шахино – в «Миллиошке» охранник надрался до потери пульса. Вроде, всегда был мужик надёжный, ответственный... А тут – на тебе. Что за чертовщина?!!

И началось... То в один магазин заедем, то – в другой, и везде одно и то же – пьянка, пьянка, пьянка. Васин весь на нервах.

– ...Да, что ж это за дурдом?! Люди дома праздник отмечают, а я, как проклятый, по объектам мотаюсь. Думал, тебя в Стукачиху отвезу, того – на другой объект, и – всё, поеду домой. Чёрта с два! Как бы до ночи не пришлось мотаться...

А тут у него ещё со здоровьем не заладилось. Неделю назад в платной клинике удалял зуб, заплатил очень даже приличные бабки, а коновал-зубодёр умудрился занести в рану инфекцию. К тому же, когда выдирал зуб, повредил мениск челюсти. На следующий день от боли Васин концы чуть не отдал. Дня три промучился с распухшей щекой и температурой под сорок. Сейчас, вроде бы, щека опала, но десна, распухшая до сих пор – есть невозможно. И это называется – столичная медицина?! Да у нас в Ступково, в провинциально-захолустной районной поликлинике, в сто раз лучше лечат. Руля от посёлка к посёлку, Васин ругается:

– Ну, вот, где? Где набраться хороших кадров?!

Ну, как это – где? Они там, где их устраивают условия. А в «ЛОМ» идёт контингент из тех, кто в хороших местах не сгодился. Разве не так? Васин кивает: это точно... Но в «ЛОМе», всё решает гендиректор, который так не думает. Раз дыры пока ещё удаётся затыкать, и двуногие «затычки» всё ещё находятся, значит, всё нормально.

– ...Только это, конечно, не для обсуждения где-нибудь, и с кем-нибудь! – напоминает он.

Само собой! Виталька рассказывал, что Васина в «ЛОМе» кто-то усердно выедаёт. Удержаться ему пока что ещё удаётся. Но, говорят, дела его плохи – сожрут, скорее всего, очень скоро. Хотя, как начальник отдела, у охранников он на хорошем счету.

И вот она, эта самая Стукачиха. Здешняя «Удача» размещается на первом этаже девятиэтажки. Она занимает его большую половину. Остаток этажа занят другим магазином, который называется «Забегай!» Уже в ночной темноте (промотались с Васиным около пяти часов!) входим в магазин. На улице идёт мокрый снег, пол в магазине тоже в снегу – ногами натаскали, покупатели мокрые...

Прямо от порога вижу, что внутреннее устройство магазина дико кретиническое. Жуть и кошмар. Простенками он, фактически, разделён на три части. Кроме того, вдоль основного зала тянутся два ряда прямоугольных «колонн» метр на два каждая, из крашенных древесно-стружечных плит. Надо

понимать, в них спрятаны коммуникации, идущие в квартиры жильцов на верхних этажах (водопровод, канализация, и т.п.) Из-за этого видимость в магазине никакая, обзор очень ограниченный, проще говоря, тут созданы идеальные условия для крадунов. Тут и пяти охранников не хватит, чтобы всё держать под контролем. Куда я попал?! Дайте мне кило стрихнина!

Напротив касс, вдоль глухой стены – длинный стол, прислонившись к которому стоит мужчина среднего роста, лет пятидесяти, в униформе «ЛЮМа». Увидев Васина и меня, идёт нам навстречу. Здравуемся, он представляется:

– Пётр!

Расспрашиваю коллегу о причинах его трений с ККП. Он машет рукой – полная идиотия и кромешный мрак! Здесь он уже две недели, и за это время не единожды убедился в том, что здешний особист – редкостный экземпляр сопливого недомыслия с непомерными амбициями и идиотическими замашками («я начальник – ты дурак!»).

– ...Может у тебя терпения будет больше, чтобы сносить всю его дурь?.. – жмёт он плечами. – А с меня довольно.

Щас! Как бы моё терпение не кончилось ещё раньше. Буду я терпеть наезды всякого полоумного остолопа! Пару дней посмотрим, а потом можно и переиграть – потребовать перевода на другой объект, пусть даже и на полную вахту. Пётр показывает мне место проживания. Это кабинет ККП с монитором камер наблюдения. Там раскладное кресло, подуш-

ка, одеяло. Бытовой отсек в грузовом терминале. Идём туда. Там холод, почти как на улице. Малюсенькая столовка, где ни газовой плиты, ни электроплитки. Здесь только микроволновка. Круто! И как же на ней обед варить? Ё-моё! Это же каменный век! Бытовые условия даже в Чихалове в сравнении с этими – свет в окошке! Ну, Васин! Ну, и «удружил»!

Как я понял, послушав то, что рассказал Пётр, чихаловский «особист» Юрка и тамошняя система контроля персонала – можно сказать, образец доброты и благопристойности. А тут... Это, просто какой-то тюремно-концлагерный режим, при котором всё, без остатка, чуть не каждый вдох-выдох – только под видеокамерой. Возвращаемся в зал, Васин о чём-то разговаривает с молодой женщиной в официозном костюме. Пётр вполголоса поясняет, что это – директор магазина Нина Анатольевна Ульева. Женщина, в целом, неплохая, но достаточно жёсткая. Рядом с ней молодой мужчина. Нет, это не ККП, а один из замов Ульевой, Вадим Рябов. Особиста, его зовут Антоном Малюхиным, сейчас здесь нет – уже смылся домой. Он не из тех, кто готов рвать жилы на работе. Он больше любит жилы тянуть из других

Знакомлюсь со здешним начальством. Вопросы ко мне стандартные – сколько отбыл вахт, сколько задержаний, и тому подобное. Рассказал. Ульева выслушала мои ответы и, скорее всего, расстроилась. Надо думать, она ждала некоего охранника-супермена, который в день выдаёт по сотне задержаний. Но Васин, который это тоже заметил, поспешил

сделать мне кое-какую рекламу:

– ...Алексей – работник неплохой, стопроцентно трезвый, ответственный, физически крепкий мужик. Вон, в кадухинском «Купи!» алкашей и наркош выкидывал в момент – труса не праздновал. Так что, порядок обеспечит не хуже Петра.

Это местных малость утешает. Подошёл Пётр со своей сумкой. Они с Васиным отбывают, а я иду с Вадимом смотреть отделы. Как же они тут сквернотно устроены! «Алкашка» длинным аппендиксом тянется вдоль наружной, глухой стены метров на двадцать, посередине её разрывает сантехническая «колонна», а чуть дальше она делает «ступеньку» вбок, из-за чего не просматривается целиком на всём протяжении. Камера наблюдения, которая установлена в дальнем конце отдела, загорожена висящим под потолком аншлагом. Говорю об этом Вадиму: убрать бы! Он отмахивается – не усложняй!

Колбасы и сыры размещаются с другой стороны зала, в отдельном помещении. Туда от «алкашки» бежать не меньше минуты. За это время в обоих отделах можно «прихватизировать» всё, что угодно. Ну и объектик мне достался! Вадим рассказал, что у Петра за две недели работы было всего одно задержание. Это и неудивительно! Вернее, очень даже удивительно: в таких условиях вообще едва ли кого удержишь.

Неожиданно к нам подходит какой-то стручок лет двадцати пяти, ростом повыше меня, с несколько округлыми жёстами и манерами, хотя из себя он, явно, силится изоб-

разить брутала. Мордочкой очень похож на чудилу-палача из фильма-сказки «Три толстяка». Манерно поздоровавшись (как будто этим сделал мне большое одолжение), он представляется:

– Антон Олегович Малюхин, контролёр качества продаж. Вы новый охранник?

Подтверждаю, что именно я охранник и есть. Он тут же с места в галоп начинает инструктаж. Талдычит, примерно, то же самое, что и Юрка: ни с кем из сотрудников – никакой лирики, на всех «стучать», быть трезвым и т.д, и т.п. Кончив свой трёп, быстренько сматывается. Теперь уже сам обхожу торговые залы. Попутно знакомлюсь с персоналом. Большинство, похоже, люди нормальные, но есть и довольно-таки занозистые. И если директоршу при знакомстве интересовали задержания, то первый вопрос кассирш:

– Вы служили на флоте? Как здорово! Пётр Николаевич был офицером, он за нас всегда заступался. Вы – моряк... Теперь у нас снова надёжная защита!

Хм... Назвался груздем – полезай в кузов. Надел тельняшку – соответствуй! Ну, куда денешься? Буду! Как говорится, линкор пропьём, но флот не опозорим!

Время – девятый час. Появляется Вадим. Он уведомляет, что сейчас я должен с ним снимать деньги с кассы. Снимать будет он, а я обязан находиться рядом, как охрана. Потом его надо сопроводить до кабинета, где он запирается для пере-счёта. Минут через двадцать прибывают инкассаторы. Их я

должен записать в специальный журнал. Да-а, уж, не скучно тут!

Позвонил Виталька, интересуется, как у меня дела на новом месте. Как дела... Да, как сажа бела! Рассказываю ему об особенностях стукачихинскогй «Удачи». Он в обалдении. До него вдруг доходит, что его объект, в общем-то, не так уж и плох. Он мне сочувствует, но даже по его голосу можно понять, как у мужика в момент поднялось настроение. Ну и ладно, хоть кому-то теперь будет хорошо!

Десять вечера. Выпускаю последних покупателей, дверь закрываю. По одному подходят сотрудники, под камерой показывают мне сумки. Малюхин в своём инструктаже уж очень упирал на то, что сумки я должен проверять с особым пристрастием. Типа того: если на записи он увидит, что сумки я проверял тья-ляп, то будет считать, что я потакаю воровству. Помнится, я его спросил: а он не допускает, что эти люди не крадут? Просто: не крадут, и всё! И не потому, что я их буду проверять, а потому, что по своей натуре они не воры.

Он на меня посмотрел, как на ненормального: как это люди – и могут быть не воры?! И снова начал бляеть про «самый жёсткий и придирчивый контроль за каждым». Ёшкин кот! В какой же недобрый час появилось на свет это антропологическое недоразумение, эта пародия на человека?! Поэтому при проверке сумок кассирш я малость покомедничал с «пристрастной проверкой» всего и вся, утрированно изоб-

ражая запредельную дотошность. Девчонки сразу же поняли в чём дело, и хихикали в кулачок, косясь на камеру.

Но и это ещё не конец рабочего дня! Вадим сидит в директорском кабинете, чего-то там опять считает, подводит какие-то балансы... Пользуясь моментом, бегу в столовку, в стеклянной кастрюле в микроволновке варю рисовую кашу. Получается что-то полусъедобное, но и это, с учётом ситуации, неплохо. Ближе к одиннадцати Вадима выпускаю, запираю дверь, теперь я здесь один. После ужина включаю внутреннюю сигнализацию и – отбой! Ну и денёк! Ну и объект!

Четвёртое января

Эх, и «повезло» же мне! Эх и «повезло»! Вчера, третьего, утром встал без будильника в шестом часу утра. Кое-как приготовил завтрак. Потом до начала работы решил постираться – вечером от усталости валился с ног, было не до стирки. Только вот, где стираться? Разве что, в раковине рядом с туалетом? Ну, рубашку кое-как в ней постирал. А где сушить? Повесил на двери столовки. Тут же возник вопрос: а где погладить чистую? Приспособился гладить на кресле. Когда ближе к восьми пришли кассиры, спросил у них, нет ли здесь душа. Душ, говорят, есть, но он расположен в грузовом терминале, где холод собачий. К тому же, кабинка душа завалена мешками и коробками с товаром. Совсем «весело»! Да за две недели без помывки тут можно и грязью, и коростой зарости.

Народу с утра пришло немного. Как и везде, энная часть

внимания на нового охранника. Без конца курсирую между «алкашкой» и сыром с колбасой. Заодно прошу и кассирш посматривать на проходящих покупателей. Вдруг среди них окажутся те, что уже засветились на кражах? Здесь, в отличие от Чихалова, о распечатках с портретами крадунов никто не побеспокоился. Да и кому беспокоиться? Этот хлюст Антоша, что ль, будет напрягаться?

При первой нашей встрече он уведомил, что каждое утро ждёт моего звонка с сообщением об обстановке в магазине. Мне, конечно, это не понравилось очень, но пока что напрягать обстановку я не стал. Прямо в магазине положил через имеющийся здесь платёжный терминал столик на телефон. Десятка тут же улетела за комиссию – круто! Позвонил Антохе, ещё двадцатник долой. Похоже, у нас сотовые операторы разные, поэтому и такой грабёж. У меня сейчас безлимит, даже домой звоню, по сути, «на халяву». А тут – на тебе! Новая статья затрат, чёрт бы её побрал!

Созвонился с Васиным, попросил в следующий его приезд привести аванс на питание – деньги уже почти все разошлись. Вчера же состоялась и моя первая встреча с местным алко-«бомондом». После обеда народу в магазине заметно прибавилось, и где-то часа в два завалили двое длинных, но тощеньких «фитилей», обоим за тридцать, судя по морде – «алконавты», как видно, мучимые похмельем. Я как раз шёл от деликатесов к «алкашке», и засёк их прямо на пороге. Решил присмотреть, что и как будут брать. А они – нет, к то-

варам не пошли, вместо этого у стола напротив касс затеяли толкотню. На весь магазин гыгычут, задевают покупателей. Ну, я тут же иду к ним, и предлагаю безо всякой дипломатии:

– Если за покупками – берите, если валять дурака – курс на улицу.

Они тут же обороты сбавили, переглядываются. Один из них, лопухий такой, резюмирует:

– О, Гриш! Какой строгий дядя!

Второй, ростом пониже, подначивает его:

– Прямо, как твой батя! Помнишь, как он тебя гонял за двойки в школе? Мало, видать, гонял... Мало!

Лопухий жмёт плечами:

– А если бы много гонял?

– Не квасил бы так, как сейчас квасишь.

Уточняю:

– А сам-то ты не пьёшь? Я так понял, вы оба пришли за «лекарством»?

Гриша несогласно мотает руками:

– Ну, я употребляю, но в запой не ухожу как Олег. У нас сейчас спор был – что брать. Я предлагаю взять полторашку пива, и всё – мне завтра на работу, а он ещё и беленькой хочет. А вы бы что посоветовали?

– Думаю, пива вам хватило бы «выше крыши».

Когда парни, взяв пива, выходят на улицу, ближняя ко мне кассирша Лариска кивает им вслед и комментирует:

– Этот Олег тут постоянно околачивается. Так-то он, вро-

де неплохой, но спился уже донельзя.

Конец вчерашнего дня выдался неожиданно людным. Народу к вечеру припёрло даже больше, чем второго. Пришла целая компания местных цыган – мужики и их жёны с ребятишками. Сразу подумалось: ну, теперь держись! Но кассирша Нелли успокоила – тутошние цыгане у них не крадут, ведут себя пристойно. И в самом деле, в магазине – ни суматохи, ни галдежа, ни толчеи. Женщины выбирают покупки, мужики перед кассами что-то обсуждают. Что заметил – все цыганки в дорогущих шубах, в золоте, мужики – в коже, велюре, в каких-то суперских шапках (скорее всего, из бобра).

И тут заходят двое, судя по всему, муж и жена. На лицо русаки, но морды – хитрющие-прехитрющие. И давай они рекламировать цыганам олимпийские рубли, соловьями заливаются, расхваливают, будто на такие рубли в Сочи можно всё, что угодно купить. Типа того, на двадцать тысяч олимпийских рублей там можно запросто купить квартиру, стоимостью в миллион, а то и полтора «лимона» обычных денег.

И, что бы вы думали? Цыгане заинтересовались, начали кошельки доставать. Обалдеть! Похоже, это был первый в истории случай, когда нецыгане пролохотронили цыган.

Снова появился тот самый Олег. Сунулся в отдел спиртного, но я его остановил – поздно. Притулился он к столу и начал горемычиться: и погода паршивая, и жизнь никуда не годится, и люди – жлобьё сплошное... «Ну, вот, – думаю, – ещё один нашёл во мне «жилетку», чтобы в неё поплакать-

ся...»

Незадолго до закрытия привалила сопливая компания – пятеро девчонок. Зелень из зелени – иным лет десять-двенадцать. На улице настоящая ночь, рядом – большая трасса, по которой круглосуточный поток транспорта, и кто там только не ездит?! А они за покупками. О чём думают их папашки-мамашки? Где их голова?

Предупредил этих «мелких», чтобы с покупками поторапливались – скоро закрываемся. Девчушка, что первой затарилась, на улицу выскочила, и тут же забегает обратно. Что такое? Глянул через стекло – свора собак, да крупные такие. Перед самыми дверями ошиваются. Ну, вышел я на крыльцо, турнул их, эта пигалица бегом к своему дому. Минуты через две остальные вышли, и тоже стоят, прижавшись к двери – опять собаки. Полукругом стали, и не пропускают. Пришлось опять выходить на улицу. Главное, невдалеке трое местных мужиков покуривают, о чём-то треплются меж собой, и ни один даже не подумал ребятишек подстраховать. Да, «отзывчивые» кадры тут водятся, нечего сказать...

Вчера опять лёг в двенадцатом часу. Ольга, второй зам директора (или МТЗ – менеджер торгового зала), деньги раза три пересчитывала. Что-то там у неё не сходилось...

А до этого, днём она объясняла мне процедуру списания просрочки – оказывается, в этом магазине я обязательно должен присутствовать при пересчёте списанного товара. Ну и «за жизнь» разговаривали. Ольга рассказала, что ККП Ан-

тоху терпеть не может. Она замужем, у неё двое детей, а этот недоделок начал искать способы чем-то её прижать, чтобы она поддалась на его притязания. Ну, понятно, какого свойства. Она хотела, было, увольняться, но директорша об этом узнала, и дала «особисту» хорошего «дрозда». От Ольги он отвязался, но зло на неё затаил. Теперь постоянно ищет, чем бы и как бы ей подгадить.

Кстати, вчера он что-то так и не появился. Занятный случай! Это что за контролёр-заочник? Ольга говорит, что Антоха у старшего ККП Шмагуна на хорошем счету (это благодаря чему именно, он оказался в фаворитах?), и поэтому наглеет вовсю. И ещё интересный момент, по части стукачи-хинских «стукачей». Когда мы с Ольгой разговаривали в грузовом терминале (она показала точки перегрузки просрочки, что, куда и как грузчики должны вывозить), вдруг замечаю: невдалеке, как бы невзначай, прокурсировала кассирша Марианна Владимировна (она из «занозистых»). Глазами нас, прямо, ела – уж так ей было интересно, о чём это мы разговариваем. Потом ещё раз прошмыгнула. Через минуту – ещё раз, причём, с многозначительно-ехидной ухмылочкой. Ну, теперь, похоже, надо ждать серии сплетен про «роман нового охранника и зама директора».

А вчерашним же вечером у нас с Антохой впервые заискрило. Уже в двенадцатом часу, когда Ольга уехала домой на такси (кстати, и кассирш, и её саму я провожал прямо до машины – год назад на кассиршу Лариску было нападение

какого-то наркоши с ножом), мне позвонил Антоха. И с ходу, очень даже хамски начал орать:

– Ты почему мне сегодня вечером не отзвонился? Мне сколько раз тебе об этом говорить?

А я и в самом деле вечером звонить не стал – очень-то нужно! Утром звонок, вечером звонок, набегает больше полтинника. Так ему об этом и сказал.

– ...У меня лишних денег нет, и я не столько много получаю, чтобы трепаться по телефону. Сам на работу приходи, и сам смотри. А я к тебе в лакеи не записывался.

Он, бедный, от неожиданности аж захлебнулся. Скорее всего, в таком тоне с ним ещё ни разу не разговаривали. Потом заголосил, как будто ему ухо дверью прищемили:

– Ты, вообще, сообража-а-а-ешь КОМУ это говоришь?! Ты соображаешь?! Да я тебя завтра же оштрафую тысяч на пять! Ты домой вообще без копейки уедешь!!!

Я ему, всё так же, спокойно, втолковываю:

– Плевать бы я хотел на твои страшилки. Повторяю, ещё раз: за свой счёт звонить не буду. Я работаю не для того, чтобы ублажать всяких бездельников.

И совсем выключил телефон. Сегодня утром, часу в восьмом, созвонился с Васиным. Рассказал ему, что за «тёрки» у нас с Антохой, и поставил вопрос ребром: с этим зарвавшимся придурком работать не желаю. Готов рассмотреть любые варианты дальнейшего сотрудничества с «ЛОМом» – хоть в «Купи!» пойду, хоть во «Вкус», хоть ещё куда. А уж ес-

ли бы предложили что-то наподобие места работы, куда перевели Джафара, то я бы вообще считал это подарком судьбы.

Васин даже заохал – не ожидал, как видно, что наши с Антохой отношения испортятся так скоро, и порекомендовал горячку не пороть. Заодно уведомил, что про штрафы ККП пусть и не заикается – у него таких полномочий не было, и нет. Да и докладывать ему по телефону необязательно. Он, и в самом деле, сам должен отбывать на работе положенное время. Ну, что ж... Раз такое дело – всё «хо-кей». Тогда я со спокойной душой буду посылать особиста в одном, всем известно направлении. Пусть попсихует. Мне от этого ни жарко, ни холодно.

Ближе к девяти Антоха появился. Идёт – как пишет: весь выкручивается, выдрючивается и выкаблучивается (ну, копия алкаша-«чечёточника» из Кадухина). Уж, бедный, и не знает, как покруче изобразить своё «величие» и «значимость». Увидел меня и, не здороваясь:

– Ты себе что тут позволяешь?! Кто ты такой, лимита? Я тебя быстро поставлю на место! Ты у меня на цыпочках будешь ходить, лимита!

Он верещит, а меня смех разбирает. Я смеюсь, а он ещё больше злится. Орёт:

– Давай, зайдём в кабинет, я тебе покажу, кто и что обязан делать, кто и что должен выполнять!

Ну, пойдём, пойдём, посмотрим. Он давай рыться по раз-

ным папкам и скоросшивателям. Руки и губы трясутся, бумажки рассыпаются. Достал чистый лист принтерной бумаги и суёт мне:

– Пиши объяснительную!

– Кому? Тебе?! Не вижу смысла. Кто ты такой? Мне ты не начальник. Так что, зря не пыжься – и не подумаю чего-то там писать.

Он побагровел, снова начал рыться по папкам. Наконец, нашёл компьютерную распечатку какого-то приказа.

– Вот, читай! Читай, читай...

Читаю... Да, если верить написанному, то охранник в этом магазине, прямо, почти как раб египетский – всем что-то должен, всем чем-то обязан... Смотрю, кто автор этой бумаги. А она, оказывается, подписана им же самим. Отдаю ему обратно эту бумажку и спрашиваю:

– Ты меня, что, за идиота принимаешь? Свои сочиняйки – себе оставь. Повторю ещё раз: для меня ты – НИКТО! И приказывать мне не имеешь никакого права. И любые написанные тобой бумажки для меня – тьфу! Так же, как и эта.

Он глаза выпучил, затрясся, изобразил такой вид, будто, прямо-таки, готов с кулаками на меня накинуться. Но я его сразу же остудил:

– Только дёрнись! Про меж глаз так выпишу, что мало не покажется. Тебе, похоже, морду ещё ни разу, как следует, не били? Зря! Тогда, может быть, вёл бы себя куда скромнее, а не как зарвавшаяся дешёвка.

Он визжит:

– Вон отсюда!!! Я видеть тебя больше не желаю! Сейчас позвоню Шмагуну, чтобы тебя вообще с этой работы выкинули!

Не говоря больше ни слова, изображаю ему фигуру из трёх пальцев и, как ни в чём не бывало, выхожу из дежурки. Нос к носу сталкиваюсь в коридоре с Ульевой. Здравуемся. В её голосе и на лице крайнее удивление. Скорее всего, она слышала наш разговор и ошарашена им донельзя. Такое впечатление, что я покусился на нечто ужасно великое и почти святое. А может, просто показалось? Она, как рассказывали девчата, от этого охламона тоже не в восторге.

Выхожу из административного отдела в торговый зал, всё внимание кассиров в мою сторону. Прямо, как будто ожидалось, что меня оттуда вынесут вперёд ногами. Нелли полупрошепотоном интересуется:

– Ну и что же теперь будет?

Жму плечами – а меня это волнует? Я об этом вообще даже не задумываюсь. У меня своя работа, её я выполняю, а что будет дальше – посмотрим. Грузчик Валерка – здоровенький, мосластый молодой мужик чуть за сорок (он из соседней деревни Дрыновки, которая, похоже, одна из немногих, ещё не превратившихся в подобие города как Чихалово или Стукачиха) вскидывает большой палец. Вроде того, молодец, классно поставил на место хамоватого идиота. Антоху он на дух не переносит. Его тоже раздражает чванливость

и высокомерие ККП.

Сегодня в магазине немногочисленно, поэтому с некоторой даже прохладцей курсирую по отделам, присматриваю за потенциальными крадунами из числа алкашей, бомжей и прочей подозрительной публики. Появляется МТЗ Вадим Рябов – они с Ольгой через день работают. Он досадливо морщится и с укором в голосе начинает выговаривать:

– Ну, зря, Петрович, зря вы так поскандалили с Антоном. Да, прибабахов у него хватает, но я бы не сказал, что он совсем никчёмный контролёр. Может, есть смысл перед ним извиниться, и как-то восстановить отношения? Видите ли, у него очень хорошие отношения со Шмагуном. А тот может выйти на хозяина «ЛОМа», и вам тогда даже Васин не поможет.

Извиниться? Было бы перед кем! Тоже мне, цаца великая! Выгонят меня? Плевать! По миру не пойду. Выкручусь – не впервой. А вот прогнув спину и унизив себя перед этим бакланом, потеряю гораздо больше. Прежде всего, самоуважение. Зам директора сожалеюще вздыхает и уходит. Через какое-то время вижу их с Малюхиным на крылечке у входа в магазин, где они курят и что-то обсуждают. При этом, даже их не слыша, можно без труда понять, что Антоха духарится и грозит мне всякими там «карами небесными». Но теперь уже все без остатка видят, сколь он мелок и ничтожен. Теперь, даже если меня и уволят, он будет в глазах сотрудников магазина, от уборщицы до директрши, мелким, злоб-

ным паяцем, и не более того.

Вскоре Вадим возвращается, а Малюхин куда-то отбывает. То ли домой смылся, то ли поехал плакаться в жилетку Шмагуна... День проходит без особых происшествий. Вечером появляется Олег. Сегодня он чуть трезвее, чем был вчера, но, всё равно «под газом». Взял бутылку пива. Стал мне доказывать, что человек он верующий, и надеется, что высшие силы ему помогут покончить с пьянством. Похвастался, что сегодня снова смог найти себе работу. Взяли его слесарем-сантехником в соседнее Лихачёво. Зарплату пообещали около тридцати тысяч.

– Ну, вот и держись на этой работе! Не валяй дурака, не сачкуй!

– А я и держусь! – он важно мотает головой.

Ага, вижу я, как ты держишься. Только не за работу, а за бутылку.

Когда уже стемнело, неожиданно опять появился Антоха. Побегал он, побегал, и ушёл в дежурку. Я отправился обходить отделы. Слышу, он меня догоняет. Смотрит затравленным хорьком, сопит и пыхтит от ненависти – дай ему такую возможность, в ключья меня изорвал бы.

– Чего ты добиваешься? Чего тебе нужно? – спрашивает, а самого аж колотит.

Того гляди, кондрашка бедолагу хватит.

– Я? Ничего не добиваюсь. Это ты добиваешься, чтобы тут перед тобой все расстилались. От меня этого не дождёшься.

Я выполняю свою работу, и мне этого достаточно. А ты – как хочешь. Для меня ты и был, и остался никто. Ещё вопросы есть?

Он шипит:

– Ладно! Завтра посмотрим, кто и что заговорит! Ты ещё не знаешь, на кого надумал наехать!

Задёргался, как паралитик, и побежал к выходу. Судя по всему, истерика у него не слабая. Тут мимо Лариска проходит. Огляделась, и громким шёпотом комментирует:

– Ой, ну какой же он противный! Вы знаете, из-за чего у них с Петром Николаевичем вышел конфликт? Он ему приказал принести кофе. Ну а Пётр Николаевич послал его... Ну, вы понимаете куда. У вас с ним ссора тоже из-за кофе?

– Нет, до кофе ещё не дошло. Моё терпение кончилось раньше, чем у Петра.

Лариска вздыхает.

– Ой, что же это за день такой? И у вас осложнения из-за этого недоделка, и у Нели неприятности. С мужем она разводится.

– Что так? Он пьянствует?

– Нет, что вы! Он даже не курит – бережёт своё драгоценное здоровье. Где-то работает компьютерщиком. Зарабатывает очень даже неплохо, но денег ей не даёт ни копейки. Причём, живёт за её счёт. У них ребёнок. Так он на него вообще внимания не обращает. А своих любовниц прямо домой к себе водит. Представляете, вчера Неля приехала с ра-

боты домой, а у окна спальни в её халате стоит какая-то полуголая девица и курит. Она устроила скандал, и приказала ему убираться на все четыре стороны – квартира-то её собственная. А он ей в наглую: никуда я не пойду, насчёт жилплощади будем судиться – половина квартиры принадлежит мне. Вот такая мразь! Знаете, Петрович, мне так, кажется, в дальней провинции живут куда более ответственные мужчины, чем эти столичные эгоистичные прохвосты...

Очень даже может быть. Хотя, если, по совести, то и в провинции, увы, встречаются и трутни, и такие вот твари без стыда и совести, для которых семья – это что-то третьестепенное, не говоря уже об алкашах и наркошах. Да, наверное, в чём-то правы феминистки, утверждающие, что мужчины вырождаются. Достаточно глянуть на такого огрызка, как Антоха, чтобы в этом убедиться.

Сегодня днём заглянул к соседям, в «Забегай!». У нас почему-то не оказалось гречки. Купил там. Магазин у них обычного, классического типа – с прилавками и торчащими за ними продавщицами. Тамошний персонал на наш совершенно не похож. Не-е-е-т! Дамы все оторважного вида, с матерками, некоторые даже с наколками на руках. Впрочем, что удивительного? Работают они круглосуточно, их основная клиентура – дальнобойщики, а не какие-нибудь гламурные месье с бульвара Сен-Дени. Какими им ещё быть-то?

Грузчик Валерка рассказывал, что, было время, кое-кто из тамошних див, помимо торговли продуктами, по ночам

поторговывал ещё кое-чем, поэтому после двенадцати у них случались аншлаги донжуанов с дальнобоя. Правда, сейчас это дело, как будто, перебили. Что в «Забегай!» сразу же бросилось в глаза – цены там заметно выше, чем у нас. Так что, этот магазин – не для наших пенсионеров, любителей «акционки».

Пятое января

Сегодня с утра что-то небывалое – Антоха прибежал чуть не в полвосьмого. И, прямо в кабинет Ульевой. Минут пятнадцать они о чём-то говорили. Смотрю, он опять куда-то бежит. Весь красный, как варёный рак. Когда пробежал мимо кассирш, с бахвальством в голосе объявил, чтобы слышал и я:

– Ничего, он будет шёлковый! Не таких ставили на место. Он ещё не знает, что его ждёт...

Ой, ой, ой! Уже дрожу! Ускакал он куда-то в грузовой терминал, минут через пять бежит обратно, телефон к уху прижал, и кому-то ябедничает:

– Нет, ну это просто наглость неопишная! Это надо пресекать в корне. Какая-то там лимита не знай чего себе позволяет...

Опять шмыгнул за дверь административного отдела. Кассирши – сегодня новая смена – озадачены до крайности. Смотрят, то – ему вслед, то – в мою сторону, с каким-то, даже, удивлением. Вроде того: во, даёт мужик – с особистом связался! Какой-то безбашенный... А я стою у входа в адми-

нистративный отдел, и соображаю: «А что это он там всё копошится, в бытовке? Не задумал ли какую-нибудь пакость, типа подставы? Это дело надо вовремя пресечь!..» Захожу в бытовку, Антоха что-то пишет за столом. Говорю ему, очень жёстко и категорично:

– Здесь открыто, без присмотра, лежит дорожная сумка с моими личными вещами. Если надумаешь что-то в них подбросить, чтобы симитировать якобы совершённую мною кражу, и как-то этим меня подставить, имей в виду: о-очень сильно потом об этом пожалеешь!

Он аж подпрыгнул на кресле, как будто ужаленный сразу десятком шершней. Глаза выпучил, бумаги скомкал, в меня ими швырнул, визжит:

– Вон! Во-о-н!! Во-о-о-н!!!

Но тут же сам выскочил из-за стола, и куда-то убежал. Мне в этот момент за себя как-то даже неловко стало – не переборщил ли? А то, чего доброго, этот истерик повеситься или прыгнуть под поезд надумает... Вышел я в зал, кассирши меж собой о чём-то секретничают – народу мало, чего ж не поболтать на досуге? Спрашивают:

– А что это было? Антоха выскочил, как полоумный, с пальто в охапку, и, не одеваясь, куда-то умчался.

Поясняю, что у него, скорее всего, нервный срыв на почве внутреннего конфликта. Просто, его личная, чёрт-те как завышенная самооценка, неожиданно столкнулась с грустной реальностью: вдруг выяснилось, что, на самом-то деле, он

для меня – ноль без палочки, пустое место. Вот и истерит со злости.

Прошло около часа. Хожу по залу, контролирую обстановку. Особого напряжения не ощущаю, но разбирает любопытство: в самом деле, чем же всё это закончится? Чем? Меня уволят вчистую, или переведут на другой объект? Кассирши тоже интересуются – что ж теперь будет-то? Поясняю, что, как мне кажется, скорее всего, меня направят в другое место.

Одна из девчонок, назвавшаяся Дарьей сокрушается:

– Ну, вот... Мы с вами ещё и познакомиться не успели, а вас, того гляди, уберут!

Ну, надо же, какие запросы...

– А вам хотелось бы, чтобы я здесь остался?

Её соседка Алиска:

– Ну, да, хотим. Очень хотим! Видим же, что вы, если что, можете за нас вступить, хамьё всякое приструнить. А то у нас был тут один... Он, если к нам приходили какие-нибудь буйные, сам за наши спины прятался. Это – мужчина?!!

– А ГБР он не пробовал вызывать?

Самая старшая из кассирш, Наталья Павловна (прямо, копия Людмилы Зыкиной), машет рукой:

– Эту ГБР пока дождёшься – рак на горе свистнет!

В этот момент из административного отдела выходит уборщица Динора и указывает мне на дверь кабинета Ульевой.

– Петрович, вас к себе Нина Анатольевна зовёт!

Ну, думаю, вот оно и началось. Сейчас, поди, скажет, что такие, слишком уж ершистые охранники, им не нужны. Даша мне вслед:

– Петрович, мы за вас кулаки будем держать!

Захожу. Ульева кладёт трубку городского телефона и спокойно так уведомляет:

– Только что звонил Илья Виленович Шмагун – это старший контролёр нашего «куста», просил вас ему позвонить. Вот его номер.

Беру розовенький стикер с номером телефона и... Вообще ничего не понимаю! В зале отошёл в самый дальний, тихий угол, набрал номер Шмагуна. Голос у мужика такой хриплый, простуженный:

– А, Бурякин? Значит, так... Антон Малюхин только что подал заявление по собственному желанию, поэтому ближайшую неделю будешь работать в одиночку, за себя и, отчасти, за контролёра. Что и как – расскажет Нина Анатольевна. Появится кандидатура на место ККП – приступит он. Ну а пока что каждый вечер будешь отчитываться об обстановке в магазине эсэмэсками. Там, всего два слова: без происшествий. Если что случилось – позвонишь. Где-то, через неделю, в магазине будет ревизия, заеду, гляну, что там у вас и как.

Держите меня семеро! Вот уж, действительно, ирония судьбы! Даже не предполагал, что развязка будет именно такой. Кассирши вопросительно головами мотают: что там, что

там? Сказал им об увольнении Антохи. У них глаза тут же стали больше, чем пятирублёвки. Наталья Павловна аж перекрестилась:

– Слава тебе, Господи! Даже не верится, что уже нет этого идиота!

Ну, иду обратно к Ульевой. У неё уже сидит Рябов. Что-то обсуждают. Директорша указывает на Вадима – сейчас мы с ним должны идти в грузовой терминал вести пересчёт списанных продуктов. А как же зал без присмотра? Она:

– Девчата приглянут... Сейчас народу мало, управятся.

В терминале аж пять магазинных тележек, набитых батонами, колбасой, шоколадом, окорочками, курами, сырами, молоком, ряженкой... Дал мне Вадим уже заполненную ведомость с перечнем списанного, и под объективом камеры наблюдения мы начали перекидывать эти харчи в большущий чан на колёсах. Где-то, полчаса пересчитывали. Мимо нас Динора проходит, укоризненно качает головой и цокает языком.

– Ай, какой же грех так с хлебом обращаться! Разве можно его на помойку? За это бог накажет!

Вадим смеётся:

– Ничего, бомжи и пенсионеры растащат всё, без остатка. Если только и.о. контролёра не приведёт их в полную негодность.

Уточняю:

– Как это – в негодность?

– Антон у нас был большим любителем этого дела. Батоны, колбасы, сыры, топтал ногами прямо в вагонетке, заливал списанными кетчупами, кефиром и даже моющими средствами.

– А вот, где он теперь? Где? Он же сейчас тоже должен быть здесь? — спрашивает Динора.

– Он уволился. Всё, больше здесь не работает, – Рябов широко разводит руками.

Уборщица назидательно вскидывает указательный палец:

– Вот! Я же сказала! Нельзя хлеб топтать ногами! Это его бог наказал.

Она уходит, мы с Вадимом расписываемся в ведомостях на списание. К нам подходит широченный Эдька, второй грузчик, он из местных, из стукачихинских.

– Ну, чего там? Закончили? – разминает он руки. – Вывозить?

Рябов вопросительно смотрит на меня. Ставлю в известность:

– Нет, нет, я ничего топтать и загаживать не буду.

Эдька без особой натуги катит вагонетку к воротам, я иду следом. Теперь я должен проконтролировать выгрузку её содержимого в мусорные баки. Доходим до местной мусорки, Эдька выбирает пустой бункер из тех, что почище, и начинает охапками бросать туда продукты. Поглядывает в мою сторону. Догадываюсь, что он хотел бы что-нибудь себе выбрать, но меня побаивается. Объявляю ему, что замёрз, по-

этому пусть без меня доканчивает. Когда ухожу, замечаю, как от ближнего дома в сторону секции мусорных контейнеров торопливо ковыляют две бабульки. Ну, вот, есть теперь кому поживиться. В магазине многие из этих продуктов они всё равно не купят. Пусть хоть просрочку поедят.

Войдя в терминал, останавливаюсь под камерой и распакиваю куртку, показывая, что с собой не взял ничего. Ульева говорила, что Шмагун видеозаписи раз в месяц просматривает в обязательном порядке. А ещё до этого мне и в Чихалово, и уже здесь, в Стукачихе, рассказывали про то, что с приходом Шмагуна в сети «Удачи» режим стал почти тюремным. Выполняя его указания, тот же Малюхин, иной раз, до тошно проверял мусорные вёдра в столовке и даже в туалете, выискивая среди клочков использованной туалетной бумаги упаковки продуктов, не имеющих специальной маркировки. Если у него вдруг появлялось подозрение, что кто-то что-то украл и втихаря съел, он устраивал целые расследования, пытаясь выявить, кто посмел покуситься на «святое».

Полгода назад был случай: одна из кассирш решила его разыграть. Она принесла из дому пригоршню фантиков от дорогих шоколадных конфет, пару обёрток шоколада, и всё это закопала в бумажках туалетного ведра. Сунувшись в ведро и, найдя «улики», Антоха устроил настоящую истерику. Он с пристрастием допрашивал всех, работающих в магазине, вплоть до МТЗ (директоршу допрашивать не рискнул). Эта дурошлѣпщина закончилась только тогда, когда «винов-

ница торжества» во всеуслышание объявила о том, что это её розыгрыш, и одновременно кинула заявление об уходе.

...Как и в Кадухино, здесь, в Стукачихе, тоже, увы, не обходится без собачников. Сегодня, ближе к обеду, одна мадам притащилась со своей барбосиной. Крупненький, такой пёсик – с полпуда весом. Ввалилась, и – напролом, с нею на руках, рванула в торговый зал. Морда кирпичом, глаза отмороженные, оскал, как у голодной акулы... Ну, я сразу же загородил ей дорогу и к продуктам не пустил. Она подняла визг, стала качать права, потребовала начальство.

Я пошёл к Ульевой, Вадим сидел у неё. Сообщил им о конфликте с собачницей. Они отчего-то сразу замялись, завыдохали... Потом переглянулись и сказали, что, вроде того: да, ладно уж, пусть проходит. Ну, ничего себе, санитарный порядок! Впрочем, раз они дали добро, то теперь, в случае чего, сами несут ответственность. Я вышел от директорши, молча ткнул той особе пальцем – иди, разводи санитарию, и вообще стал игнорировать здешних «кинологов». Пусть хоть по целой псарне приводят – плевать! Тринадцатого у меня последний день, так что, недолго тут куковать осталось.

Седьмое января

Вчера утром послал Васину SMS насчёт того, чтобы мне организовали электроплитку. Ну, достала уже варка в этой идиотской микроволновке. Мало того, что еда из неё – сушьяя отравка, так ещё и сготовить попробуй! Он мне тут же позволил сам. «Утешил» тем, что когда-то тоже жил в подобных

условиях, тоже спал чуть ли не на голом полу, готовил и первое, и второе, и третье в электрочайнике. Может быть, может быть! Но, как ни верти, такой «комфорт» – просто, гарантированное убийство для здоровья. Тем более, когда тебе – далеко за пятьдесят, да ещё со всеми поднакопившимися возрастными болячками...

Часу в десятом с МТЗ Ольгой пошли списывать просрочку. В тележках избыток всяких «Баунти», «Марсов» и «Сникерсов», шоколада всех сортов. Ну и остального тоже хватало. Я так прикинул, товара тысяч на десять – не меньше. То есть, и здесь, как и в «Купи!» в месяц на помойку выбрасывается не менее чем тысяч на триста целковых, а в год «лямов» на три-четыре. Во где дурдом-то!

Когда пересчитывали просрочку, я заметил, что Ольга отчего-то выглядит очень невесёлой. Оказывается, у неё проблемы с младшей сестрой. Девчонка учится в медучилище, и хотя уже «без пяти минут» медсестра (в определённом смысле реально входит в лекарскую корпорацию), никак не может излечиться от нежданно-негаданно свалившейся на неё хворобы. Года три назад на её теле появилась обширная экзема. Девушка обратилась за помощью к своим коллегам, однако те лишь развели руками – никто так и не смог определиться, что это такое вообще. Сестра Ольги обследовалась в Москве, ездила по всяким бабкам, но толку – ноль.

Непонятная болячка с той поры разрослось уже вдесятеро, из-за чего бедолага уже давно потеряла всякую надежду

на исцеление, на то, что у неё хоть когда-нибудь сложится личная жизнь. Её подружки почти все замужем, а она об этом даже уже и не мечтает. Недавно ей предложили дорогостоящее лечение. Правда, без стопроцентной гарантии того, что она будет здорова. Но, где бы взять денег?

– ...Она мне уже как-то призналась, что хотела бы уйти из жизни, потому что не видит никакого смысла в своём существовании. – Ольга хмурится. – Поэтому, иной раз, боюсь оставлять её одну – как бы чего не сотворила!..

Да-а... Вот уж, действительно – не повезло, так не повезло. Продолжаем работу. За воротами терминала слышен шум мотора. Ольга оглядывается.

– Ой, товар привезли. Ну, всё, надо быстренько заканчивать и убирать вагонетку. Эдька её потом откатит.

Сбегаются наш магазинный народ, девчата засучают рукава...

...Ну а сегодня утро началось со скандала. Даша везла банки с консервами для выкладки на витрину, и случайно задела какого-то облезлого мужичишку краем тележки за ногу. Причём, вскользь, не очень сильно. А он как разголосится:

– Что это тако-о-е?!! Что ты себе позволя-а-а-ешь?!! Людей травми-и-и-руешь! Причинила мне ушиб коленного сустава-а-ва!

Я, так, повнимательнее присмотрелся в этому хмырю, и сразу же понял, что он, скорее всего, сам специально подставился, в надежде на компенсацию. Такой вот, брателло

мультияшного зайца-симулянта. Наталья Павловна попробовала его урезонить, но он развопился ещё громче. Подошёл я. Говорю этому «страдальцу»:

– Чего верещишь? Ты же сам, специально подставил ногу! Я лично это видел. Будь мужиком, а не отбросом.

Он аж задёргался:

– Кто ты такой, чтобы меня оскорблять? Я сейчас полицию вызову!..

Чтобы позлить его, «на все тридцать два» улыбаюсь в ответ, и предлагаю:

– Вызывай! Это ещё лучше. А то я уже сам хотел вызвать. И, знаешь, что будет? Я им скажу, что ты из ничего устроил тут истерику, нарушив работу всей бригады кассиров, обозвал девушку непотребными словами, и делал ей непристойные, извращенческие предложения. Как тебе это? А девчонки мои слова подтвердят. Подтвердите же?

Кассирши сразу:

– Да, да, конечно, подтвердим! Мы всё слышали!

Облезлый позеленел от злости, слюнями брызжет:

– Отвечать будете за лжесвидетельство! У меня всё записано на диктофон!

Что, что, что? У тебя припрятан включенный диктофон? Ах ты, ничтожество позорное! Так, значит, это и в самом деле была твоя свинская подстава? Говорю ему:

– Ну, ты, мужик, вли-и-и-п! То есть, надо понимать так, что весь этот твой хай был способом надавить на кассира,

чтобы что-то себе выбить, деньгами или товаром? А ты знаешь, что такие действия квалифицируются как мошенничество, и за это предусмотрена очень серьёзная статья УК? Теперь, сядешь, голубок! Ой, сядешь!

Он весь перекосясь, бросил корзину с покупками на пол, заорал:

– Это не магазин, а бандитский притон какой-то! Жулики! Я на вас найду управу!

И моментально вымелся на улицу. Ну, а я – опять на своё место. Дашка идёт следом, у неё слёзы (довёл, урод, девчонку!).

– Петрович! Большущее спасибо! Честно говоря, я так растерялась, что уж сама хотела предложить ему денег, только бы отвязался, скотина...

Да, одной ей трудновато было бы справиться с такой редкостной тварью...

Сегодняшним же утром обнаружил, что монитор камер наблюдения завис. Шёл умыться – картинка была, скажем так, живая. Вернулся – замерла. И что же теперь делать? Может, не работают – ну и, бес бы с ним? Но, всё-таки, поговорил об этом с Улевой. Она оценила случившееся как ЧП, пусть и не самое серьёзное. Созвонился со Шмагуном. Он дал «ЦУ» системник перезагрузить, назвал пароли. Теперь мы снова под надзором нашего «большого брата».

Сразу после обеда приехал Васин. Привёз мне аванс – пару тысяч на прокорм, и первый же его вопрос – о задержа-

ниях. Тут, конечно, похвастать нечем. Васин поогорчался, порекомендовал быть активнее с задержаниями. Ушёл он к Ульевой, минут через пятнадцать идёт назад.

– Нина Анатольевна рассказала про сегодняшний инцидент. Это хорошо, что ты действуешь решительно, и работников магазина в обиду не даёшь. Но, всё-таки, помни, что главное для тебя – задержания!

Да, во сне я их уже вижу!

Уже стемнело, когда притащился всё тот же Олег, правда, не один, а с приятелем, которого аттестовал как участника второй чеченской. Ну и, как всегда, начал расписывать свои жизненные тяготы: вот, понимаешь, работал по-стахановски, не пил, а директор чего-то взъелся и выгнал... Теперь опять надо искать работу. А денег-то уже почти что и нет... Ну, выслушал я его. Уточняю:

– И чего ты от меня ждёшь?

– Да, нет, Петрович, я не просить займы. Я... Понимаешь, понять не могу: ну, отчего мне так не везёт?

Чтобы везло, надо свои мозги включать. Хотя бы, периодически. То, что ты не пил на работе – в жизни не поверю. Олег нехотя признаётся, что, если честно, то употребил всего пол-литра пива. Тогда, к чему вопросы? Или до тебя никак не может дойти, что и пол-литра хватает, чтобы потерять очень многое. И куда ты теперь? Он кивает в сторону приятеля.

– Да, вот, Витёк, дружбан, пообещал в свою организацию

пристроить.

– А что за организация? Что за работа? – спрашиваю этого самого Витька.

Гляжу, а «дружбан» сразу как-то скукожился, и начал вещать лапшу про какую-то автобазу, где нужны слесаря...

– А ты – автослесарь? – смотрю на Олега.

– Нет! Я – слесарь-сантехник... Слышь, Витёк, а ты же, вроде, говорил, что у вас строительная фирма?

– Ну, да... Строительная... – начал тот водить руками. – У нас своя автобаза, там можно много чего найти насчёт работы.

Вижу, юлит чего-то этот друг, темнит. Видимо, поняв, что я в нём резко засомневался, Витёк потащил Олега к выходу:

– Пошли, пошли к соседям в «Забегай!», пивка там попьём!..

Ну, ушли они, я про них тут же и думать забыл. Да и когда о них думать, об этих пьяньчужках? Тут прискакали инкасаторы, тут опять считать просрочку... Вдруг часу в десятом снова приходит Олег. Морда унылая, вид несчастный, чуть не плачет. Что на сей раз?

– Петрович! Он сволочь, этот Витёк, а не друг! Сволочь и скотина!!! – Олег даже не говорит, а стонет. – Представляешь, вышли мы из магазина, он потащил меня в какой-то пивбар на Третьей Обьездной. По пути увидел «Вкус». Говорит: «Тут, знаешь, какое классное пиво?! Давай сбегаяю, куплю, а потом ко мне закатимся. Я тут рядом живу. Двух

соседок моих позовём – девки-огонь!» По карманам пошарил – ой, я деньги дома забыл. Ну а у меня последняя тысяча. Он: «Ну, дай! Пива куплю, а сдачу всю тебе отдам». Попросил и мой телефон – я на него много хорошей музыки назаписывал, пока шли, слушали.

– И ты?

– Да, дал я ему... Вроде ж, другом назвался. А он, гад ползучий, взял, да как рванёт с места – только я его и видел! Погнался за ним, да только бестолку. Как сквозь землю провалился, урод!!! Петрович! Выручи! Даже на хлеб ничего нет.

– А где гарантия, что ты меня сейчас не лохотронишь?

– Ну, мне хотя бы полтишок, взять хлеба и кефира. А?

Ну, дал я ему полтинник, хотя, заранее было ясно, что с него взятки гладки.

Десятое января

Неужели уже десятое?! Как в той военной песне: ещё немного, ещё чуть-чуть...

Вчера, девятого, этот же самый Олег заявился снова. Слегка «под балдой», но на ногах держался твёрдо. Даже притащил полтинник. Надо же! Рассказывал историю про своего деда-баяниста, как тот в молодости ночью шёл домой с гуляния из соседней деревни. Решив сократить дорогу, баянист двинулся мимо заброшенного кладбища. Глядит, а его догоняет девушка в белом подвенечном платье, с фатой, и просит сыграть на баяне. Дед сразу догадался, кто перед ним, поэтому не стал перечить и начал играть. Музицировать ба-

янисту пришлось аж до первых петухов. Когда же наконец-то в деревне закричали петухи, и он уже еле двигал пальцами, его слушательница внезапно исчезла, как будто растаяла в воздухе. Рассказал он и о том, что устроился на очередную работу. Надолго ли?

А у меня вчера наконец-то случилось-таки задержание. Да! Было, было, было... Только не такое, какое хотелось бы. Задержал я троих парней – заподозрил, что один из них выносит банку «энергетика». Брыкаться они не стали, а тот, который мне показался подозрительным, сам начал сбрасывать куртку, показывая, что у него ничего нет. Ничего не поделаешь, пришлось извиниться. Что за невезуха? Тут что-то одно: или я никудышный охранник, или... Или я работаю слишком хорошо, и красть никто не рискует. Хотя, есть и третий вариант: когда я ехал на эту вахту, мне досталось место в тринадцатом вагоне. Уже тогда подумалось: кирдык моей удаче, хотя сейчас я и работаю в «Удаче» ...

Часу в девятом с Вадимом опять списывали продукты – батоны, сладости, фрукты, сыры... Эдька наблюдает, смеётся:

– Сейчас смотрел – бабки к мусорке уже сбежались. Ща у них лафа настала полнейшая! Как бы не подрались...

Говорит, пару лет назад такое здесь как-то случилось. Он вывез вагонетку, и только её опорожнил, как налетел «де-сант» бабок, которые кинулись хватать колбасы и сыры. Одна из них оказалась порукастее прочих, и успела загresti се-

бе почти всю колбасу, тогда как некоторым не досталось вообще. Они и решили её малость пограбить. Но она упёрлась – не дам! Ну, на этой почве и разгорелась рукопашная.

– ...Ржал, как полоумный! – вспоминает Эдька. – Никогда бы не подумал, что старушечки так лихо и кулаками, и ногами могут махать. Им бы в спецназе служить – любого Рэмбо загасили бы как щенка!

Перед обедом прибыли двое программистов – видимо, их прислали из-за недавнего происшествия с компьютером. Они проверяли работу камер и систем сигнализации. Оба такие важные, такие всезнающие! Затребовали дежурные журналы по всем этим делам, которые, оказывается, я должен был заполнять. Потом, когда они уехали, мне пришлось сидеть ещё часа два, и за все прошедшие дни расписывать, что всё работает нормально, что отказов техники не было. Показали они и особенности работы охранной сигнализации. К этой поре кое-что я уже и сам «допёр», но и они рассказали немало нового. В общем и целом, моей работой парни остались довольны, сказали, что об этом доложат по начальству.

После обеда в кармане неожиданно запиликал телефон. Слышу – голос незнакомый, акцент кавказский. Я сначала было подумал, что это Виталька прикалывается, но потом догадался, что это совсем другой человек. Спрашивает:

– Это Пэтровыч?

Подтверждаю, что это я и есть.. А кто спрашивает? Оказалось, это некий Махмуд Касымов. Ему сказали, что я ско-

ро еду домой. Он хочет на это место, и уже на этих днях собирается приехать прямо в Стукачиху. Спрашиваю его: а с Васиным созванивался? Оказывается, он даже не знает, кто это такой. Мой телефон Махмуду дал Лёха Магомедов, но про Васина почему-то ничего не сказал. Вот уж никогда не подумал бы, что в эту «Удачу» кто-то может проситься сам! Звонит Виталька:

– Ну, что там у тебя? Ничего не слышно насчёт смены?

У него одно на уме... Сказал про кавказца, который мне только что позвонил. У бедного Витальки аж голос переменялся:

– Алексей, а может, ко мне его пришлешь?

– Да, сколько угодно! Но, он даже ещё не в «обойме» у Васина.

– Да, всё равно! Сбрось мне, если не жалко, его номер телефона!

Понятное дело, не жалко! Отправил эсмэской. Кто знает? Вдруг, мужику и в самом деле повезёт? Хотя... Мне тоже везение не помешало бы! Не утерпел, и позвонил Васину. Он с Махмудом уже переговорил, и сразу же сказал, что новичка пошлёт в Кадухино сменить Азиза. Как оказалось, тот всё ещё там (о, «повезло»-то!). Бедный «сумоист» уже взмолился, и слёзно стал просить замену. Это и понятно – с таким пузом по этажам не набегаешься. Ну чего же мне тогда ждать? Васин заверил, что человека подберёт обязательно. Да уж хотя бы!

Неожиданно позвонил Шмагун. Поздоровавшись, он представился, хотя мог бы этого и не делать – его голос не спутаешь ни с чьим. Сначала главный «особист» стал допытываться, как у меня с задержаниями. Да, никак! Наши покупатели – исключительно честные люди. Он с эдакой многозначительностью:

– ...Ну, это мы посмотрим во время тотальной инвентаризации! На днях мы её у вас проводим, так что она покажет полную картину, чего и на сколько разворовано. И тогда будем делать определённые выводы!

Занятный пассаж! И что же это он имеет в виду под «определёнными выводами»? Удержание из моей зарплаты сумм похищенного, или увольнение вообще, без копейки денег? Если судить по тем характеристикам, что дали на него ещё в Чихалово, то ждать можно всего, чего угодно. Ладно, посмотрим...

Шмагун продолжает толкать свой «спич»:

– ...Так что, не расслабляйся. На твоём месте я, по меньшей мере, троих задержал бы к дню инвентаризации. Уловил, что я имею в виду? И, кстати, как там, были у вас компьютерщики? Делали хоть чего-нибудь?

Чую, что компьютерщики у него не в чести – уж с такой ехидцей поинтересовался. Но говорить о них что-то плохое не стал – нет ни нужды, ни желания.

– Да, были. Проверили все камеры наблюдения, настроили компьютер, протестировали охранную сигнализацию.

Проверили журналы по контролю за работой электронных систем, подкорректировали правильность заполнения. Всё работает нормально.

Всё это ему излагаю, и по тому, как меняется его сопение в телефон, становится ясно: это ему, ну, очень не понравилось. Он недовольно кашлянул, «гэкнул», дал команду ловить крадунов, и отключился. Идёт МТЗ Ольга. Смеётся:

– Кто звонил-то, Петрович?

– Всеми нами обожаемый Шмагун...

– А-а-а... Это, наверное, он говорил про подготовку к тотальной инвентаризации?

– Вот-вот! Кстати, хотел бы услышать: а что это такое, и с чем его «едят»?

Оказывается, такая ревизия в «Топазе» проводится каждые три месяца (я, можно сказать, «счастливчик» – не всем охранникам выпадает эдакая «везуха»!). Проводится пересчёт ночью, после закрытия магазина. Привозят бригаду счётчиков, человек двенадцать, которых набирают в Москве из числа безработных. Иногда среди них попадаются такие образцы! На иного глянешь – примешь за бомжа. Поэтому за всеми глаз, да глаз нужен. В прошлом году, был случай, Лариска не успела выгрузить в раздевалке карманы пальто, а в одном из них лежало её портмоне. И, что же? Кто-то из счётчиков вытащил из него последние полторы тысячи, а до зарплаты было ещё два дня. Как она ревела от обиды – нашли, заразы, у кого украсть!

Понятное дело, в такую ночь – попробуй, усни! Особенно достаётся кассирам. Они с утра в этот день как выходят на работу, так там и остаются, и вместе со счётчиками не спят до следующего утра. Уже утром едут домой отсыпаться, а вместо них выходит другая смена. Охранник ночью несколько часов поспать может. В общем, для всего магазина – тотальный шмон, шухер и атас...

Тринадцатое января

Вот уж, действительно, несчастливое число! Хочешь в это верить, хочешь – нет. Впрочем, и вчерашнее, двенадцатое, было не счастливее. Все на нервах, все «на ушах», только и разговоров про инвентаризацию. Ульева с Вадимом и Ольгой с раннего утра начали пересчёт товаров – перебирают элитную «алкашку» в подсобке, рядом с директорским кабинетом, проверяют все заначки редких видов спиртного (ну, такого, которое берут нечасто, но всё равно спрашивают), дорогие деликатесы...

Просрочки сегодня было не очень много, поэтому мы с Ольгой пересчитали её быстро. Грузчик Валерка (сегодня опять его смена) вагонетку покатыл одной левой – а чего напрягаться, если она наполовину пустая? Он её толкает и прикалывается:

– Эх, огорчили вы сегодня бабок и бомжей – что-то мало навывбраковывали!

Ну, я с ним для блезира дошёл до полпути, и вернулся назад – Нина, директорша, попросила помочь переставлять

коробки с «алкашкой». Всё-таки, это работа для мужика, а не для женского пола. Так-то мне и здесь этого делать не положено. Но они ко мне, вроде бы, относятся по-людски, поэтому, по мере возможностей и времени, взялся помочь.

В торговом зале девчонки – все, кто свободен, тоже ведут пересчёт. Кто – консервы считает, кто – колбасы, кто – чай и кофе... Благо, их не заставили пересчитывать поштучно конфеты горошек. Запарка пошла не хилая. Все нервничают, все переживают, все волнуются. Даже покупатели прониклись – тоже озираются, тоже малость на взводе. Даже собаколюбы несколько дисциплинировались, и не нагтели со своими барбосами – без особого напоминания привязывали их у входа.

В целом, день прошёл без особых приключений. Они начались с прибытием команды счётчиков, которые приехали часов в девять вечера. Вот уж, и в самом деле, «команда-ух»! Правильно наши девчонки сказали – натуральный зоопарк. В основном, народ, скажем так, «средне-вагонный», то есть, такой, что в вагоне электрички увидишь, и не обратишь внимания. Но были и образцы, на которые внимание обратишь поневоле.

Одна мадам в обтягивающем костюме, годами, скорее всего, за шестьдесят, которая, как видно, испробовала на себе все методики похудения, всё рисовалась и рисовалась перед своими коллегами мужского пола. Судя по коричневому колеру кожи, она большая любительница соляриев. Ну а су-

дя по её манерам – ещё та донжуанка. Пацан там был лет двадцати, с наивно-удивлённым взглядом телёнка, которому предложили сосчитать звёзды Млечного пути. Какой из него счётчик? Он хоть на пальцах-то считать умеет?

Счётчиков запустили в помещение «Удачи» через грузовой терминал, и там же я провёл личный досмотр каждого. По карманам шарить не пришлось, а вот сумки проверил досконально. Причём, они сами настаивали на этом! Но раньше других приехал помощник Шмагуна, назвавшийся Дмитрием. Лет ему около тридцати, разговор у него грамотный, начитан. Наши кассирши сразу же зашушукались: это наш новый ККП! Вроде того, как пить дать, после инвентаризации он заступит на эту должность. Но Дмитрий сказал, что он и в самом деле заступает на такую должность, правда, не у нас, а в Зяблово, километрах в сорока от Стукачихи. А сюда пришлют кого-то другого.

Пока ждали прибытия счётчиков, мы с ним разговаривали «за жизнь». Я показал ему все минусы здешней внутренней географии магазина – два ряда колонн, уйма закоулков и неправильно установленные камеры. Он согласился, что – да, здесь вообще едва ли кого поймаешь, поэтому претензии к охраннику – не по делу. Наконец-то появился и Шмагун. Глянул я на него, и тут же сделал вывод: «браток» натуральный. Ему за сорок, сам он лоб, такой, здоровущий, на щеке шрам, прямо, копия Николы-Питерского из «Джентельменов удачи». Явно, биография у мужика чрезвычайно бур-

ная.

И вот, главный ККП, только войдя в магазин (покупателей к этому времени мы уже выпроводили, двери уже на запоре), сразу двинул мне претензию: а почему это я одет не по дресс-коду? Я не согласился: как это – не по дресс-коду? Рубашка синяя, пусть и светлая, штаны чёрные, галстук чёрный. Васин претензий к такому «прикиду» не имеет. Что за вопросы? Шмагун сразу же отстал, но, по его фейсу было видно, что такой «отлуп» ему не очень-то пришёлся по душе. Похоже, ему было бы ближе, если бы я прогнулся и начал перед ним лебезить.

Прошёлся он по залу, и на каждом шагу, всем подряд – замечания, указания, претензии... Девки наши, гляжу, насупились. Но они-то и раньше знали, что с таким «добряком-весельчаком» не заскучаешь. А ещё я заметил, что он за мной начал плотно следить: с кем и о чём разговариваю, как реагирую на его претензии, и прочее. Чуть он отошёл, Марианна (хоть мы с ней и в несколько натянутых отношениях) у меня спрашивает:

– Это и есть Шмагун? Что-то он какой-то злой, нервный... Чую, до утра и нас доведёт до белого каления.

Ничего не поделаешь, есть такая профессия – всех подряд напрягать. Меня он уже напряг...

Нелли морщит нос:

– Что-то он какой-то мужланистый... Ему бы в руки нож, да в подворотню. Любой бы отдал свой кошелёк, даже не

спрашивая, кто он, и чего хочет.

Не исключено. Так, может быть, его карьера ККП именно с этого и начиналась?

Вижу, он в нашу сторону бежит, как будто почуял, что о нём ведётся речь. Иду по торговому залу, смотрю за тем, как ведёт пересчёт бригада счётчиков. Грузчик Валерка (они оба с Эдкой сегодня тоже задействованы) выглядывает из-за стеллажей и спрашивает:

– Петрович, а кто из этих клоунов Шмагун? Не покажешь?

– Так, ты его только сейчас сам видел! Вон он, с директоршей о чём-то разговор завёл.

– Это, вон тот, что ли, с отметиной на морде? Я его другим представлял. Да-а-а... Реальный живоглот!

– Почему так считаешь?

– Да это у него на лбу написано! Нет, ты глянь, глянь, как он в нашу сторону чего-то зырит. Ты его, Петрович, остерегайся – видимо, какую-то подлянку задумал!

Пошёл я дальше, заглянул во все «аппендиксы», иду обратно к кассам. В той стороне маячат два ревизора из центрального офиса компании «Удача». Они приехали следом за Шмагуном на крутяцкой иномарке. Оба одеты в недешёвые костюмы, ходят важно, грудь вперёд. Как я заметил, перед ними и Шмагун, и наша Нина ходили на цыпочках: судя по всему, шишки они немалые. Рядом с ревизорами – двое ККП, приехавшие из соседних городов, то ли для обмена опытом, то ли в подмогу счётчикам, то ли для присмотра за

этой «бандой батьки Махно». Прохожу мимо Марианны, она мне вполголоса говорит:

– Шмагун взял из отдела алкоголя три бутылки водки и для чего-то унёс в администраторскую!

Смекаю: началось! И тут же ко мне он сам откуда-то из-за угла резко так подруливает. По его ухмылке вижу, что настроен он, можно сказать, боевито. На физии так и написано: «Ну, я тебе сейчас устрою варфоломеевскую ночку!». Ага, думаю, значит, Валерка был прав – какую-то подлянку Шмагун и в самом деле заготовил.

А тот машет рукой в сторону «алкашки» и объявляет:

– Пройдём в тот отдел!

Подходит он к полке с водкой и ехидно так спрашивает:

– Ничего тут не замечаешь?

– Замечаю. Нет трёх бутылок водки «Снежинка».

Он, прямо, как прокурор в суде:

– Вот! Нет трёх бутылок водки, каждая стоимостью двести восемьдесят рублей. Итого, на сумму восемьсот сорок рублей. Что будем делать?

Смотрю на него, как на идиота.

– Отследить по видеозаписи, кто и когда мог их взять.

– Ну, пойдём, пойдём, посмотрим!..

Зашли в бытовой отсек, он перемотал запись и тычет пальцем в экран монитора:

– Вот! Видишь? Я смог спокойно подойти, и взять без оплаты три бутылки водки, пока охранник шлялся невесть

где, и вёл с кассирами и грузчиком какие-то сомнительные разговорчики.

Вижу. Прекрасно вижу, что дурь ты затеял беспросветную. На мониторе идёт показ того, как он с бутылками пробегаёт в административный отдел. Ну что ты мне этим хочешь сказать, в чём убедить? Тупее ничего не мог придумать? Шмагун тычет пальцем в монитор.

– И что бы мы делали, если бы водку и в самом деле украл кто-то другой?

Спокойно ему отвечаю:

– Вызвали бы полицию – улики налицо. Кстати, я уже до нашего разговора знал, куда делась водка.

Он аж дёрнулся:

– Откуда?

Объясняю без нервов и эмоций:

– Сотрудники магазина сказали. Они же это видели. Именно поэтому я и поддерживаю нормальные контакты со здешним персоналом. У меня всего два глаза. А на меня работают ещё пять-шесть пар глаз, включая уборщиц и грузчиков. Это в разы повышает мои возможности контролировать обстановку. Без помощи тех, кто здесь работает, за всем никак не уследишь. К тому же, из-за безграмотной установки аншлагов, которые закрывают обзор камерам, да и из-за неправильной установки самих камер, которые имеют слишком много «слепых» зон, почти ползала оказываются неподконтрольными.

Он включил дальнюю камеру над алкогольным отделом и начал недовольно кряхтеть – там и в самом деле сплошняком «слепая» зона. Ну, ему-то надо хоть что-то «вумное» сказать?! Поэтому он покряхтел и объявил, что я в корне неправ, поддерживая «либеральные» отношения с кассирами и остальными сотрудниками, что этим я поощряю людей на воровство. Возражаю ему:

– А я не считаю работающих здесь ворами. На мой взгляд, здесь работают нормальные, вполне приличные люди. И в том, чтобы изображать из себя цепную шавку, я не вижу никакого реального резона.

Он уже начал срываться:

– Ну, всё! Хватит, хватит демагогии! Если это твоя позиция, то я не знаю, захотим ли мы на следующую вахту взять к себе такого охранника.

Хотелось сказать ему: да чихал бы я на вашу дебильную «Удачу»! Но хамить не стал, и сказал поцивильнее:

– Илья Виленович, это ещё очень большой вопрос, захочу ли я сам в «Удачу». Если откровенно, то идти сюда нет желания даже под дулом автомата.

Его, бедного, словно пониже спины ширнули штыком от трёхлинейки Мосина. Он глазами захлопал, и посмотрел на меня как инквизитор на нераскаявшегося еретика.

– Даже та-а-к?! Хорошо! Ну, если в результате инвентаризации обнаружится большая недостача, мы подумаем, как её компенсировать!

Встал и ушёл с видом оскорблённого благородства. Ну и катись! Отнёс я водку на место, все три бутылки, кассирши ко мне с вопросом:

– Чего там у вас было-то?

– Да, ничего особенного. Пытался произвести на меня впечатление великого начальника. Ну а я сказал ему, что больше меня сюда и под дулом автомата не загонишь.

Девчонки огорчились:

– Ой, а вы к нам, что, и в самом деле больше не захотите приехать? Жаль!

Ну, что тут скажешь? Мне вы тоже очень симпатичны, и с вами можно было бы ещё поработать. Но... Если бы только это была не «Удача», а что-то более путное, и в самом деле – удачное. Сюда – ни за что!

Спать лёг около часа ночи. Из-за топота в зале и болтовни еле уснул. Представляю, как спалось жильцам на втором этаже!..

Но это было вчера. А сегодня – брависсимо! – ТРИНАДЦАТОЕ, последний день моей вахты. Если только, конечно, мне пришлют замену. Встал я около семи – сам этому удивился. Обычно я и без будильника вставал, шести ещё не было. Пошёл умываться, в зале счётчики ходят, вялые, сонные и медлительные, как осенние мухи. Все бледные, измотанные. Даже жалко их стало – что за дурацкая работа?

Спросил двоих счётчиков – как, мол, у вас с оплатой за такое крышесрывательное «удовольствие»? Оказывается, не

слишком-то и много. По их словам, работают они два раза в неделю, за одну ревизию перепадает восемьсот рублей. Все-го-то?! За такие копейки не спать всю ночь?! Прикидываю: в месяц у них выходят какие-то шесть четыреста (для Московского региона, считай, жалкие гроши). Но парни пояснили, что многие из «счётчиков» уже на пенсии, и такие пересчёты для них нормальная подработка. Кто-то одновременно с этим подрабатывает ещё и «тайным покупателем». Кстати, логично: во время пересчётов разведал, где какие в магазине «косяки», а потом снова пришёл уже днём, и ещё раз хорошенько подкалымил. Чем не вариант?!

Умыться я успел, а вот позавтракать – нет: пришлось выпускать через грузовой терминал счётчиков – Дмитрий так распорядился. Более того! Он дал ЦУ, чтобы теперь все, кто работает в магазине, приходили на работу и уходили с работы только через эти ворота. Пока я всех осмотрел, все их сумки проверил, прошло около часа.

В тот момент, когда я «шмонал» счётчиков, пришёл Шмагун, и всё время маячил где-то рядом. Эдаким голодным коршуном следил за тем, как я проверяю – не спустя ли рукава, не слишком ли поверхностно? Ну, а я на это – нулём, ещё и нарочно прикалываюсь над счётчиками, над их работой. Типа того, насчитались, поди, за ночь до опупения, и теперь, по инерции, как волк из «Ну, погоди!», весь день будете считать всё подряд – электрические столбы и машины на улице, пассажиров в электричке... Ну, они – ничего, смеются. А уж

Шмагуна-то – колбасит, а Шмагуна-то – колбасит!..

Тут подходят к «пункту шмона» оба ревизора, и с ними – те двое ККП. И вопросительно так смотрят в мою сторону. А я смотрю на Дмитрия – он что скажет? А Димон отчего-то засмутился, глаза в потолок, делает вид, что, как бы, не при делах. Шмагун не хуже его нашёл повод, чтобы поскорее отвернуться, и о чём-то поговорить с Ниной – она зачем-то пришла в терминал. Все они молчат, и я молчу – ну, никто не хочет брать на себя ответственность, чтобы сказать: проверять у VIP-персон их сумки, или не проверять? Ну, ревизоры сами всё поняли, начали показывать свои баулы. За ними и контролёры. Меня смех разбирает – о, будет анекдот, когда они об этом расскажут в своём центральном офисе!

Когда часам к девяти Шмагун с Ульевой подбили окончательные итоги, он вышел от неё с, ну, очень даже кислой физиией. Я специально следил за кабинетом директорши, чтобы не упустить момент. Только из-за двери показался Шмагун, спрашиваю:

– Что, Илья Виленович, очень большая недостача?

Он изобразил мученический вид, и с неохотой выдал:

– Ну-у-у... Окончательные итоги будут подведены дня через два. А по предварительным, как бы... Не очень много. Не хватает палки четыре колбасы, сыра – куска три, пары «энергетиков», бутылки ликёра и двух бутылок водки.

Понимающе киваю.

– В общем, нехватка в пределах обычной статистической

погрешности. А если взять во внимание, что последняя инвентаризация была ещё в октябре, и до меня сменилось три охранника, то... Можно считать, что всё у нас в порядке, наши покупатели люди глубоко порядочные, и «Удачу» не обкрадывали. Ну, что? На сегодня прощаемся, и я пошёл по своему маршруту? А то, вон, к колбасам, я гляжу, пробежали две какие-то сомнительного вида особы...

Специально, для прикола, выделяю слово «сомнительно-го». Он сразу же рукой замахал, головой затряс...

– Минуточку! Надо же осмотреть и мои вещи! У меня – портфель, барсетка... Я-то чем отличаюсь от всех остальных?! Вот, пожалуйста, показываю!..

О, небо... Ну, прямо, комиссар в логове белогвардейцев: стреляйте, гады, в коммуниста!!! Ходячий ты анекдот, «брателло»! Заглянул я под объективом камеры наблюдения в его барсетку и портфель, спрашиваю:

– Надеюсь, карманы обшаривать не надо? Ну, тогда – всё. Счастливо!

Иду в колбасный отдел, краем глаза вижу: что-то уж очень уныло он пошёл к выходу. Может быть, тоже, как и счётчики, не выспался? А может, расстроился из-за того, что я ни на грош не впечатлился всеми этими его понтами и прибабахами с буквоедством по части соблюдения внутренних регламентов? Ну а как тут можно впечатлиться этой никчёмной, дутой дуристикой, придуманной какими-то, можно сказать, параноиками, какими-то неведомыми мне супер-плюшки-

ными?

Зашёл я в «колбасотеку», наблюдаю, как две гражданки бомжеватого вида перебирают палки «Городской». Меня увидели, сразу же пошли к крупам. Взяли по пачке перловки и – на кассу. Да, тринадцатое, «деффчонки», явно, не ваш день. Завтра, возможно, меня здесь уже не будет, так что, глядишь, вам и улыбнётся Фортуна удачно украденным сервелатом?

Ближе к десяти я, наконец-то, смог позавтракать. А перед обедом мне позвонили сразу двое соискателей рабочих мест в охране. Позвонил Васину сам: ну, что там со сменщиком? Что? Есть хоть что-то реальное? Он, как всегда, в сомнениях: как бы и есть, но, как бы и нет... И, что в итоге? Отчёт по задержаниям посылать? Правда, в нём будут одни нули. Но итоги тотальной инвентаризации говорят сами за себя: не крали здесь. Не кра-ли! Васин молча меня выслушал, и в очередной раз пообещал обязательно что-нибудь придумать.

Когда мы уже заканчивали разговор, я неожиданно услышал, как кто-то в стороне колбасного отдела начал громко бузить. Быстренько дал отбой и – в «колбасотеку». А там какой-то худосочный, как бы это сказать, «геракел» годами под тридцать кидается с кулаками на Дашку. Та отбивается и что-то ему кричит, в чём-то его упрекает. Я подбежал к ним, взял за шиворот этого недоделка и откинул в сторону.

– В чём дело?

Дашка всхлипывает:

– Мой бывший. Как напьётся, так прибегает сюда скандалить. По-всякому оскорбляет, и даже бьёт.

Объясняю этому недоумку, что ерундой пусть не занимается, иначе нарвётся на серьёзную грубость. Он разверещался, что всех видел «на», всех он «имел», что меня «урует, и порвёт как тузик грелку». Ну, я его проводил до выхода и предупредил, что ещё один такой скандальчик, и он получит хороших шишек. Потом подумалось: а что, если вдруг этот «качок» опять придёт, и мне, действительно, придётся провести с ним краткий воспитательный курс для хамья и недоумков? Не накатает ли он на меня потом заяву в полицию? Если – да, то у меня могут быть серьёзные осложнения. Поэтому стоит заранее себе «постелить соломки» – подключить полицию самому. В таких ситуациях как бывает? Кто первый заявил, тот и прав...

Набрал номер здешнего участкового, объяснил ситуацию. Он появился всего минут через десять. Росленький такой парень, на вид толковый и вменяемый. Опросил меня, Дашку, составил протокол. Сказал, что этого «геракела» знает, в его поле зрения этот придурок уже попадался, и если придёт ещё раз, то можно смело вызывать ГБР – они имеют полное право его «заластать» и увезти в «обезьянник».

Час проходит, я как раз обходил отдел овощи-фрукты, слышу, из того отдела, где консервы и крупы, доносится дикий вопль: «Помогите!!!» Опять бегу, теперь уже туда. Опять, всё то же: Дашка отбивается от своего бывшего, тот

её душит, вцепившись в горло. Впопыхах отдираю рубль с кнопки на пульте вызова ГБР и нажимаю на кнопку. Одновременно, свободной рукой откидываю этого скандалиста в сторону. Он кидается на меня, норовит ударить своим чахлым кулачком, но не с его дохлыми мощами корчить из себя Тайсона.

Спокойненько его удерживаю и объясняю, что сейчас за ним приедет группа быстрого реагирования, и ему придётся посидеть в КПЗ. Но этот визгун начал орать на меня всякую непотребщину – я и такой, и сякой, он мне сделает – и то, и сё... Ну, тогда я слегка дал ему по рёбрам (ну, может, и не слегка – попробуй, сдержи себя, когда какое-то ничтожество орёт на тебя что попало). Он опять за своё. Вижу – ГБР всё нет и нет, а слушать этого сморчка уже опротивело. Тем более, что для меня уже есть кое-какая индульгенция в виде полицейского протокола, и с этим недоумеом, в принципе, чикаться уже не обязательно.

Хватаю его за загривок, и ускоренным шагом, почти бегом, веду через весь зал к выходу. Визгун, видимо, понял, что сейчас ему может достаться по первое число, и поэтому сразу же заткнулся. Но меня его хай уже раскипятил по полной. Толкаю перед собой этого слизняка – покупатели разбегаются в разные стороны, а руки, прямо, зудят – так хочется подрихтовать его морду о первый попавшийся угол! Но... Делать этого, увы, нельзя, как бы ни хотелось.

Вывел этого «супермена» на крыльцо, и так мотанул в сторону большого сугроба, добавив пинка, что он чуть ли не по воздуху проскакал эти несколько метров. А я в лишь в последнюю секунду заметил, что прямо по орбите его свободного полёта, из сугроба торчит здоровенная мусорная урна, сваренная из толстого железа. Только тут дошло, что, если он в неё врежется башкой – всё, домой я завтра уже точно – не уеду. Но, как видно, полученный им пинок свою роль, всё же, сыграл. Визгун «щучкой» перелетел через урну, и – нырк в сугроб! Только комья снега в разные стороны, и вверх торчат его раскоряченные ноги. Вскочил этот придурок, как ошалелый и, пригнувшись, помчался, куда глаза глядят.

А ГБР, как ей и положено, прибыла только через полчаса, когда уже начало смеркаться. Вижу, из «бобика» вывалило трое мужиков в ментовском камуфляже, с пистолетами. Спрашивают:

– Ну и кого нам тут задерживать?

– Да, некого уже! – развожу руками. – Этот обормот устроил тут такой «концерт», что, как говорится, хоть святых выноси. Вас не дождался, ну и выкинул этого уroda из магазина, чтобы народ не баламутил.

Они хмыкают, гыкают, высказываются:

– Ну, вот, надо было его как-то задержать... Надо было его зафиксировать...

Уточняю:

– А как конкретно?! Связать руки верёвкой и заткнуть рот

кляпом? А я на это имею право?

Они чешут «репу».

– Ну, вообще-то – да, это уже превышение. Ладно, давай напишем бумажку, что вызов был обоснованным, но виновный смог бежать, и поэтому задержать его не удалось. Лады?

Лады... Написали они бумагу, я подписался, они объясняют, что сегодня день у них выдался – хуже не придумаешь. С утра снегопад, да ещё мороз отпустил, поэтому дороги – как каток, а их то и дело дёргают: то – в один конец, то – в другой. Алкашня, как сговорилась, сегодня бузит по всей округе. Видимо, квасят в честь старого Нового года. Мой вызов ГБРовцы получили, когда из Селезнёвского возвращались на базу. Пока ехали к нам, два раза чуть не улетели в кювет – тринадцатое!..

Уехали они, а как совсем стемнело, в магазин заходит подогретая компания человек из пяти, и вместе с нею тот же самый «геракел». Всё чего-то там нашёптывает на ухо крепенькому такому мужичку лет сорока пяти с боцманскими усами. Видать, атаман их «тимуровской команды». Ростом усатый пониже меня, но на вид крепкий и жилистый. На нём кожанка, из-под которой выглядывает тельняшка. Не хватает только бескозырки с надписью «Аврора» и пулемётных лент крест-накрест через грудь.

Выхожу им навстречу – какие вопросы? «Геракел» меня, как только увидел, сразу же за спину усатому – шмыг. А у этого на руках уйма наколок, особенно бросился в глаза

вытатуированный на пальце «перстень» с рисунком кладбищенского креста. Припомнил, что это у «сидельцев» означает что-то почётное, вроде того, на зоне он не подчинялся тюремным властям. Над костяшками кулака выколото «САША».

Этот Саша меня взглядом измерил (про себя сразу же отмечаю, что первое, на что он обратил внимание – моя тельняшка), поздоровался, спрашивает:

– ...Слышь, братуха, за что ребят-то обижаешь? Вот, Лёнчика тут выкинул не пойми за что, рёбра ему помял. Что за беспредел?

Смотрю на этого Лёнчика в упор – ну ты и ничтожество дешёвое!

– Беспредел, говоришь?! Твой Лёнчик пусть радуется, что вообще живым отсюда ушёл. Не мне тебе объяснять, что за «базар» отвечать положено, если он «нефильтрованный». Если бы тебя какой-нибудь шебздик прямым текстом обозвал чем-то наподобие представителя кое-каких меньшинств, ты бы как отреагировал? По «понятиям» ты его просто обязан был бы пришить на месте. Верно? Так что я, считай, этого придурка только уму-разуму малость поучил – влупил хорошего пинка вместо того, чтобы его рыло размазать по стенке.

Саша хмурится, оглядывается, и уже другим тоном осведомляется:

– Эй! Ты чего не по делу хлебало-то разеваешь? За такой

базар знаешь, что бывает? Смотри, доиграешься! Ещё ко мне прибежал, щегол, плакаться... Чего заткнулся-то?

Лёньчик задёргался, заюлил, начал объяснять, что малость перебрал, а потому не помнит, что, когда и кому говорил... Но признал, что был неправ, даже извинился, и сказал, что выводы сделал, и здесь больше устраивать разборок не будет. На этом разговор и закончился. Саша купил пару фугасов пива, сушёных кальмаров и компания ушла. Лёньчик плёлся последним, с видом побитой собачонки.

Только лишь Сашина «бригада» скрылась за дверью, запиликал мой телефон. Слышу, Виталька:

– ...Представляешь, хохма? Вчера ко мне должна была приехать сменщица. Мне из офиса позвонили, сказали, что она получила аванс и двинула к нам, в Чихалово. Но не приехала! Тогда следом выслали другую. И, надо же такому?! Сегодня приехали сразу две! Вон, сейчас спорят, кому из них тут оставаться.

У меня от такой новости аж дыхание перехватило.

– Ух, ты-ы-ы!!! То есть, у тебя сейчас сразу две сменщицы? Обалдеть! Слушай, ты ко мне одну из них отправь – у меня ж сегодня последний день. Пусть приедет, и завтра приступит. И, кстати, Виталь, обрати внимание: что-то женщин многовато в охране развелось. Новая мода, что ли, на такой матриархат?

Он смеётся:

– Эмансипация! Скоро они нас совсем отсюда вытеснят.

Звони Васину, пусть распорядится. А то девки сейчас, того гляди, передерутся.

Звоню Васину, ставлю вопрос, чтобы одну из Виталькиных сменщиц прислали в Стукачиху. По его реакции можно без труда догадаться, что мой звонок застал его врасплох. Скорее всего, он обо мне напрочь забыл, и посылать ко мне никого даже не собирался. А теперь – как отвертишься? Вздохнул он, крикнул, и только и буркнул в трубку:

– Ладно, посмотрим!

Кончаю разговор с Васиным, от касс доносится какой-то шум. Смотрю – мужик моих лет, уже хорошо подпитой, напирает на кассирш, вроде того, что они его обсчитали. Ну, я подошёл, чтобы уточнить – намного ли он оскудел, но бузотёр, не дожидаясь моих вопросов, тут же заткнулся, и поспешил к выходу. Где-то в колбасном затерялся ещё один выпивоха. В этот момент слышу – меня зовут. Оглянулся я в сторону двери, а там стоят ребятишки, которые приходили за покупками. Просят помочь. Вижу, они боятся выйти на улицу, потому что перед входом опять собаки мотаются. Как же достала эта псарня! Проводил детей, потом разыскал алкаша. Тот стоит, за холодильную витрину держится. Спрашиваю:

– До выхода сам доберёшься?

Он чего-то сразу очень разволновался, мотает головой:

– Д-доберусь, д-доберусь... Я тож-же на ф-флоте служил!..

– Тогда, как говорится, тебе – «зелёный свет», и попутного ветра в «корму». Дуй отсюда, и поживее!

Ну, до выхода он, хоть и выписывал галсы, дошкандылял вполне нормально. Вышел на улицу, и тут же растянулся. Но, ничего, сам встал, и куда-то потащился. А я вижу – со стороны автобусной остановки к магазину идёт какая-то молодая женщина со здоровенной сумкой. Сначала как-то даже не подумал, кто бы это мог быть. И только когда она вошла, вдруг допетрил: так, это же моя смена прибыла! Только, вот, вид сменщицы озадачил. Лет ей около тридцати, особа средней комплекции, но смотрится воспиталкой из младшей группы детского сада. Святые угодники! Кого стали брать в охрану?!

Сменщица, сообразив, что охранник здесь я, спросила, куда бы поставить вещи. Ну, проводил её в нашу бытовку. Выясняю, доводилось ли ей уже работать в охране. Оказывается, это её самая первая вахта. Что, что, что?! О-ёй! Да, куда ж ты приехала?! Какая из тебя охранница?! Моя сменщица разводит руками – у них в городе работы вообще нет никакой, готова хоть в грузчики идти, лишь бы заработок был. Зовут её Валя, работала библиотекарем. Зарплата копеечная, а у неё сын подрастает, учится в первом классе. Он сейчас остался со своей бабушкой. Ну, что с ней будешь делать, с этой «супер-вумэн»? Отправили эсэмэску Васину, что я смену сдал, а Валя приняла. Сделали запись в журнале дежурств. Начал ей объяснять азы нашей работы. Посоветовал хорошенько изучить на досуге договор с «ЛЮМом» – там

все права и обязанности охранника прописаны. Ну и здесь всё показал – где столовая, как включать и выключать сигнализацию, как заполнять журналы... Она только успевает всё это в блокнот записывать. Объяснил, как пользоваться «тревожной кнопкой». Тут, как раз, инкассаторы приехали. Узнали, что в магазине теперь будет не охранник, а охранница, переглянулись, фыркнули (ничего себе, «коммандос»!), и пошли в директорскую.

Пришёл Олег, трезвый и голодный. Намекает, что жить вообще не на что, денег нет... И, что дальше? Работать надо, голубок! Глотку в размерах убавить, и пахать. А я тебе не общество спасения голодающих алкашей. Валя вздыхает – года два назад сама с таким же точно разбежалась. Наши кассирши Валу, прямо, глазами едят. Инкассаторы уехали, пошли мы с ней смотреть отделы. Идём мимо касс, Наталья сочувственно у неё интересуется:

– Ой, а где ж ты сегодня спать-то ляжешь? – и, главное, смотрит не на неё, а на меня, с каким-то таким намёком.

Отвечаю ей в той же тональности:

– Вон, около входной двери коврик ей постелю...

Наталья многозначительно:

– О-о-о-о! М-м-м-м!

– А как же иначе-то? Должна же она пройти «курс молодого охранника»?

Идём по отделам, показываю, где и что лежит, на что в первую очередь обращать внимание. Валя слушает, кивает,

записывает, и вдруг объявляет:

– Алексей Петрович, спать я, наверное, и в самом деле, на полу лягу...

– Спать будешь на кресле.

– Ой! Да неудобно вас стеснять, ну-у и...

– Неудобно – в кармане зонтик открывать. Тебя что-то смущает? Можешь не напрягаться. У меня – жена, так что, на тебя, как на женщину, покушаться не собираюсь.

Она, бедная, аж закашлялась и покраснела... Правда, вид при этом у неё был несколько разочарованный, как будто её обманули в каких-то ожиданиях. Ну, ни фигя себе, скромняшка! Как видно, правильно говорят, что в тихом омуте черти водятся.

Пока рабочий день не закончился, и идут покупатели, начал Валю помаленьку, так сказать, натаскивать. Посылал присмотреть то за колбасным, то за алкогольным отделом. В одиннадцать, когда закрывали магазин, показывал, где и как проверять сумки кассиров. В половине двенадцатого проводил МТЗ Вадима. Благо, свои дела он закончил достаточно быстро. Закрываю за ним дверь, он мне подмигивает.

– А библиотекарша-то – ничего! Всё при ней! Я бы не устоял...

Иронизирую:

– Ну, тебе теперь и – карты в руки... Дерзай!

Пошёл в столовую, заранее приготовил себе завтрак, чтобы утром время даром не терять, захожу в бытовку, Валя си-

дит на табуреточке, кресло не разобрано. Ты чего ждёшь-то? Мнётся, жмётся, смущается... Разложил кресло, бросил на него подушку и простыни – стели и ложись. Сам сел на табуретку у монитора, начал просматривать записи. Очень интересно было поглядеть с разных точек съёмки, как выкидываю из магазина Лёньчика, на визит «крутых». Слышу голос Вали:

– Алексей Петрович, ну, мне так неловко... Вы, что же, до утра так и будете сидеть? Давайте, я подвинусь, ужмусь, вы тоже поместитесь...

Да, нет уж, лучше не надо. Я по натуре не донжуан, но, с учётом трёхнедельного «монашества» – чем чёрт не шутит, тем более, ночной порой? Поэтому, наверняка, искушать себя не стоит. К тому же, сидя, и даже стоя, спать мне – не впервой. Когда в армии мотался по командировкам, ночи коротал и на багажных полках вагонов, и на подлокотниках кресел, и даже в холодном тамбуре, где ни присесть, ни прилечь... Сидел я долгонько. Наверное, уже во втором часу сон меня сморил, и я задремал прямо за столом. Что интересно, даже видел какие-то сны!

Четырнадцатое января

Проснулся я около пяти. Пошёл умыться, немного размялся, позавтракал. В начале седьмого разбудил Валу. Она спросонья ничего не понимает, обалдело оглядывается по сторонам. На лице написано: ой, а где это я? Всё понятно. Поднять-то её поднял, а вот разбудить, судя по всему, пока

не удалось. Дал ей свой утюг, она погладилась и оделась по дресс-коду. Ну а потом – всё, как и обычно: запустили вместе с ней персонал магазина (сегодня вышла основная на эту неделю бригада, на Валю – смотрят, изучают), потом пошли покупатели. Наши девчата у меня всё допытываются:

– Эта, вот, «белоснежка», у нас и будет охранником?! Ну, ничего себе! Да ей только первоклашек за ручку водить: станьте дети, станьте в круг! Ну, дожились, кого нам стали присылать...

Марианна – та вообще предложила:

– Петрович, а может, ещё останетесь хотя бы на пару недель, а? А цыпочка эта – пусть едет куда-нибудь в другое место... Ну, как и чем она нам поможет, как от алкашни будет защищать?

Понимаю и сочувствую, но... Как же мне надоело жить в этом магазине! Просыпаться по ночам от грохота ящиков и галдежа продавщиц в «Забегай!», от пьяных воплей со второго этажа, питаться какой-то отравой, состряпанной в микроволновке, не иметь возможности по-человечески помыться...

Пошёл к директрисе за характеристикой. Она разводит руками: их здесь пишет главный контролёр. То есть, Шмагун. Звоню ему. Поясняю, что обратился к Ульевой за характеристикой, а она «перевела стрелки» на него. Если это так, то как бы состряпать мне характеристику? У него тут же зафонтанировал апломб:

– А причём тут завмаг? С какой стати нужно было обращаться к ней? Да, именно Я, и только Я даю характеристику!

Поясняю, что, вообще-то, до этого я работал в «Купи!», и там именно директор оформлял мне такую бумагу. Но раз уж в сети «Удача» характеристики выдаёт главный ККП, то я ничуть не против – ККП, так ККП. Как говорится, нам – что ни поп, то и батька. Ну, он пообещал написать и выслать характеристику напрямую в офис. И на том спасибо!

Пошёл в бытовку укладывать сумку. Валя бежит за мной:

– Алексей Петрович, там пришли какие-то уголовники, я их боюсь! Что мне делать?

– Быть твёрже и смелее. А ещё лучше, злее и наглее – таких трогать боятся. Если что-то не так, если какая-то агрессия – прячься в бытовке, запирайся, и включай тревожную кнопку.

Но, всё же, вышел глянуть сам. А там однажды уже виданная физия «алконавта» Гриши, а с ним какой-то ломовик, у которого все руки в наколках. Оба очень и очень подпитые. Из-за чего-то меж собой устроили разборку рядом с «алкашкой». Подошёл, спросил Гришу, что за галдёж не по делу. Он на меня удивлённо так таращится.

– А мужики говорили, что охранником тут будет девка... Или насвистели?

Да, быстро тут расходятся новости! Поясняю:

– Нет, всё правильно, охранницей с сегодняшнего дня будет молодая женщина. Но задевать её или как-то обижать

– не советовал бы. У неё где-то типа Селезнёвского во вневедомственной охране работает двоюродный брат. Если она ему пожалуется, а он выйдет на ГБР, то... Ну, сам понимаешь: последствия – и без лишнего базара, яснее ясного.

Тут и Валя появилась, слушает, что я им говорю. Гриша и его кореш тут же успокоились, взяли бутылку «Белухи», и чин чином пошли на кассу. Возвращаемся в подсобку, у Вали на ходу спрашиваю:

– Запомнила, где и какой у тебя брат? Вот и отлично! Теперь, если что – для самых борзых у тебя есть какая-никакая «крыша».

Собрал сумку, иду к Нине. С ней выходим в грузовой терминал под видеокамеру. Когда проходим мимо касс, Лариска с грустинкой в голосе:

– Петрович, нас не забывайте! Будете в Стукачихе – заходите!

Ну, если вдруг получится – конечно... А так, честно говоря, «Удача» о себе доброй памяти особо-то не оставила. Когда я вышел из терминала на улицу под слякотный мокрый снежок, было такое ощущение, что не в магазине три недели отработал, а «откинулся» с зоны после трёхгодовой отсидки. Проигнорировал автобус, и – пешкодралом на станцию электрички. Шёл – как на крылышках летел. По-моему, даже когда отработал в Кадухино, не так был рад, как сейчас.

Минут через десять – электричка. Зашёл в вагон, а там – тепло, уютно, бродячие певцы – парень и девчонка, под гита-

ру задушевно так исполняют: «Встре-е-ча в пути-и-и...» Ну, настоящий праздник души! Правда, когда приехал в офис, праздник закончился в момент – туда припёрла за расчётом такая толпень, как будто я в муравейник попал. И почему-то самая длинная очередь именно к старшему отдела по «Удачам». Записался, стал ждать. Смотрю, а сразу двое из тех, что впереди меня по списку, куда-то свалили, а те, что следом за ними – сидят, ушами хлопают. Ну и ладушки! Сидите, голуби, сидите! Нахалом иду в кабинет:

– Я из Стукачихи.

Там мужик за столом, смотрит на меня как на какое-то недоразумение. Лезет в компьютер, долго копается в почте. Потом объявляет, что характеристики на меня нет. Как это нет?! Это что же получается, Шмагун меня обманул? Он:

– А, Шмагун?! Всё понятно! Не там поглядел.

Снова ищет и находит то, что нужно. Начинает смотреть моё «досье» – сколько и где я отработал. Да, ровно двадцать дней. Четыре тысячи было взято авансом для прожития. Считает, высчитывает, и вдруг оказывается, что мне на руки причитается не шестнадцать, как можно было бы ожидать (с учётом праздников и продлённого рабочего дня я вообще ожидал ровно двадцать) а всего пятнадцать. Что за лохотрон? Оказывается, первого января мне засчитали всего полдня, да и второго – тоже полдня. Вроде того, первого-то числа работы не было вовсе, второго, оказывается, я полдня ехал из Чихалово в Стукачиху. Всё! Претензии не принима-

ются. Это какая ж там зараза ляпнула мне про повышенную оплату в праздничные дни? Вот, лопухнулся!

Приехал на вокзал, взял билет на поезд. Глянул на свой телефон – на мониторе высветился непринятый вызов. Причём, от Шмагуна. Видимо, когда я ехал в метро, из-за грохота не расслышал звонка. Подумал я, подумал, и решил ему не звонить: смысл какой? Даже если он мне что-то хочет предложить, то я в любом случае откажусь. Всё! Точка!

В краю сытой халявы

Восемнадцатое февраля

И снова я, как в той песне, иду, шагаю по Москве... Да, я снова прибыл на вахту. Такие вот дела.

...Дня три назад, уже вечером, мне позвонил Васин, и голосом ярмарочного зазывалы начал расхваливать работу в магазине «Удача», в каком-то Шикулине-Заречном. И ККП там, дескать – золотой человек, и бытовые условия наилучшие... Только вот ехать туда надо немедленно. Меня сразу же что-то насторожило – ой, неспроста он так мягко стелет! Ой, неспроста! Сразу же спросил его:

– Игорь Иванович, а этот магазин курирует кто? Уж, не Шмагун ли?

Он, видимо, этого вопроса никак не ожидал, и от неожиданности даже поперхнулся на полуслове. Немного подумал, и уже безо всякой зазывальщины буркнул:

– Ну, он. Да, Шмагун. А что? Чем он тебя не устраивает?

– Да, всем устраивает. Но ближайшие несколько дней вы-

ехать я не смогу по... По семейным обстоятельствам. Я, как только всё утрясётся, сам позвоню. Хорошо?

– Ла-а-а-дно...

По его голосу чую – разочаровал я его. Сразу же позвонил Володьке, чтобы узнать: слышал ли он что-нибудь про этот самый Шикунин-Заречный? Володька, кстати, уже на вахте, числа с двадцать какого-то там января. По сути, у него уже пошла переработка по срокам. Он как услышал, что Васин норовит заткнуть меня в Шикунин-Заречный, так даже заорал в трубку:

– Ну, он и скотина! Я сколько уже прошу себе замену, а он только одно в ответ: «Менять некем, людей не хватает». А тут – сразу нашёл, куда тебя забросить. Слышал я про этот Заречный, слышал. Дыра из дыр, магазин – не лучше, чем в Стукачихе. Если не хуже. От него все отрециваются, как черти от ладана. Не вздумай согласиться!

– Да я и не собираюсь соглашаться. Я с Васиным прямо сейчас созвонюсь и скажу, что согласен подменить, но только тебя. Вот и всё. Устроит его – поеду завтра же. Не устроит – вообще не поеду.

Позвонил Васину, и сразу же выдал ему своё встречное предложение: на вахту поеду, но только в Рогожное, во «Вкус». Он тут же закусил удила:

– Что это такое? Что это за наезды? Здесь я решаю, кому и куда ехать. Будет и твоему Володьке замена! Обещаю!

Но я упёрся: сменю только сына! У него уже от этой по-

ходной сухомятки гастрит развился. Он ещё молодой, ему ещё жить да жить, а у него без пяти минут язва желудка. Поэтому поеду только в Рогожное. Слышу – в трубке: пи-и, пи-и, пи-и... Ну, что ж, не хочешь соглашаться – как хочешь. Значит, не судьба.

А вчера, часов в восемь утра, звонит Володька:

– Бать, Васин даёт добро! Сейчас позвонил, сказал, что ты можешь ехать ко мне на подмену. Сегодня выедешь?

Ну, понятное дело! Чего тянуть-то? В темпе уложил сумку, и – на вокзал. Ночь продрых в поезде, и вот, я уже в столице. Сразу же отправился на Казанский, взял билет на электричку. Пока ехали, начался плотный снегопад – в окне, считай, ничего не видно. А вышли на перрон – ветер сырой, промозглый... Ну, это, прямо, уже закономерность какая-то: в день прибытия на объект – обязательно непогода, снег и слякоть. Как по заказу! Ещё в дороге я созванивался с Володькой, и он объяснил на каком автобусе и куда ехать.

. До Рогожного добираться с полчаса. «Вкус» находится в глубине квартала. Его здание очень похоже на кадухинский «Купи!». Поднимаюсь на крыльцо (правда, здесь оно намного выше), захожу внутрь, и вижу своего Володьку, который стоит возле касс, о чём-то балагурит с кассиршами. Направляюсь к ним. Одна из кассирш на ходу интересуется:

– Алексей Петрович? Добро пожаловать!

Да уж спасибо... Смотрю на Володьку: твоя реклама? Он разводит руками – есть маленько!.. Идём с ним к директор-

ше. Зовут её Александра Юрьевна. Вопросы у неё стандартные: сколько вахт, сколько задержаний? Как и всех прочих магазинных начальников, мои ответы её тоже – этого следовало ожидать! – не впечатлили. Но возражений, наподобие того, что: ты нам не годишься, не высказывает. Заполняем журнал приёма-сдачи дежурства, отправляем эсэмэску Васину.

Приехал я обратно в Боровки, погулял по улицам. Вечером с работы вернулся Володька, с ним Пашка Гречкин – наш бывший сосед по деревне Лимпоповке (где некогда я трудился агрономом), и, заодно, Володькин однокашник по школе. Сейчас он проживает где-то в Астрахани. Сюда приехал охранником, работает тоже в Рогожном, тоже во «Вкусе», но в другом. Как рассказал Пашка, в их магазине режим гораздо жёстче, чем в том, куда сегодня я заступил. Вскоре приехал с работы ещё один наш давний знакомый – Федька, ему за пятьдесят, он работает в дальнем конце Боровков, в «Купи!». Оттуда на автобусе добираться до общаги почти полчаса.

Последним появился Ромка. Он родом из Белоруссии, пашет в здешнем, в боровковском «Вкусе». Ромка заканчивает работу чуть ли не раньше всех, но здесь у него с некоторых пор завелась зазноба, и, как считают парни, дело идёт к свадьбе. Поэтому он и «зависает» у неё, иной раз, за полночь. Володька и Федька пакуют сумки. Завтра им в офис за расчётом. Оба предвкушают возвращение домой. Даже не стали

себе готовить ужин. Пожевали всухомятку, и – на боковую.

Двадцать первое февраля

Да, правильно говорят, что во всякой работе самое тяжёлое – это её начало. Особенно, если за месяц домашней жизни от цельнодневной ходьбы основательно отвык. А я здорово отвык. Я ещё в поезде заранее «предвкушал», как к вечеру будут гудеть ноги после целого дня беготни по магазину. И ожидания меня не обманули.

...Позавчера, девятнадцатого, в восьмом часу утра, мы с Пашкой пошли на автобусную остановку. Как ни странно, но моя первая ночь в общаге оказалась на редкость спокойной.. Единственное, что пару раз разбудило – жуткий Ромкин храп. Бедная его будущая жена! Вот кому достанутся эти децибелы. Володька с Федькой ещё в пять утра убежали на электричку. Ромка прямо перед нами помчался на свой объект. До его «Вкуса» идти пешком всего каких-то минут пятнадцать.

Идём с Пашкой к остановке, он рассказывает про своё житьё-бытьё, про бывшую работу, про рыбалку. Спрашиваю его про семью – как жена, как детишки? Он жмёт плечами, морщится и признаётся, что женат не был ни разу. Во, даёт! Чуваку уже далеко за тридцать, а он всё бобылюет. Что за причина-то? Здоровье не позволяет, или в Астрахани женщины перевелись? Так, их здесь, вон, полно (на остановке две молодайки постреливают глазами в сторону Пашки). Эй, Пабло, чего ушами-то хлопаешь? До автобуса ещё минут пять,

есть время познакомиться. Гусар ты или мокрая курица? Увы! Он отмалчивается, безропотно соглашаясь на «почётный» статус мокрой курицы...

Приходит наш, пятый автобус, и мы отправляемся в Рогожное. Во «Вкус» попадаю через грузовой терминал. Началась моя первая смена в этом «шопе». Директриса сидит в своём кабинете, дверь настежь. Здравуюсь, отмечаюсь в журнале, беру ключи. Она – то ли не выспалась, то ли такая медлительная по своей природе – когда я уже выхожу, вдогонку даёт «ЦУ» («ценное указание»):

– Алексей Петрович, максимум внимания на отдел алкоголя!

Тоже мне, открыла Америку! Это уже четвёртый магазин, где я работаю, и уже в четвёртый раз слышу про первоочередное внимание к «алкашке». В зале традиционная для сетевых магазинов нынешней поры, замена этикеток на товарах. Кассирши работают спешно, только ножницы клацают. Знакомлюсь с этой командой поближе. Самая старшая здесь – Римма, ей за сорок, но смотрится существенно моложе. Таисия – тоже в годах, крупная и грузная. Женька, ей около тридцати (это она вчера со мной здоровалась), проворная и подвижная как ртуть, весёлая и жизнерадостная, по-своему подмигивает. Галина, высокая и медлительная, с ликом и взглядом великомученицы, как будто вся в себе. Под стать ей уборщица Алия – тоже, судя по взгляду, как будто пережила подвалы инквизиции. Она постоянно что-то сердито ворчит

себе под нос. Грузчик Шухрат, напротив, очень оживлён и общителен.

Подходит время открытия магазина, иду в вестибюль, отпираю замок внутренней раздвижной решётки, а её где-то немного клинит. Рывком её сдвигаю, после чего, наконец-то, открываю стеклянную входную дверь. Стоявшая перед ней мадам за семьдесят в небедном пальто и с ярко напыженными губами, недовольно брюзжит:

– Что так долго возитесь? Заставляете людей мёрзнуть на ветру!

«Люди», которых я злодейски (причём, умышленно!) заморозил в течение полуминутной заминки, это – она сама, и какой-то щупленький шарамыжка в заношенном армейском бушлате с чужого плеча, впопыхах докуривающий свою сигарку в самом низу возле мусорной урны. Ну, что ж, здравствуй, неведомый мне рогожнинский народ! Вот мы и познакомились...

Вскоре покупатели пошли валом, как будто кто-то дал команду «свистать всех наверх!» И пришлось мне, скажем так, на всю катушку тряхнуть стариной. Как и везде, здесь тоже хватало не знающих, где что лежит. И здесь хватало «болящих и страдающих», кто пришёл за спиртным раньше положенного времени, потому что душа требует и «трубы горят»... Ближе к обеду в зале появилась Александра Юрьевна. Она вручила мне ключи от элитной «алкашки», и от шкафчика с красной икрой. В этом магазине, оказывается, по за-

казу покупателей я сам должен брать из-под замка эти товары, и нести их на кассу. Во, прибабах! Правильно говорят: что ни город, то – норов, что ни деревня, то – обычай.

К обеду я вымотался очень даже здорово. Что и говорить – отвык. Поэтому, как и на прежних объектах, сразу же присмотрел себе место вне зоны обзора камер наблюдения, подле оборудованного у входа цветочного киоска. Теперь, хоть на полминуты, можно чуточку расслабиться. Расслабляюсь... В этот момент из киоска появляется и вышагивает мимо меня какой-то мордастеный тип под пятьдесят в понтовейшем пальто и шляпе. Глянул в мою сторону, и с «деловыми» интонациями мне талдычит:

– Вы охранник? А что же вы подпираете стенку вместо того, чтобы контролировать зал? На такой работе сидеть не положено!

Вот, думаю, нарвался на какого-то контролёра. Принесла его сюда нелёгкая! На всякий случай спрашиваю:

– А вы кто будете?

Думалось, он скажет, что работает каким-нибудь инспектором, там, ГБРовцем, или кем-то ещё. А он мне – многозначительно, с эдакой даже горделивостью:

– Я тоже работаю охранником, и у нас это строго запрещено!

Тю-у-у-у-у-у-у!.. Охранником?! А я уж было подумал невесть что! Отвечаю, в тональности частушки, позаимствованной из репертуара участников давнишней телепередачи

«Эх, Семёновна!»:

– Ну, я не знаю, как у вас, а у нас, «в Японии», посидеть совсем не грех, вас бы там не поняли.

На это он обалдело похлопал глазами, и изобразив на своей физии нечто типа: «Какой кошмар! И этот разгильдяй смеет носить славное, гордое звание охранника?! Я огорчён и возмущён!», зашагал дальше. После двенадцати я отправился к Шухрату узнать, когда он сможет подменить меня на время обеда. Он вздыхает и разводит руками. Ближе к часу поесть мне, всё-таки, удалось. Когда я был в столовке, туда зашла Женька. Хитро так улыбается и спрашивает:

– Петрович, а вы как относитесь к просрочке?

– В каком смысле? Если насчёт того, что, есть её или не есть, то – только положительно.

– Ну и отлично! Вечером пакет вам организуем.

Ух ты, думаю, вот это попёрло, так попёрло! Спрашиваю:

– А директорша как к этому относится?

– А её после обеда не будет. Её сменил заместительница, Светлана Михайловна. Она, как бы, «ничего не видит», поэтому проблем ни у кого не возникает.

После такой новости вторая половина дня у меня прошла, прямо, как канун большого праздника. И усталость не так уж сильно ощущалась, и работалось гораздо веселее. Можно сказать, открылось второе дыхание.

Ближе к вечеру я взял «на прицел» одного очень мутного на вид мужика. Лоб по габаритам не хилый, почти баскет-

больного роста, в пальто из искусственной кожи. А глаза – бегают, бегают, бегают... Сразу понял: этот тип – тут не просто так. Держу его в поле зрения, сам к кассиршам – как он вам? Не светился здесь? Они жмут плечами – вроде, не попался. Впрочем, Женька припомнила, что неделю назад Володька задерживал какого-то ломовика по подозрению в выносе товара. Но найти ничего не смог. Пришлось извиняться. Уж не тот ли самый? Самое малое, полчаса, этот «шопмэн» кружил по отделам, видимо, надеясь, что мне надоест его пасти, и я отстану. А я не отстаю. По пятам за ним, конечно, не хожу, но из поля зрения не выпускаю. Видимо он понял, что умыкнуть ничего не удастся, взял пачку спагетти и – на кассу. Ну, уж тогда я на все сто убедился: крадун. Если он приходил за одними лишь этими макаронами, то какого беса надо было играть во всякие там кошки-мышки?

В десять вечера, сразу после закрытия, я вышел в грузовой терминал. У вагонетки с просрочкой наши девчонки шарятся, заполняют пакеты. Камеры там не берут, Светлана в директорском кабинете что-то пишет, понятное дело, «ничего не видит». Женька вручает мне пакет.

– Петрович, это – вам!

Да, увесистый пакетик. Тут харчей – дня на три выше крыши хватит. Девчата инструктируют: когда выйду, надо хорошенько оглядеться. Когда-то был случай, ГБРовцы в тени притаились и сцапали ту, что вышла первой. Хорошо, она успела крикнуть, и остальные свои пакеты побросали обрат-

но в вагонетку. А то бы всех выставили за дверь.

Выхожу. На улице тишина и покой. Только за углом, на крыльце магазина, алкаши закуску меж собой никак не разделят. Ну, всё, иду на остановку. Долгонько жду автобус – ночь, теперь они ходят редко. Когда зашёл в общагу, в комнате увидел и Володьку, и Федьку. Ничего себе! Я уж думал, они на полпути к дому, а на самом-то деле, ещё и за пределы Боровков не выбрались. Что случилось? Оказывается, парни полдня простояли в очереди за расчётом, и когда, наконец-то, зашли, им объявили: деньги кончились, приходите завтра. И пришлось им опять бежать на электричку и ехать обратно в Боровки. Ну и ну!

В этот момент из-за стенки донеслись какие-то голоса. Было похоже на то, что двое, скорее всего, мужчина и женщина, выясняют отношения. Кто это там? Парни рассказывают, что соседняя комната – частное жильё, проживают там муж и жена, Толик и Ирина. Им обоим, где-то, под тридцать. Он частенько выпивает, она с ним из-за этого скандалит. Бывает, даже уходит к родителям. Детей не нажили, хотя сошлись ещё три года назад. Вроде бы даже расписаны. Но Ирина, видимо, боится, что даже если она и родит, пить он всё равно не бросит. А он из-за этого психует, и, как напьётся, орёт на неё что попало. Когда она от Толика уходит, он тащит сюда всяких ухажёрок из числа таких же пьянчужек, как и сам. Потом опять бежит к ней, просит прощения, она возвращается, а через неделю всё повторяется по новой.

Пашка, который пришёл во время этого разговора, многозначительно ухмыляется.

– Дядь Лёш! Ну, вот видишь, на какие «вилы» можно напороться с этой семейной жизнью? И на кой бы мне это было нужно?

Спрашиваю его напрямую:

– Паш, признайся честно: женщин ты панически боишься, поэтому и строишь из себя такого разборчивого и привередливого. Ведь так же?

Парни смеются:

– Да ему на рыбалке, наверное, щука кое-что откусила, вот он и ищет отговорки...

Вспомнили Ромку – он же нашёл себе нормальную, приличную девчонку, не дуру, не алкашку? Весь вопрос в том, что и где себе ищешь. Как говорят, рыбак рыбака (в смысле, рыбачку) видит издалека...

На пороге появляется Ромка, вид жизнерадостный – оптимист, каких поискать. Хотя его дела вовсе не оптимистичные. Сегодня на работе он задержал одного деятеля – нашёл у него припрятанную большую шоколадку. Но тот сумел открутиться, мол, её я купил в другом магазине! Ромка парень не хилый, и этого умника при задержании, когда тот надумал взбрыкнуть («Да ты знаешь, что я сейчас с тобой сделаю?!») слегка помял. Но теперь на него самого начались наезды со стороны директора: как ты посмел превысить свои полномочия?! Вот такая она, эта наша работа: и не задержал – клюют,

и задержал – клюют.

...Ну а вчера, двадцатого, встал аж в четыре утра – теперь уже Федька поднял своим храпом. Что за безобразие? То один храпит, то другой. Так больше и не уснул. Пошёл на кухню готовить завтрак, у двери туалета – лужа. Заглянул внутрь, а там – потоп! Давай скорее закрывать кран. Ну, а что удивительного? Всё ветхое, всё изношенное, всё давно пора менять... Впрочем, дело это уже привычное – «ЛОМ» для своих сотрудников арендует только бомжатники.

Пока завтракал, поднялись и все остальные. Володька и Федька ещё раньше укатили в Москву. На работе вчера была сплошная суматоха. Пригнали сразу две фуры с товаром, девчонки и грузчик пахали, как крепостные на барщине. Вижу, время уже первый час, уже давно пора пообедать, а кого вместо себя оставишь? Шухрат бегаёт безостановочно, весь загнанный и измученный. Ну и ладно! Пошёл в столовку, забрал свой «сухпай», нашёл среди стеллажей место потише, чтобы меня там никто не видел (зато, чтобы я сам имел хороший обзор), и – вперёд! Уминаю гречку с ветчиной, и тут появляется замдиректора Светлана. Увидела меня, руками всплёскивает.

– Петрович, здесь же обедать нельзя категорически!

Да-а-а?.. А где прикажешь устроиться поесть? Шухрат, может быть, только часам к трём освободится.. Все свободные кассиры тоже в грузовом терминале пашут, как пчёлки. В общем, кандидатов на подмену – ноль. А я голодать не обя-

зан. Так что, извини, уважаемая, иных вариантов я не вижу. Она огляделась, машет рукой:

– Ну, ладно! Только быстрее заканчивайте!

Да, без проблем! Пока мы спорили, я почти всё уже и закончил. И только собрался отнести пустую тару в столовку, как вижу всё того же «баскетболиста» в пальто из кожзаменителя. Идёт, сутулится, глаза красные, как включенные стоп-сигналы – с другого конца зала видать. Смекаю: похоже, вечером он «нагрузился», и нехило, а теперь пришёл за «лекарством». А он всё по сторонам озирается, озирается, видимо, меня высматривает. Не обнаружил, и шустренько зарулил в сторону стеллажей с пивом. Подошёл, огляделся и тут... Увидел меня – я специально вышел так, чтобы быть на виду. Ой, как же он расстроился! Смотрит в мою сторону с такой ненавистью, что, наверное, дай ему волю – загрыз бы.

Достал он из кармана мелочь, давай её пересчитывать. Оборачивается ко мне и хрипит:

– А где тут пиво самое дешёвое?

Да, у тебя перед самым носом – «Ячменное поле» в стеклянной поллитровке, за тридцать два рубля. Он – хватъ, и побежал на кассу. Видать крепко его пробрала похмелюга! Расплатился, пошёл к выходу, и всё через плечо косится, как будто хочет получше запомнить.

Звонит телефон. Это Володька. Получили они с Федькой расчёт, уже едут домой. Говорит, что опять чуть было не остались на бобах – приехали в «ЛОМ» уже в десятом часу,

а там – как и вчера, толпища. Как будто все там и ночевали. Ну, они тогда в наглую прорвались в свой отдел, и деньги им, наконец-то, отдали.

Часу уже в третьем иду по залу, вдруг в дверях вижу Васина. Ну, думаю, сейчас что-то будет. И – точно! Как в воду глядел. Он с ходу затребовал мой договор с компанией. А бумажки-то у меня в общаге – чего их с собой таскать? Но он зашёл с другого боку:

– А почему договор не отмечен в администрации магазина? Ты же должен был его показать сразу, по прибытии! За это полагается штраф тысячи на три!

Вот это «счастья» привалило!! Ну, раз уж так приспичило – штрафуй! Что я ещё могу сказать?

Он почесал темя, морщится.

– Ну, ла-а-дно... Но завтра же чтобы всё оформил, как положено. Что у вас тут, как обстановка?

– Пасу одного крадуна. Его Володька уже задерживал, но он, зараза, сумел открутиться. Хитрый, чертяка!

Васин одобрил – лови, задерживай. Задержания – как воздух нужны! Как и обычно, сфотографировал меня, забежал к директорше, и – на выход. Ну, и на том спасибо, что штраф из-за ерунды не припаял. В десять вечера закрылись, в одиннадцатом пошёл на остановку. Подле магазина опять алкаши отираются. Только теперь обосновались у грузового терминала, что-то меж собой обсуждают.

В общагу приехал, из кухни выходит парень лет тридца-

ти, ростом пониже меня, худой, щупловатый, хотя, в целом, довольно-таки жилистый, главное, трезвый. Поздоровался, спрашивает:

– ...Вы – Володькин батя? Хороший пацан, дельный. Вы вместо него? А я – Толян..

Следом за ним – пригожая молодайка. Всё понятно – Ирина. Это наши соседи.

...Ну а сегодня – суббота, день запарочный и суматошный. Как и в любом другом магазине, выходной – маленькое стихийное бедствие. Правда, на работу ехать сегодня было одно удовольствие – автобус полупустой, места свободны. Ну а магазин, как только открылись, сразу заполнился покупателями, как будто двери мёдом намазали. Идут и идут, идут и идут...

Пришёл толстый, здоровенный цыган, и начал допытываться, где тут его любимое пиво «Клязьминское»? Ну, вот, ещё один поклонник персонально «любимого пива» выискался! Ну, прямо, сюжет – один в один, как с тем пивным гурманом в Чихалове. А я вообще не слыхивал про это самое «Клязьминское». Что за пиво? Спросил у девчонок – тоже не припомнят. Может, и этот любитель пива магазины перепутал? Утверждает, что – нет, брал именно здесь, во «Вкусе»! Кассирши разводят руками: нет у нас такого! Но этот чёрт настырный и приставучий всё равно не унимается: вот, вынь, да положь ему «Клязьминское»!

Позвали директоршу. Она молча сходила куда-то в грузо-

вой терминал, и минут через пять принесла «фугас» «Клязьминского». Оказывается, завозили сюда и такое, но его мало кто брал, и поэтому заказывать перестали. А одна коробка как-то сохранилась, вот и повезло ромалу. Правда, совершенно непонятно, чем же оно ему так понравилось, если все прочие пить отказались? Может, у него какие-нибудь проблемы со вкусом – нравится то, что другим поперёк горла?

Сегодня, вообще, много брали пива – и авоськами, и ящиками, и сумками. Это и понятно – завтра же двадцать третье, народ праздновать собирается. Много покупали и закуски к пиву. Впрочем, водки и коньяка тоже брали много. Я замотался то и дело открывать шкаф с «элиткой» и доставать оттуда пойло, стоимостью от полутора тысяч и выше. Отчего-то вдруг появилось много поклонников отечественных вин и ликёров. В общем, полки пустели на глазах, Шухрат то и дело бегал на склад за пополнением спиртного. Спрашиваю его:

– К празднику тоже готовишься, или у вас дома его уже не отмечают?

Уверяет, что многие и у них тоже отмечают двадцать третье, но сам он сейчас уже ничего не празднует, поскольку со спиртным «завязал». Хотя, пару лет назад квасил – будь здоров! Случилось так, что в какой-то момент он вдруг счёл свою жизнь греховной, поэтому стал ходить в мечеть и три раза в день совершать намаз. Делает его и здесь – Шухрат договорился с директоршей, что днём ему выделяют время на

все эти религиозные дела. А в счёт этого, если будет такая необходимость, на любой срок он задержится вечером.

Перед обедом случилась небольшая катавасия. Пришла бабулька, которая осталась недовольна купленной у нас вчера копчёной рыбой. Доказывала, что её покупка пахнет соляжкой (у этой, похоже, проблемы с обонянием). Директорша к этому времени уже ушла, за неё отдувалась Светлана. Понюхала рыбу, жмёт плечами – вроде, всё нормально. Покупатели – все, кто рядом оказался, тоже нюхали: копчёнка, как копчёнка... Мнение у всех одно: рыба нормальная. Нет!!! Бабка не сдаётся: соляжкой пахнет, и – всё тут. Девчонки сомневаются: а не сама ли ты её куда-нибудь уронила? Она аж запрыгала от злости. Начала стращать жалобой в головной офис. Ну, Светлана спорить больше не стала, дала ей другую рыбу, но заставила бабку при всех её обнюхать: эта-то какова? Бабка признала, что эта – очень даже ничего. Ушла она, а ту рыбину, что она вернула, девчонки потом втихаря отправили в тачку с просрочкой – так, на всякий случай. Бабка на вид была какая-то дёрганная, нервная, можно даже сказать, припадочная. Мало ли что у такой может быть на уме?

Ну и, наверное, в честь праздника перед вечером напротив нас посреди улицы шандарахнулись две машины. Какой-то «ас» на «Фольксвагене» ехал мимо и, видимо, решил завернуть к нам во «Вкус». Не включил поворотник, и резко пошёл на левый поворот. И не поглядел, балда, что следом

за ним шла «десятка», которая именно напротив нас пошла на обгон... Соприкоснулись они, конечно, здорово, можно сказать, смачно. Бумкнуло очень громко. Ну а потом, как и полагается, началось... Оба водилы из машин выскочили, и закипела дискуссия, кто из них «слепой раздолбай», а у кого «мозги усохли».

Учитывая накал дискуссии, в конце концов, дело могло бы закончиться даже рукопашной, однако прибыли гаишники, и бесплатный цирк закончился. Служивые порекомендовали «асу» из «Фольксвагена» в глаза вставлять спички, чтобы не проморгать аварийную ситуацию в следующий раз. Катастрофических повреждений машины не получили, поэтому с места ДТП уехали своим ходом.

Вечером, когда я зашёл расписаться, что смену закончил, Светлана что-то писала за своим столом. Стал выходить из терминала, она мне вслед с такой обидой:

– Алексей Петрович, а что это вы вчера, вот так, молчком: раз – и домой? А мне потом пришлось идти одной мимо толпы пьяниц. Хорошо ещё, что всё обошлось!

Это что-то новенькое! Ну, так, сразу и сказала бы, когда я только заступил, что тебя надо провожать! Где живёшь-то хоть? Оказывается, довольно далеко. Прикидываю, что пока её провожу, автобусы в Боровки ходить уже не будут. И куда мне тогда? Не к тебе же идти ночевать?! Тогда останется только одно – около часа топать пешком. Понятное дело, выспаться уже не удастся.

Вышел, сижу в терминале. Девчонки собираются уходить, интересуются, почему я не иду на автобус. Объяснил ситуацию. Они молча плечами пожали, и – на выход. Жду. Выходит Светлана, спрашивает:

– Алексей Петрович, а почему вы ещё здесь?

Ёшкин кот! Так, сама же сказала, что тебя надо провожать домой, охранять от криминальных элементов. Вот и жду. Или уже не нужно? Она:

– Вы выйдите, гляньте. Если поблизости выпивох не видеть, можете идти.

Ну, вышел, глянул. «Синяков», и в самом деле, ни рядом с магазином, ни в отдалении, не заметно. Бегом на остановку, а автобус уже отходит. Пролёт! Подошли двое мужиков, разговаривают про то, что сегодня в Рогожном было, как минимум, пять ДТП. Ну, вот, думаю, и наш «Вкус» внёс свой посильный вклад в этот «день жестянщика». В общагу приехал – у нас новенький, прислали вместо Федьки, зовут Маратом. Он на вахте впервые, по части охраны – ни бе, ни ме. Пока ужинал, объяснял ему всякие тонкости и нюансы.

Двадцать четвёртое февраля

Ох, вчера и денёк был! Приключения начались ещё в общаге. И – какие! С более идиотской ситуацией сталкиваться ещё не доводилось.

Двадцать третье для нас началось с того, что всей комнатой мы проснулись в пять утра от громкой музыки из комнаты Толяна. Все глазами хлопают, но ничего понять не мо-

гут. Потом сообразили, что Толян уже праздновать начал. Ну и обормот! Ромка пошёл к нему, начал стучать в дверь. Слышим, долбит он так, что даже штукатурка посыпалась. Через пару минут музыка затихла. Ромка вернулся, рассказывает. Оказывается, Толян ещё вчера так надрался, что потерял ориентацию во времени, и пять утра принял за пять вечера. Пашка резюмирует:

– Зря он так ужрался водкой. Ирина теперь от него опять уйдёт.

Ромка смеётся.

– Так она от него уже ушла, ещё вчера днём. Он там с какой-то девахой квасит. Где он только откопал эту пьянюгу?..

Парни снова легли досматривать сны, а я вошёл умыться, приготовить завтрак и что-нибудь состряпать на обед. Где-то в полседьмого всех их разбудил, они тоже начали собираться на работу. И вот, в начале восьмого, к нам в комнату неожиданно всплывает ухажёрка Толяна. Идёт зигзагом, что-то пытается сказать, но вместо слов выдаёт какую-то кашу из нечленораздельных звуков. Одновременно начинает растёгивать на себе и блузку, и джинсы. Я ей сразу указал на дверь:

– На выход! Дуй, дуй отсюда!

Она вышла. Через минуту, гляжу, опять тащится, блузка уже нараспашку, штаны сползают. Марат её уже выталкивать начал. Ещё пара, минут проходит, она снова к нам заваливается, всё уже напоказ. Я её вывел, дверь запер. Она постучала,

постучала и, наконец-то, ушла. Ещё минут пять проходит, в дверь – бешеный стук. Открываю. Вбегает Толян. Морда багровая, пьянющая, глаза выпучены, волосы дыбом, и начинает орать, что мы совсем оборзели, что он нас собственноручно линчует. Да, что случилось-то?

Оказывается, мы смертельно обидели его подружку. Она только что ему рассказала, будто мы затащили её к себе в комнату, и пытались учинить над ней групповуху. Во, как!

Спрашиваю его:

– Ты с головой хоть иногда дружишь? На кой чёрт она бы нам сдалась, если прямо сейчас все уезжаем на работу?! Да эта пьянюха сама нас заколебала своим идиотским «стриптизом»! Три раза отсюда выгоняли. Пришлось закрыться на замок, чтобы не лезла.

Но Толян стоит на своём:

– Хорош мне всякую чушню тут городить! Вы же к ней приставали?! Она пришла – всё на ней расстёгнуто. Сама она, что ли, это сделала?

И тут на пороге появляется эта его мадам, и снова пытается устроить «сеанс стриптиза». Он смотрит на неё, как будто видит впервые. Потом хватает за руку, жмёт плечами, спрашивает:

– Яна, ты чего? Яна... Ты же сказала, что это они... О, зараза! А ну, давай, пошли отсюда! Быстро!!!

Уже без церемоний тащит её за собой, но она сопротивляется и мычит:

– Я з-зде-е-сь х-хочу-у-у... Здесь лягу!

Утащил Толян эту Яну к себе, там у них началась потасовка, что-то грохнулось на пол...

Пошли мы с Пашкой на остановку, он всё никак не успокоится:

– Ну, коза тупая! Дядь Лёш, ну и, вот, что теперь скажете? Опять будете мне доказывать, что я был неправ?

Смешной пацан, который годами уже за тридцать, а сообщение – как у десятилетнего. Похоже, он даже рад этому дурацкому инциденту, поскольку есть возможность оправдать перед самим собой свою собственную, мягко говоря, наивность.

В магазине вчера народу поутру было немного – все ещё с вечера наквасились. Но ближе к одиннадцати толпа привалила не хилая. И опять – пиво, водка, коньяк... Сумками, коробками, ящиками... Кассирши меня поздравили. Кстати, сегодня новая смена. Спрашивали, как мне в их краях живётся, как нравятся здешние люди... Как-как... Живётся весело, люди – супер! Ну и в общих чертах, не вдаваясь в пошлые детали, рассказал о том, какой «подарочек» сегодня утром нам устроила их землячка со своим собутыльником. Смеялись долго.

Перед обедом появился всё тот же «баскетболист» (как же он достал, обормотина!). В зал прошмыгнул, видимо, надеясь, что я его не замечу. Идёт вдоль рядов пригнувшись, за стеллажами хоронится... Подошёл к сырам, для контро-

ля ещё раз огляделся, и тут снова увидел меня. Я, конечно, на него не гляжу, рассматриваю водочные этикетки. Но он сразу понял – облом. Зыркнул волком в мою сторону, взял бутылку пива и – на кассу.

Кого только сегодня небыло! Приходила интеллигентного вида бабуля за семьдесят, прочитала мне целую лекцию о целебных свойствах ликёра. Если ей верить, то он – панацея чуть ли не от всех болезней и неудач. Купила себе бутылку итальянского, какого-то, то ли Бурупуччи, то ли Аризатти. Гляжу ей вслед, и разбирает любопытство: это она для гостей взяла, или в одиночку хочет этот пузырь «уговорить»?

Ближе к вечеру чуть не проморгал две продуктовые корзины-тележки. Первую чуть не увезли на японском джипе. Мне наша директорша (как это было и в других магазинах) в самом начале вахты дала установку: тележка пропадёт – будешь за неё платить! Поэтому, как только кто-то везёт покупки к своему авто на тележке, иду и отслеживаю, куда и зачем покатыл. И вот, чуть начало смеркаться, вижу, что мужик тележку разгрузил, а потом и её саму начал пихать в багажник. Я сразу же вышел: в чём дело? Он, не моргнув глазом (недаром говорят, что наглость – второе счастье!), объявляет:

– Да мне – вот, рядом! Там до дома метров пятьдесят, думал, довезти на ней покупки, а потом вернуть.

Ну, уж нет! Знаем мы, как в таких случаях «возвращают». Забрал, откатил внутрь магазина. Через полчаса – глядь! –

одна мадам тоже покатила тележку с покупками прочь от магазина. И покупок-то столько, что уместятся в не самый большой пакет. Кинулся вдогонку. Она развозмущалась:

– Что это такое?! Покупатель всегда прав!

Ну, выходит, что и не всегда... Вернулись назад, она сходила, купила себе пакет и преспокойно унесла покупки. Вот ведь народ! Даже по мелочам – глаз, да глаз нужен.

И вот, наконец-то, вечер. Очень уж долгим получился этот праздничный день! Зато, как здорово закончился – снова набрали просрочки. Перед тем, как идти на остановку, я вышел и хорошенько проверил всю прилегающую территорию. Ни алкашей, ни ГБРовцев не обнаружилось. Сообщил Светлане, что всё чисто, и в компании с Аллой – кассиршей из второй смены, пошли на остановку. Пока ждали автобус, от Аллы узнал, что в округе нашего магазина иногда бывает очень беспокойно. В прошлом году было два серьёзных случая поножовщины, один даже со смертельным исходом. Теперь понятно, почему Светлана побаивается здешних алкашей.

Приехал в общагу, смотрю – у нас уже открыто, хотя я, обычно, приезжаю раньше всех. В комнате – Ромка и хорошенькая такая, рослая блондинка. Всё понятно, это его невеста. И, скорее всего, она здесь с ночёвкой. То есть, надо понимать так, что у молодой пары намечается первая брачная ночь? Занятный случай... Ну, не при нас же?! Или у Ромки есть какие-то свои варианты? Как оказалось, есть – он арен-

довал ещё одну комнату в этой квартире. Вход туда по соседству с комнатой Толяна. Хозяева там не живут, и сдают её всем желающим помесечно, посуточно – как угодно.

Когда готовил себе ужин, на кухню забежал Толян. Надутый, недовольный, на весь белый свет обиженный. Что интересно, почти трезвый и, самое главное, один. Его ухажёрка куда-то испарилась. То ли сама смылась, разочаровавшись в своих ожиданиях, то ли он её выставил, тоже разочаровавшись, в чём-то похожем.

...Ну а сегодня утром – опять «сюрприз». Ромка со своей зазнобой ушли, когда я уже заканчивал завтрак. Марат ушёл следом за ними. Пашка тоже позавтракал, и мы начали собираться на работу. Тут на пороге нашей комнаты появился средней упитанности, потёртый жизнью мужичок, годами слегка за сорок, и объявил, что он Ромкин «дружбан», и что тот разрешил ему какое-то время пожить в нашей комнате. Зовут его Макс Йолин, он не так давно работал охранником в одном из «Купи!», откуда его, мягко говоря, «попросили». И вот, он снова решил устроиться в «ЛОМ».

Слушаю его, и начинаю сильно сомневаться в том, что он Ромкин друг. Попробовал я набрать номер Ромки, чтобы уточнить – тот ли это «Федот», но его телефон не отвечает, загати его болото! Этого Макса и я, и Пашка видим впервые. Что за человек? Тут вещи и наши, и того же Марата. Макс тут же достал свой паспорт, и давай его нам показывать. Действительно, это Максим Йолин, откуда-то с верхней Волги.

Ну, мы подумали, и ключи ему решили дать.

Вышли на улицу. Я достал телефон и набрал Володькин номер. Спросил, знает ли он такого – Макса Йолина? Он подтвердил, что этот кадр одно время в их комнате, и в самом деле, проживал. Действительно, работал этот Макс в «Купи!», откуда его выгнали за пьянку. В кражах замечен не был. Одновременно Володька предупредил, что Васин иногда проводит рейды по общагам, и, если обнаружится, что в нашей комнате проживает нелегал, всех могут оштрафовать – к гадалке не ходи. Поэтому Макс пусть или скорее устраивается в «ЛЮМ», или ищет какое-то другое место обитания. Это сразу же малость успокоило: раз Йолин, и в самом деле, там жил, то всё будет нормально.

Сегодня на работе все отчего-то взвинченные, все бегают, суетятся... Спросил у кассирш, что за суматоха. Люська – она тут самая бойкая, пояснила, что приезжает ревизорская комиссия из главного офиса. Будут две ревизорши, которые выборочно проверят разные отделы. Например, могут просчитать элитную «алкашку», сыры или колбасы. Выказалась Люська и о самих ревизоршах. Одна из них – ещё и так, и сьяк, а вот главная в этой паре – завзятая зануда и стерва. Она уже давно копает под нашу директоршу, чтобы на её место пропихнуть свою знакомую.

– ...Так что, Петрович, нужно быть готовым к тому, что проверят любого из нас, – пояснила кассирша. – Эта мымра может устроить проверку на рабочем месте, а может и устро-

ить экзамен в кабинете Александры Юрьевны на знание служебных инструкций. Бывали случаи, даже увольняли людей по причине «несоответствия».

Ревизорши появились в начале одиннадцатого. Одна – брюнетка среднего роста в очках в брючном костюме, другая – тоже брюнетка, но в мини-юбке, только лишь до половины, обтягивающей её «корму» обхвата в полтора. Начали они ходить по отделам, что-то там при помощи Светланы пересчитывать. Я от них держусь подальше, обстановку контролирую на расстоянии. Но видно и издалека, что Светку эти две кобры шпыняют нещадно: и то им – не так, и это – не эдак... Она, бедная ходит, словно сама не своя.

Добрались ревизорши и до «алкашки». Там я, как раз, «пас» троих пацанов предармейского возраста – уж очень они облизывались, отираясь рядом с коньяками. И тут – эти проверяльщицы. Старшая идёт, ничего перед собой не видя, и не замечая. Подошла к стеллажам, осмотрела спиртное, и эдак через плечо бросает:

– У кого ключ от элитного алкоголя?

Ключ у меня, но я делаю вид, что ничего не слышал. Светка поясняет:

– Вот, у охранника... – и кивает в мою сторону.

И вот только тогда «их чванлившество» изволило обратить на меня своё «высокое» внимание. Говорит, переплёвывая через губу:

– У вас что-то со слухом не в порядке? По-моему, я спро-

сила у кого ключи!

Достаю ключ из кармана, показываю ей. Поясняю:

– Здесь есть люди, которые по рангу выше, – киваю в сторону Светланы. – А я впереди паровоза не бегаю.

Главзлыдня недовольно скривилась и приказала открыть шкаф. Открыл, ревизорши пересчитали все бутылки, потом эта «стройняшка» спрашивает:

– А где кнопка вызова? Вдруг, если здесь не будет никого, а покупатель желает приобрести интересующий его товар?

Светка отчего-то замешкалась, пришлось вмешаться мне:

– Вот она! – ткнул в кнопку пальцем.

Эта мадам глянула, хмыкнула недовольно, только что не хрюкнула, и молча пошла дальше. По морде видно: антипатии я у неё вызвал серьёзнейшие.

Попёрли проверяющие к кассам. Гляжу, туда же спешит и наша директорша. Теперь обер-зануда принялись за кассирш. Вопросы, вопросы, вопросы, вопросы... Смотрю, самая младшая – Тамара, сникла, скисла, прижухла. То ли на какой-то вопрос не смогла ответить, то ли ещё что, но уж на ней-то старшая ревизорша отыгралась по полной программе. Крови выпила чуть не полведра. И – опять пошли шариться по отделам. Только часу в пятом ревизорши, наконец-то отбыли. Наши девчонки издали общий вздох облегчения. Но мне почему-то так подумалось, что это ещё не конец. Наверняка, эти две мадам появятся тут ещё раз.

Вечером, уже перед закрытием, мне позвонил Пашка. Он

созванивался с Ромкой, и они обговаривали, как быть с Максом. Как оказалось, Ромка признался, что был не в восторге от его просьбы пожить у нас – это могло стать причиной такой, общей для всех мороки, что хуже не придумаешь. Он согласие, как бы, дал, но надеялся, что мы с Пашкой его отфутболим. А мы, явив мягкотелость, не отфутболили. И вот теперь Ромка сам не знал, как быть в подобной ситуации.

– Всё понятно... Вам это кажется неудобным, и поэтому вы хотели бы, чтобы с Максом поговорил я? Так, что ли? – спрашиваю его.

Он помялся, потом подтвердил:

– Да, дядь Лёш... Вы старше всех, у вас авторитет, и вас он поймёт лучше, чем любого из нас...

Ну, хорошо. Надо, значит, надо. Домой я с работы вернулся ближе к одиннадцати. Гляжу, Макс лежит на свободной раскладушке, смотрит в потолок. Спрашиваю:

– Ну, как успехи? С Васиным созванивался?

Он мнётся.

– Да, не получилось... Я раза два звонил, он к телефону не подошёл...

Всё понятно. Не звонил он никому, и звонить не собирался. Это плохо! Тогда, будем говорить более предметно.

– Макс, – говорю, – мы, конечно, помочь тебе готовы. Но ты и сам, малость, давай, напрягайся. Работу найти надо, и – чем быстрее, тем лучше. Мы с Володькой сегодня разговаривали – ты его знаешь, он считает, что, если сюда нагрянет

Васин, нам всем не поздоровится. Устроишься в «ЛОМ» – проблем нет, это койко-место будет твоим и далее. Ну а не устроишься... Ну, сам понимаешь, как быть.

Он кивает:

– Да, да, Петрович, я всё понял... Послезавтра, если что не получится, отсюда сваливаю. Завтра хочу поехать прямо в офис. Если с Васиным договориться не удастся, то поговорю с другими «буграми». Может, кто и возьмёт? Но я и здесь буду искать работу на стройках, или ещё где-нибудь... Найду!

Ну, вот, это совсем другой разговор! Предметно и по-мужски. Подъехали и все остальные. Я им передал наш разговор с Максом, парни облегчённо перевели дух.

Двадцать восьмое февраля

Вот и зиме конец! Позавчера, двадцать шестого, утром Макс, как и пообещал, начал собираться в Москву. Правда, сразу же пожаловался, что денег на поездку не хватает. А я прошедшим вечером на автобусной остановке нашёл бесхозный столик. Ну, отдал его Максу. Он:

– Ой, я верну, верну...

Но я сказал, что эти деньги не мои, поэтому мне возвращать ничего не нужно. Гляжу, Пашка тоже достаёт сторублёвку. Как потом оказалось, Ромка тоже дал сотку. Макс тут же побежал на электричку. Ну а мы все погнали на работу.

...Как я и думал, ревизорши снова заявили к нам, и начали шарить по магазину с новыми силами. Уж, не знаю, сколько пользы от их возни, но уж всем нам напрягов –

предостаточно. Все нервные, все взвинченные, у всех работа идёт кувырком... А старшей ревизорше это, как будто даже нравится – расхаживает с многозначительной ухмылочкой, вроде того: «Ну, вы у меня тут все попляшете!». Сегодня докапывались до правильности раскладки товаров, до своевременности выбраковки просрочки, проверяла состояние холодильных витрин. Опять пересчитывали спиртное. Светлана сказала, что, вроде бы, не хватило четырёх бутылок коньяка «Фронтной». Не многовато ли? По-моему, это уже явная брехня, какую-то муть погнали бабы. Спиртное у меня постоянно в поле зрения, и я ни разу не видел, чтобы кто-то с «алкашкой» проскочил мимо кассы.

Баламутили ревизорши часов до трёх, потом опять наступило затишье. Зато вечером в магазин завалили трое нехилых мужиков в камуфляже. Иду к ним – что за «трио бандуристов»? Один достаёт корочку: ГБР! Я их уведомляю:

– А я ГБР не вызывал!

Показываю пульт «тревожной кнопки» – она заблокирована монетой и пластырем. Они:

– А мы сами приехали с проверкой состояния работы охраны. Вы охранник? А почему одеты не по дресс-коду? Почему рубашка белая?

А у меня и в самом деле рубашка чуть голубого оттенка. Ну, а что поделаешь? Основную вечером постирал, а утром погладить не получилось – свет отключили. Ну и пришлось надевать такую, какая есть. Не ходить же в мятой? Но им

объяснил так:

– Это специально, для маскировки. В синей рубашке во-ришки меня видят от самого порога, и легко отслеживают перемещения по всему залу, что повышает их шансы совершить кражу. А в такой рубашке я, как бы, малозаметен, и в ней мне самому легче выявить потенциальных крадунов. Вон, в Чихалово, в тамошней «Удаче», я вообще одевался бомжом. Васин тоже, сначала был в шоке, а потом даже одобрил.

– Это вы, что же, постоянно в такой рубашке дежурите?

– Нет, только сегодня. Предполагаю появление одного ушлого мужичка, который давно уже пытается совершить кражу, но это у него не проходило из-за моего присутствия. Два дня назад он здесь был, тёрся около спиртного. Если сегодня появится, постараюсь взять его с поличным. Кстати, если задержу, вас вызывать?

Они:

– Да, да, конечно, обязательно!

– Хорошо, договорились. Но тогда возникает вопрос: а как скоро вы сможете прибыть? Скажем, в Стукачихе был у меня такой случай, когда я вызвал ГБР. Не хочу никого обидеть, но ГБР прибыла только через полчаса после нажатия на кнопку. Я уж было подумал, что пульт вызова неисправен.

Они начали объяснять, что у них тоже проблем выше крыши, а с учётом зимы не всегда удаётся быстро доехать, но они в любом случае приезжают и принимают меры. Рассказали и

про систему проверки «тревожной кнопки». Оказывается, её обязательно надо проверять не реже раза в неделю. Для этого предварительно следует позвонить по специальному телефону оператору ГБР и предупредить, что сейчас на таком-то объекте будет проверка работы «кнопки», после чего включаешь вызов. А оператор потом даёт заключение по работе кнопки – исправна или нет. В пультах, оказывается, не так уж и редко случаются неполадки – или контакт в самой кнопке нарушен, или элемент питания разрядился...

Больше полчаса мы обсуждали все эти проблемы, они собирались уходить, и тут старший опомнился:

– О, блин! Мужики! Мы же приехали с полномасштабной проверкой, и, по идее, должны были бы оштрафовать охранника за нарушение дресс-кода! Ну, лихо он нас уболтал! Ёшкин кот, даже забыли зачем и прибыли. Вы здесь свою «сигналку»-то хоть проверяете?

– Ну, понятное дело – ежедневно об этом расписываюсь в журнале. Могу показать. Все контрольные индикаторы горят, так что, электроника у нас в исправности. Директор следит за этим строго. И, можно сказать, в этом смысле – проблем никаких нет.

Они жмут плечами: ну, ладно, будем считать, что всё было нормально, и – на выход. Идут и смеются: вот, типа, нарвались!.. Ага! Знали бы вы, с кем связались! Тот, кто более тридцати лет назад отдувался на бюро райкома партии за чрезмерно расплодившееся поголовье жука кузьки и рекорд-

ные намолоты лебеды, вам, ребята, не по зубам. Там «синклит» собирался – не хухры-мухры. Иных «штрафников» с такого заседания с инфарктами увозила «неотложка»...

Пошёл к директорше, она в это время что-то выверяла по журналам. Рассказал о визите ГБРовцев и спросил, когда последний раз проверялась работоспособность «тревожной кнопки». Александра меня выслушала молча, некоторое время о чём-то думала, после чего пообещала, что на днях проверим обязательно.

Просрочка тем вечером была суперская. Её не слишком много, зато – какая! И колбаса, и шоколад... Но директорша на работе засиделась допоздна, поэтому с халявой – полный оболон. После закрытия направляюсь к выходу, заглядываю в вагонетку. Эх, эту бы просрочку, да на доброе дело! Но... Низ-зя! Когда я уже подхожу к двери терминала, где не захватывают камеры, со стороны раздевалки ко мне подбегает Людмила и суёт в сумку полукилограммовую палку хорошей, любительской колбасы.

– Петрович, это – вам!

Ух ты! Ну, девчонки! Не дадут умереть с голоду!..

Приехал в общагу, там уже Макс, чай распивает. Физиономия довольная, видимо, что-то хорошее сказали. И – верно, он и в самом деле сумел договориться с Васиным, что тот меняет, так сказать, гнев на милость, и завтра-послезавтра что-нибудь ему подыщет. Предположительно, в торговой сети «Корзиночка». Но, несмотря на это, Макс ждуть у моря

погоды не собирается. Завтра ещё раз пройдёт по Боровкам и Рогожному. Кроме того, собирается восстановить отношения со своей бывшей квартирной хозяйкой.

Что за хозяйка? Что за отношения?.. Ну-ка, ну-ка! Оказывается, Макс ещё пару лет назад, прибыв сюда на вахту, кормить клопов в общаге не пожелал (их тут была – тьма, пока Володька с Ромкой не потравили), и подыскал себе квартиру с достаточно молодой хозяйкой, так сказать, не потерявшей интереса к жизни. Собственно говоря, она сама изначально поставила условие: как квартирант он нужен только в том случае, если будет для неё ещё и мужчиной. Макс, понятное дело, согласился сразу же – в этом их пожелания совпали как нельзя лучше.

Всё шло нормально, но перед нынешним Новым годом в голову ему ударила дурь, он надрался до чёртиков, после чего в момент вылетел с работы, да ещё надумал свою, теперь уже сожительницу, малость «пошугать». Но, не на ту нарвался. Она сама его так «шугнула», что он с вещами оказался на улице. Макс тут же подался к Васину на поклон. Тот ему грешок простил, восстановил на прежнем месте и определил в эту общагу. А Макс опять сорвался – выпил прямо на рабочем месте с полбутылки пива, за чем его и застал директор. Снова выгнали. Несколько недель пробомжевав в Москве, он в очередной раз вернулся в Боровки, надеясь начать всё сначала – и с работой, и с квартирной хозяйкой. Вот сейчас думает пойти к ней – может, поймёт и простит?

Слушаю его, и разбирает недоумение.

– Подожди, подожди Макс... Но ты же говорил, что у тебя, вроде бы, дома есть жена, двое детей. Она-то как относится к этой твоей ППЖ – «передвижной полевой жене»?

– А я ей, что, докладываюсь об этом?

– Но, говорят, женщины как кошки чувят соперниц на расстоянии...

– По-моему, это брехня. Моя ни разу мне ничего не сказала.

– Она и не скажет. Она, просто, расплатится с тобой той же «монетой» ...

Макс морщится, машет рукой и, приглушив голос признаётся:

– Знаешь, Петрович, я и сам уже подумывал, что у моей, когда я в отъезде, мужики бывают. Но винить её ни в чём не собираюсь. Мы с ней в гражданском браке состоим – не расписаны, не венчаны. Старший пацан у неё от первого мужа, младший – мой. Поэтому деньги ей посылаю как своей законной жене. Ну, а что касается этой самой супружеской верности... Ну, понятное дело, как может молодая, здоровая баба – кровь с молоком! – обойтись без мужика, пока я месяцами валандаюсь в Москве? Да и она знает, что неделю-то я ещё выдержу, а потом – всё равно пойду «налево».

– А у вас, что, дома с работой совсем никуда?

– Не то слово! Я вот дом начал строить, а денег – где взять на стройку? Только здесь. Работать приходится по две-три

вахты подряд – живу отсюда далеко, то и дело не наездишься.

– С домом-то хоть движется?

– Движется. Коробку уже почти закончил, в этом году крышу поставлю, окна, двери... Домой приезжаю – сразу начинается работа без продыху. А здесь я, можно сказать, отдыхаю, да ещё и деньги за это платят. Одно на вахте плохо: неделя проходит, без женщины у меня «чердак ехать» начинается. Поэтому, завтра же пойду к своей здешней. А вдруг, снова примет? И моя там, я думаю, даже если про эту и узнает, всё равно сможет понять. Знаешь, я никогда не приезжаю домой, вот так, резко, как снег на голову. Звоню заранее: роднуля, через два дня буду, встречай! И все довольны, и всем хорошо...

Да, похожих историй слышать доводилось немало. Пока «за жизнь» разговаривали с Максом, постепенно подтянулись и все остальные. Смотрю на Ромку – он какой-то задумчиво-загадочный. Что там ещё приключилось? Да у него всё только самое хорошее: он начал оформлять свою будущую семейную жизнь. Оказывается, его вахта вчера закончилась, и сегодня Ромка со своей избранницей подали заявление в ЗАГС, поэтому на днях он уходит от нас к ней насовсем. Вот такая обыденная романтика.

...А вчера, двадцать седьмого, нас опять лихорадило. Утром зашёл я в терминал, навстречу – Светлана, рассказывает, что ревизорши нашим магазином остались очень недовольны, напели начальству, будто бы работаем из рук вон

плохо и, заодно, особо отметили плохую работу охранника. То есть, меня. Дескать, задержаний ни одного, что означает потакание расхитителям товаров. Правда, при пересчёте кроме коньяка (да и это ещё нуждается в уточнении!), нехватки колбас, сыров и дорогих сортов кофе, не обнаружено. Но «телегу» в «ЛОМ» они уже накатали. Теперь надо ждать звонка Васина...

В зал захожу уже несколько «заведённым». Кассирши интересуются причинами моего не шибко радостного вида. Упоминание о ревизоршах они воспринимают спокойно. По их словам, ещё не было случая, чтобы эти две мымры кем-то остались довольны. На всех охранников, которые оказались здесь во время их проверок, они регулярно отправляли Васину свои «телеги». Но он никого не выгонял. Разве что, тех, кто сам накосячил с пьянкой или выносом товара. Были, оказывается и такие – вместо того, чтобы охранять, они поворовывали сами.

Восемь утра. Открываю дверь, и – пошёл, и – пошёл народ! В числе первых появился и всё тот же «баскетболист». Как же он мне осточертел! Впрочем, наверное, где-то сто волков стали вегетарианцами: проходит он мимо меня, и – надо же такому случиться! – здороваётся! Похоже, наш хитрец решил изменить тактику. Вроде того, нахрапом взять ничего не удалось, теперь хочет втереться в доверие. Хожу по залу, наблюдаю за покупателями, «баскетболиста» из поля зрения не выпускаю. Но сегодня он демонстративно «пра-

вильный» – вошёл с корзиной, за стеллажами не хоронится, набрал товара и – на кассу. Рыдаем-с от умиления!

А ещё отчего-то у очень многих открылся аппетит на красную икру. Шкафчик мне пришлось открывать то и дело. Во время очередного похода к шкафчику запиликал мой телефон. Догадался сразу: Васин. Начал он издалека – как идут дела, как условия в общежитии... Сказал ему, что и на работе всё путём, и в общаге – как всегда. Жду: когда же он перейдёт к «телеге» ревизоров. Ага, начал! Спрашивает: как с задержаниями? Да, без изменений. У нас не крадут, задерживать некого.

– ...Ну, так не бывает! Вот, ревизоры установили нехватку четырёх бутылок коньяка. Значит, они украдены.

– Игорь Иванович, мне и в Стукачихе постоянно говорили об этом же. А как прошла тотальная инвентаризация, то оказалось, что нехватка товаров на десятки и сотни тысяч, о чём мне талдычили все три недели, была наглым враньём тех, кто это сочинял. И это при том, что там планировка торгового зала – хуже не придумаешь, воруй – не хочу! Здесь же у меня всё, как на ладони. Четыре коньяка... Если бы водка пропала – я бы скорее поверил.

– Ну, надо, надо ловить! Без задержаний – никак!

– Хорошо! Вон, я гляжу, женщина набирает продуктов в свою сумку. На кассе я обязательно посмотрю, чего она набрала. Но не прикажут же мне проверять её карманы и лезть под одежду? Или прикажут?

– Гм! Гм! Гм! Ну, глядеть, глядеть лучше надо! А то, вон, ревизоры прислали нам реляцию, что у вас там охрана со- всем мышей не ловит.

– Это, когда же они успели заметить-то? Когда ходили, крутили своими «полушариями» перед мужиками, в том числе, и передо мной?

Васин в трубку «гыгыкнул», дал «ЦУ» быть бдительнее, и наш разговор закончился. В принципе, это меня даже успокоило – судя по всему, увольнением не пахнет. Снова хожу по залу. Отслеживаю, кто и чего взял, кто и что выложил на кассе. Уже поздним вечером, незадолго до закрытия, замечаю какого-то долговязенького, длинноносого типа, который с вороватым видом копался в товарах. Ага, думаю, вот этого-то голубчика я и застопорю на выходе! С отдаления наблюдаю за ним, жду, когда он пойдёт к кассе.

Ждать пришлось почти полчаса. Наконец, вижу, идёт он в сторону кассы, на морде какое-то непонятное выражение, как будто кому-то собирается устроить крупную подлянку. Выкладывает покупки на прилавок, Тамара их пробивает, вышло что-то на полторы тысячи с небольшим. Он отдаёт деньги, берёт чек и неожиданно начинает рассматривать упаковки. Спрашивает Тамару:

– А почему это вы мне продали просроченные товары? Вот, гляньте! Этот товар должны были снять с реализации вчера, этот – ещё два дня назад!

И тут до меня доходит: это же так называемый «тайный

покупатель»! Тамара растерялась, по сторонам озирается. Я подошёл, спрашиваю:

– Наверное, нет никаких проблем пойти, и заменить товар на такой же, но непросроченный? Идите, выбирайте.

Он с нескрываемым злорадством:

– Не-е-е-т! Мне пробили просроченный товар, а согласно правилам, я имею право взять любой другой товар на такую же сумму бесплатно. Так что, может быть, решим этот вопрос законным путём, или мне обратиться в вашу службу безопасности? Её номер у меня в телефоне.

Ну, «красава»! Я о таком положении даже не слышал – ну, насчёт того, чтобы на халяву можно было взять другой, непросроченный товар. Прибежала Светлана. Выяснила в чём дело и махнула рукой – иди, бери. Он пошёл, взял заламинированную форель и осьминога. Как раз, на полторы тысячи. Время было уже десять, дверь я уже запер. Он вышел, но тут же вернулся, долбит в стекло. Гляжу на Светлану: открыть? Она кивает – открой. Впустил. Чего ещё надо? Оказывается, он забыл на кассе забрать деньги. Видать, от жадности даже память заклинило. Теперь девчонкам придётся эти полторы тысячи выплачивать из своего кармана. Спасибо, набрал не на пять-десять тысяч.

Единственное приятное воспоминание этого вечера – просрочка, халява... Перед тем, как идти на остановку, опять всё детально проверил, но ни алкашей, ни ГБРовцев не обнаружилось. Приехал в общагу, там никого, даже Мак-

са нет. Либо, и в самом деле он опять вернулся к своей подмосковной пассии? Пашка пришёл, рассказывает, что днём Макс заходил в их магазин, брал продукты. Ну, скорее всего, так оно и случилось – воссоединились-таки «любящие сердца»!

...Ну а сегодня утро оказалось почти весенним. На улице плюс один, всё течёт, отовсюду капает. На дорогах лужи и ручьи. Вышли с Пашкой на улицу – чуть ли не жара. На работе у всех наших тоже весенние настроения. Только и разговоров о весенних праздниках. Пошёл народ. Смотрю, девочки мне показывают на какого-то низенького мужичишку унылого вида. Подхожу к ним уточнить: что за фрукт? Они дают характеристику: за этим типом – глаз, да глаз нужен. Слямзить может всё, что угодно. Что, в самом деле? Ладно, тот «баскетболист» – у него и «фейс» вполне криминального фасона, такой фрукт, что запросто может «прихватизировать» всё то, что и хорошо, и плохо лежит. А этот-то – заморыш упоротый... И он – туда же?

Ну, хорошо, начал его «пасти». И сразу же понял, что это он просёк в один момент. О, как! Чутьё у заморыша звериное – сразу уловил, что оказался под моим наблюдением. Побегал он по отделах, побегал, купил «фугас» пива и ушёл. Но мне что-то сразу же подсказало: это была «разведка боем». Видимо, он от своих информаторов узнал, что во «Вкусе» новый охранник, и поэтому приходил проверить обстановку. Но почему он пришёл лишь через полторы недели после то-

го, как я заступил? Может быть, ему хорошо «пёрло» в других магазинах, а сейчас его там начали гонять, и поэтому понадобилась другая «кормушка»? Посмотрим...

Часу в десятом в зал пришла директорша и сделала мне замечание по поводу тележки, которая всю ночь простояла на крыльце (как только её не спёрли!). Как я понял, кто-то из покупателей поздним вечером вывез на крыльцо покупки, отнёс их в машину, а тележку оставил сбоку, в тени. Когда я закрывал магазин, она на глаза не попала, и осталась там ночевать. Вот, нагрузили на меня эту обузу! Уже в печёнках эти чёртовы тележки. Только, бывает, заметишь, что кто-то покатиł покупки на улицу – всё, уже на уровне рефлекса бежишь следом: не забудьте вернуть! Потом ещё раз несколько проверишь – вернул ли? Покупателям – им-то «до лампочки», кого и сколько раз будут бить по башке и по карману. Ну а директриса, чуть заметит брошенную тележку, по этому поводу устраивает занудные разносы. Причём, некоторые идиоты, как нарочно, оставляют тележки, вообще, где-нибудь за углом. Поди, найди их!

Ближе к обеду заглянул к нам ещё один пьянчуга с излишне липкими руками. Мне про него Люба рассказала. Иду мимо касс, она мне рукой машет. Что такое? Сказала шёпотом, что вон тот мужик в синей куртке с капюшоном был замечен в краже сыров и кофе. Всё понятно... Беру его под наблюдение. Иду по параллельному ряду и отслеживаю, что и где он берёт. Тут появляется наша несравненная Александра

Юрьевна и, стоя рядом с крадуном, озирается по сторонам и на весь магазин выдаёт:

– Алексей Петрович, где вы там? От кого это вы там за стеллажами прячетесь? Надо ходить, контролировать обстановку...

Типун... Вернее – типунице на весь твой язык! Вот, дубина бестолковая! Все мои усилия свела на нет. Этот хмырь сразу же, как вьюн шмыгнул к кассам, и – всё. Что у него было, показал, оплатил, и – был таков. Ну и как тут кого-то задерживать, если такие вот «умняшки» в самый интересный момент начинают давать свои никому не нужные распоряжения?!

Правда, я сразу же заметил, что наша директриса сегодня вообще не в адеквате. То спугнула крадуна, то в обед, когда я подошёл к ней за ключом от столовки, сделала вид, будто меня не слышит. Спросил ещё раз. «Не слышит». Ну и чёрт с тобой! Повернулся и ушёл. Поел уже в пятом часу, когда она ушла и вместо неё осталась Светлана. Что за дурь у неё в башке засела? Хотя, и не у неё одной. Что за день был?

Вот, где-то в обед слышу, со стороны касс доносятся голоса – кто-то надумал там бузить. Ну, я быстрее туда. Вижу – молодой тип, прямо, копия забугорного «нетрадиционала», именующего себя Кончитой Вурст, наезжает на Людмилу. Вроде того, ему дали не те сигареты, какие ему хотелось. Он, видите ли, заказал пачку, какой-то там, условно называть, «тирлим-бом-бом» синий, а ему, понимаете ли, дали

красный. И вот это «беспредельное безобразие» вывело его из душевного равновесия. Людмила ему объясняет:

– Но вы же мне не сказали, что вам нужен именно красный!

Эта «Кончита» в ответ с дешёвым апломбом визжит на весь зал, корча из себя капризную кинозвезду:

– Вы уже должны бы это знать – я у вас постоянно покупаю эти сигареты, и только в синем! Неужели это так трудно запомнить?!

Да, кто ты такой, больной на всю голову баран ценурозный, чтобы кто-то держал в памяти, чем ты там дымишь?! Подхожу, спрашиваю:

– Чего глотку дерём? Почему нарушаем общественный порядок? Убавь громкость, а то сейчас вызову полицию, и запросто можешь схлопотать статью двести тринадцатую, часть первая.

Он мне с эдаким выпендрозом (но уже без воплей и визготни!):

– Покупатель всегда прав! Я имею право выразить свои претензии в плане обслуживания покупателей.

Ишь ты, деловое хамло! Ставлю его на место:

– Претензии выражаются в установленном законом порядке, а не так, кому как заблагорассудится. Кстати, у нас над каждой кассой камера видеонаблюдения, и ваши действия, которые вполне тянут на мелкое хулиганство, уже зафиксированы. Уведомляю, что если кто-то недоволен обслужива-

нием, то он должен обратиться к старшему администратору и написать ему заявление. А всякая тут самодеятельность не допускается. Ясно?

Он орать перестал, но продолжает корчить из себя особую персону.

– Х-хе! Заявление? Хорошо! Прямо сейчас напишу!

Ну а я ему добавляю:

– И ещё... Если ты мужик, то и веди себя как мужик, а не как склочная базарная торговка. По-моему, закатывать истерику из-за каких-то сигарет – это дешёвые понты, и полное позорище.

Вижу, «сдулся» он окончательно. Скривился, забрал сигареты и молча ушёл с оскорблённым видом. Типа того: здесь меня не поняли! После обеда настало затишье. Народу не очень много. Я как бы даже расслабился, и тут... Опаньки! Снова появился тот «метр с кепкой», а с ним – двое приятелей. Один среднего роста, другой – «фитиль» на метр девяносто, да ещё и с длинными волосищами на голове, которые когда-то называли «битлами». Пошли они по рядам, я тут же следом за ними. Они это дело уловили, чего-то там пошущукались, длинный сбегал за корзиной, и начали они комедничать. Берут, например, батон, поднимают вверх, демонстративно всем показывают, а потом уже кладут в корзину. Ну, меня-то этой идиотчиной не проймёшь! Выёживайтесь, как вам заблагорассудится – это ваши дела. А вот моё дело – за вами приглядывать. Видят они, что я их выпендрозы игно-

рирую, ну и всё, дурака валять сразу же кончили. Быстренько затарились, и пошли на кассу.

Вечером опять перепало некоторое количество просрочки. Девчонки говорят, последнее время с этим стало сложнее. И директорша чаще стала задерживаться по вечерам, и Светлана постоянно в напряге, боится, что могут кого-то сцапать, и тогда ей гарантированно не поздоровится.

Четвёртое марта

Вчера утром с Пашкой пошли на остановку, там – компания девчонок, их человек пять, дожидаются автобуса. Судя по сумкам, книгам и планшетам, какие-то студентки. Пашка их как увидел, сразу насупился, и даже малость сник. Ну, до чего же потешно он выглядит в таких ситуациях! Стоим, ждём транспорт. Девчонки обсуждают свои какие-то дела, смеются, толкаются. В общем, радуются жизни. Пашка демонстративно смотрит куда-то в космос, типа того: «Да мне всё по бараба-а-ну, да они не в моём вку-у-се» ...

Вид у него, как у беззубого, которому подарили мешок орехов. Меня смех разбирает, а он это видит, и хмурится ещё больше. Но говорить ему ничего не стал. Что уж лишний раз наступать на больные мозоли, если он и сам на свою жизнь хронически обижен?!

У нас с понедельника заступил первый состав кассиров. Про ревизорш и их «славные дела» все уже наслышаны. Римма уверена, что приедут они и в их смену. О старшей ревизорше мнения она однозначного:

– Знаю я эту Катюку Хваталову. Сколько здесь работает, ни разу о ней ничего доброго не слышала. Стерва конченная. Два раза была замужем, оба мужа ушли от неё через месяц после ЗАГСа. Ищет третьего, и обязательно богатого...

Девчонки смеются: ага, миллионеры в очередь выстроились! О второй Римма говорит более сдержанно:

– С этой я не очень часто «пересекалась», но, слышала, что она ещё, как бы, ничего. Совесть ещё, вроде бы, имеет.

С первыми же покупателями в магазине появился «Кончита Вурст». Я сразу же от «алкашки» переместился к кассам – мало ли что на уме у этого убогого? Подошёл он к кассе, где работала Женька, и заказал свой синий «тирлим-бомбом», уже безо всяких выпендрозов и качания прав. Расплатился и ушёл. Женька ко мне оборачивается, спрашивает:

– Петрович, а вы сюда специально подошли?

– Специально. Позавчера он тут уже был, наезжал на Людмилу, такую визготню тут устроил! Поэтому решил подстраховать – вдруг, опять учинит дебош?

Она смеётся.

– Его я немного знаю. Он живёт вон, в тех девятиэтажках, в конце улицы. Говорят, что у него с ориентацией не всё в порядке.

Открыла Америку! Да это и так заметно, что и с головой он не дружит, и «неформатом» отдаёт за версту.

Сегодня заходил за пивом один бывший коллега по охране. Он офицер-отставник, неделю назад здесь уже был. Рас-

сказывал мне, что несколько лет подряд работал охранником, потом бросил. Его тоже достали всё тем же, чем сейчас допекают меня – «нет задержаний». Да и ноги стали болеть – походи-ка целый день взад-вперёд! Тоже много чего было во времена его «карьеры» в «ЛОМе». Случались и стычки с отморозками, приходилось и шишки ловить, если кого-то задерживал с выносом товара, а тот ухитрялся отвертеться. Поэтому мнение у нас общее и единодушное: поганая работа!

Расстались с экс-коллегой, иду по залу, и вижу «радостную» картину: из грузового терминала вываливает Катька Хваталова, следом выходит её помощница. Ну, всё, думаю, сейчас опять начнётся гибрид тотального запора и профузной диареи. Опять они чего-то там всё проверяли и подсчитывали, опять кассирш требушили. Потом, как видно, утомились, и пошли в администраторский отсек.

Но, чую, это ещё не конец. Что-то ещё будет. И тут – на тебе! – вижу Васина, который подошёл к кассиршам и о чём-то у них спрашивает. Похоже, обо мне. Ага, думаю, надо чего-то «свосьмерить». Вспомнил недавний случай с директрисой, как она спугнула крадуна. А что, если эту ситуацию как следует обыграть? Нормальный вариант! Притаился я за стеллажами, делаю вид, будто наблюдаю за одним там бомжеватым мужиком, который крутится подле колбас. Слышу сзади голос Васина:

– Что здесь стоим? Почему не ходим по залу?

Рукой мотаю, мол – тише, тише! Потом вздыхаю и качаю головой.

– Эх, Игорь Иванович, Игорь Иванович! Всё, облом с задержанием!

– Как? Почему? – он растерянно хлопает глазами.

– Вон, мужик пошёл. У меня насчёт него есть очень серьёзные подозрения, хотел дать ему возможность хоть что-нибудь под одеждой припрятать, а потом на выходе его – опа! – и проверить. А теперь – всё! Ишь как чесанул из этого отдела... Сразу, зараза, просёк, что его «пасли»!

У Васина, естественно, все вопросы насчёт задержаний тут же отпали в момент – не стал о них спрашивать вообще. Спросил лишь, какая здесь, в общем и целом, обстановка. Какая... На мой взгляд – вполне нормальная. Единственно, кто её портит – две, не вполне адекватные проверяющие, устроившие в магазине из банальной проверки какой-то бестолковый, долгоиграющий триллер. Что тут ещё скажешь? Васин покивал, и ушёл в администраторский отсек.

Ну, ладно... Первый раунд, хоть и по очкам, но я выиграл. Интересно, что же мне ещё на сегодня приготовили? Какую ещё подянку собираются устроить? Смотрю, идёт ко мне Светлана.

– Петрович, идём, вызывают...

Ага! Вот оно чего! Катька собирается мне «вправлять мозги» ... Ну, что ж, посмотрим, кто кого! Иду на эту «правилку». В кабинете сидят директорша Александра, Катька и

её помощница. Тут же рядом – Васин. Вошли мы со Светланой (она какая-то смурная, сникшая – видимо, замордовали её эти две заразы в конец). Войдя, на физии я сразу же изобразил нахальную улыбочку (ну, во всяком случае, мне хотелось, чтобы она им показалась именно такой). Уведомляю:

– Слушаю вас!

Катька, с мордой главного инквизитора, изрекает:

– Это мы вас слушаем! Нас интересует, почему так плохо работаете? По нашим подсчётам, есть очень большая недостача спиртного. А у вас ни одного задержания. Вы чем занимаетесь на рабочем месте?

– Чем? Охраняю товары, поддерживаю общественный порядок. С утверждением о большой недостаче спиртного не согласен категорически. Это может подтвердить только тотальная инвентаризация, а не выборочная проверка, которая никак не учитывает алкоголь, проданный в день проверки, или тот, что где-нибудь на складе оказался заваленным другими товарами.

Директриса сделала большие глаза.

– Вы считаете, что у нас на складе беспорядок?

Парирую без намёка на пиетет:

– Идеальный порядок возможен только на кладбище. А там, где работают живые люди, возможно всё, что угодно. Когда я работал в Стукачихе, мне все уши прожужжали заявлениями о пропажах огромных количеств алкоголя. Но прошла тотальная инвентаризация, и она показала, что пропажи

мизерные. Даже господин Шмагун – уж его-то Игорь Иванович знает очень хорошо! – был вынужден согласиться, что там у нас не крали. Напомню хорошее правило: чисто не там, где без конца метут, а там, где не сорят. И ещё. Вот, сейчас меня в зале нет. Как говорят в народе? Кот из дома – мыши в пляс. Уверен, сейчас там запросто может начаться наглая растащиловка. И кто в этом будет виноват?

Катька аж заходилась от злости.

– Нет, вы посмотрите! Его послушать – так это мы тут во всём виноваты! Игорь Иванович, у меня просто слов нет по поводу ваших кадров. Где вы их находите? Как он с руководством разговаривает?! Это чёрт знает что!

Васин заёрзал и начал перед ней оправдываться, что, в общем-то, я не такой уж и плохой работник, что на моих объектах никогда нет хулиганства, что я и в самом деле не допускаю краж... Но к этому моменту меня уже здорово разобрало. Говорю, а самому так и хочется обложить Катьку не то, что в семь, а в тринадцать этажей:

– Простите, а вы, что, считаете, я должен сейчас пасть на колени и посыпать голову пеплом? У кого-то есть объективные доказательства того, что я плохо исполняю обязанности, из-за чего здесь всё растаскивается и разворовывается? Кто-то меня хоть раз видел выпившим? Кто-то видел, чтобы я рассиживался, а в это время выносился товар?

Катька аж подпрыгнула:

– Есть твёрдое правило: нет задержаний – есть кражи! Ра-

ботать надо лучше, а не демагогию разводить! Вы хотя бы свои обязанности знаете? Кто должен переносить деньги, когда в конце рабочего дня снимается касса? Кто?

Ну, кто-кто? Отвечаю:

– Материально ответственные лица, рангом не ниже замдиректора. Во всяком случае, в «Удаче» эту работу выполняли замы директора поочерёдно, каждый в свою смену. Здесь при выемке кассы я сопровождаю директора. Она лично их забирает из кассы и переносит.

Катька изобразила недовольную гримасу, как будто хотела сказать: «О, боже! Что за бред он несёт?!», посокрушалась никудышным уровнем подготовки охранников, и начала давать свои «ценные указания». Начала с того, что я каждый день должен пересчитывать спиртное и, в случае недостачи, немедленно об этом докладывать директору. Директор, изучив записи камер наблюдения, должен выявить тех, кто совершил кражу, и это нам даст возможность хотя бы при попытке следующей кражи произвести задержание. Несёт она эту ахиною, аж уши вянут. Интересуюсь:

– Простите, а разве директор имеет право без согласования с вышестоящим руководством просматривать видеозаписи? Что в «Купи!», что во «Вкусе» – это строго под запретом. Вы об этом не в курсе?

Хваталова тут же словно огурцом подавилась. К Александре поворачивается, а та и не знает, что сказать. Только молча разводит руками, дескать, да: что – есть, то – есть... Кать-

ка, гляжу, растерялась, закашлялась даже.

– Ч-что... Нель-зя?! С этим обязательно надо разобраться-ся! Да! – машет мне рукой. – А вы идите, идите, работайте, а то, чего доброго, и в самом деле растащат весь магазин!

Васин пытается изобразить суровый вид, но, похоже, держится из последних сил, чтобы не заржать во весь голос. Выхожу, Женька ко мне бежит:

– Ну, что там вам сказали?

Изображаю горестный вид, тяжело вздыхаю.

– Выгнали... Ой, выгнали-и-и...

Она сочувственно всплёскивает руками.

– Вот, твари! И куда ж вы теперь?

– Женья, да, пошутил я! Погавкали-погавкали, да и отстали. Всё нормально!

– Ну и, слава богу! А то мы тут переживаем – что уж они так долго терзают Петровича?!

– «Терзают» ... Видела бы ты, как сейчас Катька облажалась, и как при всех села в лужу! Это было – «что-то»!

Бегу в «алкашку». Там человека четыре отирается. Гляжу на них. Вроде, незаметно, чтобы кто-то под одежду сунул спиртное. Но, если честно, то в этот момент после той дури, которой я только что наслушался, мне было бы наплевать, даже если бы кто-то что-то и прихапал. Ну а мужики, видимо, почуяв появившийся присмотр (да и видок, надо думать, у меня был не самый ласковый), минут за десять рассосались. И тут наши девчонки мне сообщает, что какая-то ма-

дам, набрав целую тележку продуктов, покатила их прямо к себе домой.

Я бегом на улицу, сворачиваю за угол и вижу уже в сотне метров от магазина небедно одетую особу, которая толкала перед собой тележку. Догоняю.

– Куда едем? Почему без разрешения взяли тележку? Выгружайтесь, мне её нужно забрать.

Она начинает заламывать руки:

– Ну, как я потом всё это понесу домой?! Ну, вы что, думаете, мне нужна эта ваша тележка? Вот, сейчас довезу, и тут же верну её назад.

Вот, пришиби тебя Тунгусский метеорит!! Как же быть-то? Стою на сыром, пронизывающем ветру, только в рубашке и тельняшке, и соображаю, что, если сейчас с этой артисткой дойду до её дома, то пневмонию заработаю – как минимум. Ну и не по-людски было бы вываливать её покупки на снег. Тут идут две, вроде бы, приличного вида тётки, годами под семьдесят. Услышали наш спор, начали меня убеждать:

– Да, разрешите вы ей довезти продукты до дому! Мы тут все друг друга знаем, она живёт вон в том пятнадцатом доме. Можем поручиться, что она не обманет!

Говорю ей:

– Назовите ваш точный адрес!

– Улица Щёрса пятнадцать, квартира три, Куликова Анна.

Ну, ладно, думаю, если что – схожу прямо к ней домой, заберу. И, бегом назад! Пока добежал до магазина, пробрало

ветром – до соплей. Потом, пару часов спустя, ещё двое намылились тележки взять с собой. Что за чепуха? Ну, этих-то я тормознул сразу и заставил перегрузить покупки в пакеты. Тося подсказывает:

– К весне уже готовятся, черти, к дачному сезону. Наши тележки на даче – самое то!

Ах, вон оно что! Только теперь до меня дошло, что «обула» меня та паразитка по полной. Чёрта с два она вернёт тележку! И эти две старые мымры, тоже нагло соврали, маразматички предынсультные... Ну и народ здесь! Правильно говорят, что чужого дурака не передуракуешь. Ну, что поделаешь? Лопухнулся я, значит – лопухнулся. Понятное дело, директорше об этом – ни слова. Не переломятся они и без этой тележки. А мне оплачивать всю эти ширли-мырли – не по карману.

Тем не менее, вечером, по пути к автобусной остановке, специально сделал я крюка, и свернул на улицу Щёрса, к дому пятнадцать. Вижу там шумную, такую, компанию парней предармейского возраста, поинтересовался: не знают ли они Куликову Анну из третьей квартиры?

Парни переглянулись и сказали, что никакой Анны Куликовой в этой квартире сроду не было. Там проживают старенькие дедуля с бабулей. И – всё... Поблагодарил, иду дальше. Слышу, один из парней окликает (по голосу сразу же догадываюсь, что он собирается приколоться, чертяка):

– Дядь, а вам именно эта Анна нужна? А то могу поде-

литься адреском ещё одной Анны. Та Анна ничуть не хуже. Такая – няшка, такая м-м-м-м-илашка!..

– Да, нет, спасибо, как-нибудь в следующий раз!

Его приятели заливаются хохотом, и подначивают его самого:

– А ты, что, к ней ходил, что ль?

– Так, а где бы я тогда подцепил свою первую «венерку»?! – авторитетно уведомляет он.

Общий дикий гогот. Подхожу к остановке, там уже стоит Римма – она тоже живёт в Боровках. Спрашивает:

– Петрович, а что это вы с той стороны идёте?

Нахально вру (не рассказывать же ей про «прихватизированную» тележку!):

– Да, думал срезать угол, а запёрся в такие дебри, что и не рад уже был.

– И не боитесь ходить по всяким глухим закоулкам? Там, вон, я гляжу, какая-то шальная компания шумит. Как бы не намяли бока!

– Да, нормальные ребята, с чувством юмора.

– Ага! Я однажды встретилась сразу с пятью такими «юмористами» – еле отбилась!

Развожу руками.

– Ну, положим, я не женщина, и за себя постоять сумею. А иначе, чего бы мне делать в охране?

...Хоть вчерашним вечером мне и не повезло найти тележку и ту крадунью, что её спёрла, сегодня утром, приска-

кав на работу, первым делом я обежал магазин по периметру. Ну, поддался такому одномоментному наивняку – а вдруг? А вдруг, в той заразе проснулась совесть, и она вернула-таки украденное?! Фи-гу-шки! Совесть не проснулась. Никакой тележки не оказалось и близко. Да-а-а... Мелочь, а неприятно.

Когда открыл магазин, одним из первых опять притащился всё тот же «Кончита Вурст» (якорь ему в «корму»)! И, что интересно, он опять пошёл на кассу к Женьке. Впрочем, это объяснимо – она у нас и обаяшка, и симпатяшка, и даже очаровашка – на неё очень многие западают. Одно непонятно: если он и в самом деле «цветной», то какой тогда интерес у него может быть к женщине?!

И вот, подрулило это антропологическое недоразумение к кассе, и снова запросило всё те же «тирлим-бом-бом», синие. Да ещё чего-то там рассуждает:

– Вот, вы, девушка – сразу видно! – реально ответственный, профессиональный работник, знающий вкусы постоянных покупателей, в отличие от некоторых ваших коллег, которые так и не поняли разницы между торговлей семечками на базаре и работой в современном супермаркете!..

Ой, подайте бочку дёгтя! Эта пародия на мужика ещё и философствовать умеет!.. Женька, гляжу, с трудом сохраняет серьёзность, и в ответ кивает: да, да, конечно, конечно... Ну, а как же ещё-то! Низзя обижать покупателя, даже если он – сплошной неадекват.

...День прошёл, в основном, серо и скучно. Ну, ни одного, тебе, крадуна достойного внимания (ни «баскетболист», ни «метр с кепкой» сюда даже нос не показали). Не появилось ни одного хамлюги или обормота с хулиганскими замашками. Ходил и спал на ходу. В общем, ни одной более-менее приличной «сво». Ёлки-палки,, даже по злыдне Катьке вдруг заскучал! Кроме шуток! Пусть, она и зануда, но при ней хоть какая-то развлекуха была – попикироваться там, подискутировать... Нет, идут одни лишь обычные господа покупатели, самое оригинальное у которых:

– А где здесь охлаждённые куры?

– Они прямо перед вами!

– Ой, а я и не заметил...

Телескоп носи с собой, товарищ гурман! Один только раз зашла компания каких-то старшеклассников-«тинэйджеров» – пятеро парней и две девчонки, с мизером денег и амбициями на покупку чуть ли не всего имеющегося в магазине. Ну, тут уж мне пришлось малость поднапрячься, и отследить все их траектории перемещения. Ходили они вдоль стеллажей около получаса, а взяли всего две полторашки лимонада и большую пачку печенья. Но это пустяки. Главное, ребята попались неунывающие, ржали дружно и громко. Причём, над всем тем, что и могло показаться смешным, и что вообще не претендовало даже на слабенькое «хи-хи».

Слышу, у полки с говяжьей и свиной тушёнкой один остряк из этой компании рассказывает анекдот:

– ...Типа, общество кришнаитов признало говяжью тушёнку нашего производства, типа, вегетарианским продуктом, при изготовлении которого не пострадало ни одно животное. (Все: «Бу-га-га-га!») Но, типа, рекомендует её употреблять только тем, кто, типа, полностью очистил свою карму и достиг нирваны.

Общий ржач, у некоторых до колик в животе. Ну, а что? Анекдот вполне неглупый. И если отбросить все эти «типа», то, в, общем-то, и ничего...

Но таких, даже относительно не скучных минут, сегодня было не слишком много. С трудом дождался вечера. И, вот, он, если, по справедливости, даже с лихвой повысил настроение – снова халява! Снова (да здравствует!) просрочка! Как теперь это уже стало обязательным ритуалом, вокруг магазина нарезаю «круг почёта», уведомляю Светлану: всё спокойно, и – шире шаг на остановку.

Зато в общаге оказалось настолько нескучно, что я сначала даже оказался в некотором обалдении: Ромка привёл с собой сразу четверых «друзбанов», чтобы с ними организовать «мальчишник» в преддверии своей будущей семейной жизни. Хлопцы к моему приходу уже хорошо «наотмечались», и поэтому веселились вовсю. Когда пришли с работы Пашка и Марат, то тоже особого восторга не испытали. Хоть Ромка и пообещал, что свой «банкет» они продолжат на кухне, уснуть нам удалось лишь ближе к часу ночи...

Шестое марта

Вчера, пятого, день выдался достаточно оживлённым. Оживлённость началась ещё в общаге. В седьмом часу утра вышел на кухню – там дымят участники «мальчишника», мучимые похмельем. Дым – не хуже лондонского смога. И открытая форточка не особенно-то помогает. Впрочем, парни явили воспитанность, и когда я начал готовить завтрак, без подсказок сами всё поняли, и ушли докуривать на лестничную площадку. Приходит Пашка, начинает прикалываться:

– Блин, а где топор? Его же тут запросто можно повесить! Ну, накурили!..

Да, Паша, много у тебя несомненных достоинств: и работа ты, и не скандалист, и не куришь, и почти не пьёшь, но, боюсь, холостым так и помрёшь. На работе с утра тоже было не скучно – народу привалило изрядно. Пришлось походить то за алко-«элиткой», то за красной икрой – все теперь готовятся к Восьмому марта.

Ближе к обеду, в магазин пришёл какой-то деляга стриженный под ноль, с татуировками на руках, весь из себя, «перчённый», да ещё и «подгорчиченный». Видимо, только недавно «откинулся» с зоны, корчит из себя крутого пахана. Набрал в большой пакет картошки, ко мне подходит:

– А где всё это можно взвесить?

– Вон, иди на контрольные весы.

Ушёл, чего-то там немного потоптался, идёт назад:

– Они чё-то ничё не показывают! Ну, давай, чё мне с ней,

с этой картошкой делать? Чё её, где взвесить?

– Иди к директору.

– А где он, где этот ваш директор?

– Вон, в овощном отделе. Видишь, женщина даёт указания грузчику?

Он туда.

– Чё эти ваши весы ничего не вешают?

Директорша жмёт плечами:

– Разделите на два пакета и по отдельности взвесьте.

– Ну, тогда, давай, помогай, начальница! Чё я, один, что ль, буду с этим валандаться?

Гляжу, наша Александра Юрьевна, не говоря ни слова, берёт пакет и помогает расфасовывать картошку. Занятно! То ли произвели своё впечатление татуировки бывшего «сидельца», то ли и в самом деле согласилась с тем, что «покупатель всегда прав»?..

А после обеда снова появился «баскетболист». Прямо аж «соскучился» по нему! Ходит, улыбается всем, показывает, какой он благовоспитанный и правильный. Вот только улыбка-улыбкой, а глаза-то выдают его с головой, что у него на самом деле на уме... Прошёл мимо меня, поздоровался – ну, прямо, паинька из закрытого пансионата для особо воспитанных отроков! Ну, да, ладно... Не наглеет – и на том спасибо.

Вчера, скорее всего, выручка рекорды побила. Икру почти всю расхватили. Водку, коньяки, шампанское, всякие эти

мартини-шмартини – корзинами волокли. Вечером все касирши – измотанные, выдохшиеся, на кассе работают как роботы «на автопилоте». Случается, даже допускают ошибки. Одна бабка разорвалась – её на целый рупь обсчитали! Ужас-то какой!!! Директорша прибежала, разбиралась, извинялась...

В общагу ехал с особенным удовольствием. После такого «девятого вала» ноги под собой еле чуял. А в общагу вернулся – другая напасть: Толян привёл себе очередную ухажёрку. У него в комнате опять музыка, гы-гы, хи-хи, прыг-скок... Пошёл я на кухню готовить ужин, гляжу – новая Толькина пассия заявила туда покурить. Ходит взад-вперёд, круть-верть, круть-верть. Я на это ноль внимания, а вот насчёт курева сказал:

– А вам не трудно было бы с сигареткой на лестничную площадку переместиться? Здесь у нас это, как бы, не приветствуется.

Ну, она, правда, ни слова ни говоря, пошла туда. На выходе из кухни оглянулась и, потягиваясь, отметила:

– Я гляжу, здесь столько мальчиков...

Отвечаю ей в тон:

– Здесь пока что только один дедушка! Мальчики будут чуть позже...

Она смотрит глазом оценщика из ломбарда и резюмирует:

– Ну-у-у, я бы не сказала, что такой уж и «де-е-душка» ...

Ну, Толян! Где ты только добываешь такие ценные жен-

ские кадры? Когда пришли Пашка и Марат, прикалываюсь:

– На ночь, может быть, дверь закрём? А то, как бы не пришла в гости новая Толькина подружка. Уж, такая бедовая деваха! Возьмёт, и лишит нашего Пашку невинности...

Марат смеётся, а Пашка возмущается, отмахивается:

– Дядь Лёш, кем меня, вообще, считаете?! Были у меня женщины! Бы-ы-ли! Просто... Мне и близко никто не нужен! Я хочу быть один. Только и всего лишь.

Марат жмёт плечами.

– Ну, не знаю, что в этом хорошего... Я один жить не хочу. У меня есть девушка, этим летом собираемся пожениться. Петрович, а эта красотка, она, что, и в самом деле может к нам притащиться? Тогда, лучше, конечно, дверь защёлкнуть!

Тут, гляжу, Толян идёт. Я вышел из комнаты, намекаю ему, что музыка у него замечательная, но нам завтра на работу. Он, хоть и под градусом, но сразу понял, что к чему.

– Всё, Петрович, всё! Ща убавим...

И в самом деле, вскоре всё у них затихло. Легли спать, неожиданно запиликал мой телефон. Кто бы это мог быть? Виталька!

– Алексей, привет! Не разбудил? Представляешь, меня кинули в стукачихинскую «Удачу», сейчас я здесь. Ну, тут и «дыра»! Как ты тут работал?! Ума не приложу... Кошмар! ККП – жлоб, придурок и хамло. Этот Шмагун достал своими проверками и нравочениями. Блин, не выдержу! Навер-

ное, завтра же буду просить Васина перевести меня на другое место!

...Дверь комнаты вечером запирать мы не стали, тем не менее, сегодня утром проснулись живые, невредимые и даже без признаков интимного насилия. Завтрак, сборы на работу... Идём с Пашкой на остановку, он какой-то не выспавшийся, скучный... Спрашиваю:

– Ты, что, и в самом деле всю ночь не спал, всё боялся, что к нам Толькина пассия заявится?

Он кривится, головой мотает – нет, не это...

– Домой хочу! Я тут уже больше двух месяцев. Надоело всё, опротивело... Эту вахту отработаю, и больше сюда не поеду. На работе заели уже... Все какие-то стали склочные, злые, как собаки, наезжают, клюют на каждом шагу. Мне четыре дня осталось. Скорее бы уж они прошли!

Сегодня у нас во «Вкусе» то же самое, что и вчера. А то, может быть, ещё и покруче. Опять бегаю – ни минуты передышки... В обед пошёл в столовку, в моём пакете с продуктами появился брикет масла, причём не дешёвенького. Что за чушь? Кто это тут похозяйничал? Масло, вижу, не моё, выложил из пакета. Перекусил, пью чай. Заходит Женька.

– Петрович, а почему масло не едите? Я его для вас специально спёрла из просрочки! Это вам!

– Женя, за заботу – спасибо, конечно! Но... Стоит ли уж так излишне напрягаться? Да и наши злые языки как бы не начали сплетничать...

– Да, пусть, что хотят, то и треплют! Вы – Володин отец. А мы с ним хорошие друзья, «свои парни». Кстати, он вас подменить приедет?

– Да, должен бы...

Вру, конечно – не хочу её огорчать. Володька перед отъездом сразу сказал, что с вахтами, наверное, будет кончать. На такую «таборную» жизнь никакого здоровья не наберёшься. Да и то, как его рассчитали в «ЛЮМе» за последнюю вахту – только со второго захода, желания работать там никак не прибавило.

Вечером собирался домой и, как обычно выглянул, чтобы разведать обстановку. И – на тебе: алкаши неподалёку квасят. Пришлось тормознуться. Ну, а куда денешься? Светлану надо будет проводить... Жду, когда она закончит свою работу, а у самого аж пятки горят: если все автобусы уйдут, топтать до общаги придётся пешком. Минут двадцать сидел, а она всё никак не освободится. Потом на всякий случай ещё раз выглянул наружу, а «синяки», как раз к этому моменту, свою трапезу закончили, и куда-то побрели по одиночке. Ну и замечательно! Бегом на остановку. Еле успел запрыгнуть в автобус, когда он уже начал трогаться.

Восьмое марта

Женский день... Впрочем, кому – праздник, а кому – осложнённый, скажем мягко, варикоз. Как прикололся кто-то из девчат, продавцы на празднике – как лошадь на свадьбе: морда в цветах, а зад в мыле. А что было вчера, седь-

мого?! О-о-о! То, что у нас творилось пятого и шестого – это была, просто, небольшая репетиция, лёгкая разминка. А седьмого-то всё по-настоящему и началось: покупатели – идут и идут, идут и идут... Покупают и покупают, покупают и покупают... Обалдеть можно: откуда у людей столько денег?! Вот и слушай байки про экономический кризис и нищающее население. Спору нет: на периферии, в провинции, оно было, есть, и, наверняка, ещё долго будет нищим. Но здесь-то, в Рогожном, нищеты – уж точно – никак не подавляющее большинство. Бедолага Шухрат весь день был мокрый, как из-под дождя, без конца подтаскивая со склада то спиртное, то продукты.

Как и ожидалось, «отметились» у нас все «штатные» крадуны. С утра пришёл «баскетболист». Попробовал затеряться в толпе, но его я «срисовал» в момент. Он это понял, и уже без всяких там штучек-дрючек набрал продуктов и пошёл оплачивать. Потом прискакал ещё один занятный фрукт – толстячок с недельной щетиной, в широченной куртке-балахоне. Под такой можно всё, что угодно вынести. Вплоть, до мешка картошки. Девчонки сразу предупредили: уже «засвеченный», и не единожды. Сразу же взял его под плотный присмотр. Уж, как ни крутился он по рядам, я был постоянно где-то рядом с ним. Это его так достало, что, в конце концов, он сам подошёл ко мне, корзину с продуктами – всё, что набрал – демонстративно бросил на пол, и ушёл с оскорблённым видом.

Последним появился тот самый «метр с кепкой». С ним двое приятелей. Но уже не те, что были прошлый раз. Один пацан – копия цыгана (а может, и в самом деле цыган?), а ещё плотный такой мужик лет сорока, припадающий на левую ногу (его я про себя назвал «гуляй-нога»). Эти с полчаса толкались у сладостей, всё «приценивались» к шоколаду.

Наблюдаю за ними. «Цыган» это заметил, что-то остальным сказал, они в мою сторону обернулись, и начали меж собой шушукаться. Гляжу, ко мне шествует «гуляй-нога». Подошёл и заговорил в такой, витиевато-«загогулистой» манере:

– Заранее прошу простить мою возможную нескромность, но у меня и моих товарищей по целому ряду причин возникло спонтанное ощущение того, что вы подозреваете нас в намерении совершить нечто весьма неблагоприятное. Я не ошибся?

Отвечаю ему с самым серьёзным видом:

– Вы удивительно проницательны, джентльмены! Именно это я и подозреваю. Такова моя работа: всех и во всём подозревать.

– Простите, а что именно могло послужить поводом к столь неоднозначным выводам, ко всем этим, не вполне адекватным и чрезвычайно предвзятым подозрениям? Вам не кажется, что, уделяя избыток своего внимания людям, которые, на самом деле, очень далеки от тех настроений, какие вы им приписываете, вы рискуете просмотреть тех, кто

реально настроен на совершение хищений?!

Ну, погибает чувак! Видать, в своей компании он за интеллектуала. Но только зря он тщился произвести впечатление супер-продвинутого. Я и сам так могу загнуть, что у любого балабола все извилины запутаются:

– Что послужило? Ряд экзистенциально-трансцендентальных квази-комплиментарных стимулов неспецифического супер-эксцентриситета. Если проще, то я не мог не заметить, что вы уже около получаса трётесь подле шоколада. В руке вон того «дяди Стёпы-наоборот» – всего четыре большие плитки, хотя брал-то он шесть! Это я хорошо видел. То есть, у меня будут все основания провести личный досмотр всех вас троих, если на кассе плиток у него окажется меньше шести. Вон, видите, у алкогольного отдела стоит мужик, взял три бутылки водки, и собирается идти по рядам за закуской. Это старый фокус для припрятывания товара под одежду. Скажу сразу: если на кассе у него окажется не три, а две или одна бутылка, проверки ему не миновать. Это ясно?

«Гуляй-нога» чешет затылок.

– У вас, я вижу, профессиональный подход!

– Не без того! Увидев человека, который вошёл в зал без корзины или тележки, особенно, если он подолгу простаивает, то здесь, то там, делая вид, будто приценивается, то я даже не подозреваю, а знаю точно: намечается кража.

Развёл он руками и пошёл к своим. Чего-то опять пошутукалились и потащились на кассу. Плиток шоколада там вы-

ложили ровно шесть.

Вчера же, после обеда, к нам заглянул Макс. Сначала его я даже не узнал – приоделся, «намарафетился» ... Подошёл, сияет улыбкой, как новенькая монетка, только что вышедшая из-под пресса. Ну и как жизнь? Показывает большой палец. Всё у него сейчас «супер-пупер». На хорошую работу устроился, со своей сожительницей помирился, снова у них – тишь да гладь. Интересуюсь:

– И долго тебе пришлось её уламывать да уговаривать?

– Куда там! Я только на порог ступил, а она мне с ходу: где так долго шлялся? Почему не звонил? Говорю ей: так, ты же сама меня выгнала! Она: уже простила. Ну, и всё. Я сейчас в автосервисе, в месяц идёт тридцатка и выше, так что, жить можно!

– Смотри уж, не переپردازнуй восьмого! А то опять выгонит.

– Нет, Петрович, с этим – всё! Два раза на одни и те же грабли не наступаю...

Вечером, в честь завтрашнего праздника, девчонки организовали очередной «продпаёк» из просрочки. Но кто-то ляпнул, что перед праздниками ГБРовцы свирепствуют не на шутку – мотаются по всему «кусту», устраивают облавы на тех, кто мог вынести просрочку. Вроде того, даже на улице могут остановить, и потребовать чеки. Если окажется, что чеков нет, отвозят в отделение «для выяснения обстоятельств». Поэтому, перед тем как бежать на остановку, я ра-

за три обегал всю округу. Вроде, всё было чисто. Но до остановки, всё равно, шёл уже знакомыми окольными путями...

Ну а праздничное утро в магазине началось с почти анекдота. Покупателей после открытия было не слишком много. Точнее сказать, совсем не густо. И вот, заходит какой-то уроженец юга, и чешет прямо ко мне. Подошёл и спрашивает:

– У вас есть вазэлын?

Стою, вспоминаю, есть ли такое средство в нашем отделе сопутствующих товаров. Оборачиваюсь к кассиршам и спрашиваю их:

– Девчата, а у нас тут вазелин найдётся? Человеку, вон, понадобился...

Не знаю почему, но их этот вопрос дико рассмешил. Кстати, ржачка началась и среди некоторых покупателей. Ну, это и понятно: в народе ходит много скабрзных анекдотов, где упоминается такое средство. Ну а девчонки, взяв себя в руки, уже серьёзно начали уточнять, для чего ему нужен этот продукт нефтепереработки. Оказалось, что южанину требуется крем для рук. Он работает на стройке, и у него от цементного раствора на пальцах начала трескаться кожа. Ну, нашли ему крем.

А потом девчонки рассказали мне, почему их так рассмешил вопрос о вазелине. Года два назад у них работал охранником какой-то излишне озабоченный. Мужуку за пятьдесят, но он, с кем бы и о чём бы ни говорил, все темы обязательно сворачивал на тему про «любофф». Себя он вообра-

жал «казановой», от которого все женщины без ума. Дабы лишний раз напомнить об этом, он даже в пакет со своим обедом обязательно клал баночку вазелина и пару (понятно каких!) резиновых изделий. Поэтому его за глаза, случалось, иронически именовали, кто – супер-мачо, кто – супер-чмо.

Впрочем, таких чудаков везде и всюду предостаточно. Володька одно время работал в нашем, ступковском такси, и там у них был такой же комик предпенсионного возраста. Каждый раз, возвращаясь на базу с вызова, он с многозначительным видом повествовал шофёрской братии о том, что вёз некую блондинку (брюнетку, шатенку), и та всю дорогу его настырно домогалась. Ну, вот, прямо-таки, принуждала к «сеансу любви»... Если верить этим байкам, то каждую смену его домогалось, по меньшей мере, полтора-два десятка пассажиров. Таксисты, над этим, конечно, посмеивались. Но воспринимали такие рассказы спокойно, исходя из здравого принципа: каждый с ума сходит по-своему.

В целом, день прошёл хоть и бурно (в смысле, нескончаемой беготни по торговому залу), но без «ЧП». Когда уже стемнело, позвонил Васин. Ну, я сразу же понял, в чём тут юмор. Он по голосу выявлял тех, кто «напраздновался» на рабочем месте. Но звонил, надо было думать, только тем, кто с пьянкой ранее не «засветился». А вот к «группе риска», скорее всего, ему пришлось ездить лично. Вот работа у мужика! Поневоле посочувствуешь.

Как и водится, как и полагается, он спросил он про за-

держания. Тут мне, понятное дело, как и всегда, похвастать нечем. Не крадут! Насчёт поддержания порядка он даже спрашивать не стал – и так понятно, что обстановка непростая. На том и распростились. Пьяных сегодня, конечно, было много. Когда в десять вечера закрыл входную дверь, подбежали трое хорошо «подогретых» мужичков, начали кулаками долбить в стекло: открывай! Им, видите ли, выпить хочется. Переадресовал их в круглосуточный, он от нас не слишком далеко. Правда, цены там!..

Когда пошёл на остановку, по пути то – там, то – там, без конца встречались или подпитые, или пьяные. На остановке – то же самое. Наверное, я очень похож на автобусного диспетчера, поскольку один тип габаритами «два на два» достал своими расспросами:

– А автобус будет?

– Обязательно.

– А когда?

– Скоро.

Минута проходит, всё начинается сначала:

– А автобус будет?..

Одиннадцатое марта

Всё ближе и ближе «дедбель»! Уже меньше недели осталось. За эти дни много чего произошло. Утром девятого позвонил Володька. Его об этом Федька Свистко попросил. Суть дела такова, что Федьку, по сути, «кинул» его сменщик в «Купи!». Что интересно, Федька сам помог ему туда устро-

иться, поскольку планировал оставить доверенного человека на своём месте, чтобы съездить домой, и потом, после отпуска, опять туда же выйти. Но поросёнок-сменщик решил всё переиграть, и вместо Федыки втюхать в этот «Купи!» своего дружка. Для этого он что-то нехорошее про Федыку наплёл начальству, и тому по телефону, прямо на дом, сообщили, что в этом «Купи!» он больше уже не нужен.

Ну, Федыка, понятное дело, воспылал жаждой мести, начал искать возможности расквитаться с тем треклятым обманщиком. И вот, кто-то из приятелей Федыки сообщил ему по телефону, что ненавистная ему «редиска» уже второй день квасит напропалую. Поэтому Федыка тут же принял решение «слить» информацию в службу безопасности «Купи!». А где взять её номер? Вот Володька и предал мне просьбу Федыки найти телефон СБ.

Ну, а я-то где его найду? Я же работаю в совсем другой торговой сети. Пошёл к нашей директорше. Спросил её – вдруг, у неё есть контакты с СБ «Купи!»? Александра просьбе очень удивилась, но я ей в общих чертах объяснил суть вопроса, и она, как всегда, ничего не говоря, начала рыться в блокноте. И – надо же! – нашла-таки искомое. Передал я номер Володьке, но от себя добавил, что, наверное, Федыка зря надеется восстановиться на своём прежнем месте. Зря! Скорее, может получиться так, что его вообще из «ЛОМа» выпрут. Во всяком случае, Васин это сделать может запросто. Уж, его-то я знаю!

Девятого днём опять появилась ревизорша Катька. Ходит отчего-то нервная и злая. На всех срывается, ко всем придирается. То ли недопила восьмого, то ли перепила... Ходила, ходила по залу и, под конец, ко мне подрулила. Начала выяснять, сколько у меня было задержаний за праздники. А насколько! А у нас не крадут!

Надо сказать, я за ней уже заметил такое свойство: ей ужасно нравится, когда её боятся, и она, прямо-таки жаждет, чтобы перед ней лебезили. Может быть, ждёт, что я начну унижаться? Чёрта с два! Нашла «шестёрку»! Разговариваю с ней, и, при этом, безмятежно улыбаюсь, как будто она мне абсолютно «до фонаря». Хотя... Она и в самом деле мне была именно – «до фонаря».

Катька сразу же начала заводиться:

– Я вижу, у вас беспричинно весёлое настроение... Хотелось бы знать, с чего бы такое веселье? Особенно, если учесть незавидные итоги вашей работы. Задержаний нет, товар разворовывается...

Спокойно ей возражаю:

– Насчёт краж – вопрос спорный. Это не более чем голословное утверждение. На этот счёт нужны твёрдые факты.

Её аж заколотило.

– Будут факты! Будут! – только что не орёт Хваталова. – На днях мы проведём самую тщательную проверку наличия спиртного, и я думаю, по её итогам кое-кому будет не до веселья.

Но тут я её, можно сказать, добил:

– И я, кажется, догадываюсь, кому именно...

Её, бедную, от такого нахальства чуть кондрашка не хватила. Сделала страшное лицо, и побежала к кассиршам. Отыгралась на них. Подхожу к девчонкам, они что-то вполголоса обсуждают.

– Петрович, – говорят, – вы с ней будьте осторожнее! Злопамятная и мстительная. Её и в центральном офисе из-за этого не переносят. Говорят, собираются выгнать из-за склочности. А на её место думают поставить Фаину – это та, что с ней была, в очках которая. Они всегда были лучшими подругами. А теперь она Фаину ненавидит, и ест поедом.

– Девчата, через несколько дней мне уже на «дембель», так что, зря пусть не пыжится. Её я не боялся, и не боюсь. Шиш она мне что-то сделает!

Людмила качает головой:

– Но она может сделать так, что ни к нам, ни вообще в нашу сеть вас больше не возьмут... Это она умеет!

Ну, что уж будет, то и будет...

После обеда бегал в соседний хозмаг. Купил там нафталина, чтобы заранее положить в свою дорожную сумку – ещё не хватало привезти домой клопов и тараканов! Уже готовлюсь к отбытию.

А вчера, десятого числа, вскоре после начала работы, мне позвонил Пашка. У них в «Купи!», едва они открылись, с какого-то бодуна учинили, говоря словами Папандопуло из

«Свадьбы в Малиновке», «грандиозный шухер». Два сотрудника службы безопасности, прикинувшись деревенскими «пинжачками», набрали в тележку кучу продуктов, и пришли на кассу. Выкладывают они продукты на стол кассирши, та пробивает, и даже мысли у неё не появилось оторвать от стула сиденье и заглянуть в тележку. А СБшники на самом дне оставили всё самое дорогое, и беспрепятственно вывезли эти продукты за пределы торгового зала. И тут же объявили:

– Контрольная закупка! Был произведён контрольный вынос товара, на который никто не отреагировал. Всем оставаться на местах!

Тут же появился директор, с ним Васин, и – началось!.. Стоимость вывезенных продуктов разделили на всех кассиров, а Пашку Васин оштрафовал на две тысячи. Пашка пытался доказать, что, в то время, когда СБшники проворачивали свою аферу, он не мог оторваться от «алкашки» – там шарилась двое каких-то синяков. Но Васин его и слушать не стал. Своё повествование Пашка сопровождал выражениями многоэтажной архитектуры. Да это и понятно – кто бы остался равнодушен к такой сквернотной подставе?!

Слушаю его, а сам вдруг вспомнил про недавнюю Федькину просьбу найти ему телефон СБ «Купи!». Уж, не из-за его ли «стук-стук» СБшники развили столь бурную деятельность? А ведь это запросто может быть! Федька хотел свести счёты с каким-то там своим обидчиком, а вот отрикошети-

ло, и очень даже серьёзно, Пашке и кассиршам, которые к Фёдкиным проблемам и на грош не имели никакого отношения. Правильно говорят, о чём я и предупреждал Володьку: не буди лиха!..

Сразу же после разговора с Пашкой, я пошёл к нашим девочкам и рассказал о ситуации в «Купи!». Все, конечно, в некотором обалдении от услышанного. Но тут же заверили, что уж они-то зад оторвать от стула не боятся, и тележки проверяют, как должно.

Ближе к обеду примчался Васин. Он появился как раз в тот момент, когда я на выходе из кассы выяснял у одного бомжеватого типа – не прихватил ли он с собой неоплаченный брикет масла? Я точно видел, что он его взял, но не видел, чтобы положил на место, а на кассе среди его покупок масла не оказалось. К тому же, набрав продуктов, он достаточно долго отирался в тех закоулках, где у камер «слепая зона».

Мужик, понятное дело, возмутился, оскорбился, расхохотался, начал выворачивать карманы, расстёгивать одежду... Но я его остановил – этот «стриптиз» меня как-то не впечатлял. Мне хотелось, просто, знать – куда делось масло? Попыхтев и понудив, он сказал, что – да, взять-то масло, он взял, но покупать раздумал, и поэтому бросил брикет куда-то меж штабелей плавленых сырков.

В этот момент подошёл Васин, и с ходу начал выяснять, что конкретно происходит. Этому мужику кивает:

– Ну, пошли, покажешь, где и чего бросил.

Пошли втроём. Как ни странно, но масло обнаружилось, и именно среди плавленых сырков «Космос». Мужика Васин отпустил, сделав ему замечание, что, вообще-то, стоило бы уважать труд продавщиц, занимающихся раскладкой товара. Уж, где взял, там и положи. Ну а потом началась разборка моей работы. По поводу этого мелкого инцидента он и мне сделал замечание, вроде того, надо быть внимательнее. По идее, мы сейчас перед этим типом должны были бы извиниться.

Здра-а-сьте! Это с какого же бодуна извиняться-то? Я его, что, обыскивал, лазил по карманам? Или, как Лёха Магомедов, намял бока? Я всего лишь задал абсолютно обычный вопрос, и ждал такого же простого, обычного ответа. И если бы он не начал корчить из себя святую невинность на первом свидании, а сразу же сказал, что масло бросил на витрину с сырками, кто бы и чего от него домогался? Но Васина переспорить – надо перца наесться!

Снабдив меня ценными советами, руководящими указаниями и гениальными наставлениями, он пошёл к администраторской, а ему навстречу из грузового терминала вываливают – и директриса, и Катька-ревизорша, и Светлана. Как оказалось, они решили провести тотальный пересчёт всего-всего-всего спиртного. Васин их решение одобрил и откланялся, как всегда, напоследок меня сфотографировав.

Считали они долго. Шухрату пришлось разрываться меж-

ду подвозом товара в отделы и этими считальщиками, которым без конца требовалось что-то поднять, что-то поставить, что-то передвинуть. Катька была, прямо, как именинница. Когда я оказывался рядом, на её физии появлялась многозначительная ухмылочка: ну, мы тебе покажем! Ну, мы тебя на уши поставим! Правда, с течением пересчёта её ухмылочка постепенно начала скисать. Потом и вовсе исчезла. А потом, в какой-то момент, исчезла и сама Катька. Сказала:

– Ну, ладно, закончите это всё без меня – дела, знаете ли, дела, надо ехать!

И – фюйть! – только её и видели. Пересчёт закончился где-то уже в шестом часу. Гляжу, вид у директрисы очень даже озадаченный. Подошёл к ней, поинтересовался:

– Александра Юрьевна, узнать-то можно итог проверки? Много спиртного пропало?

Она замялась, засмушалась, и неохотно так говорит:

– Не хватило одной бутылки водки «Снежинка» ...

– То есть, – развожу руками, – коньяки, в том числе и «Фронтowej», в без вести пропавших не числятся? Они вернулись из боя?

– На данный момент – да, все на месте... Но, Алексей Петрович, у нас здесь не только спиртное! У нас много других продуктов. И – кто знает?! – каковы были бы результаты, если бы мы пересчитали все колбасы, сыры, элитный кофе... Так что, итог нашей проверки – не повод, чтобы расслабляться!

Да, боже ж мой! Кто собирается расслабляться-то?! Работаем-с! Главное, чтобы такие дуры-актуалки, наподобие ре-визорши Катьки Хваталовой, не били по рукам, чем она не помогает, а мешает работать. Вон, взять Пашку. За что его сегодня наказали? Да, ни за что слупили две тысячи честно заработанных денег! Хотя, у Пашки задержаний даже больше, чем у Ромки, нашего общепризнанного «суперменчика», при трезвой, добросовестной работе. О себе – вообще не говорю. У меня задержаний – ноль. И вот теперь Пашка – уж, точнее точного! – сюда больше ни ногой. И кого они возьмут на его место? Таковую же «редиску», как тот, что подставил Федьку, хотя, если разобраться – это полный отброс?

...Вечером позвонил какой-то незнакомый тип и сказал, что мой телефон ему дал Васин. Мол, посылают его к нам вместо той «редиски», что напился на праздники. Моя задача – проводить новенького до общаги и помочь ему там обосноваться. Сейчас он едет к нам. Ну, приезжай...

Приехал сменщик «редиски» уже часу в девятом вечера. Вид довольно потрёпанный, но, в целом, парень крепкий, ему где-то тридцать с небольшим. Сказал, что постоянно проживает в Клину, зовут его Николаем. Что интересно, добирался он до нас на попутных, по сути, без копейки денег. Васин только завтра должен прислать ему аванс. В этой системе Николай работает уже давненько, года четыре. Знает почти всех, с кем мне доводилось, так сказать, пересекаться. В том числе, знает Шмагуна (мнения о нём невысокого),

знал и Антоху Малюхина – этого вообще считает за полное ничто.

Но, что самое интересное, он хорошо знаком с Вале́й, которая сменила меня в Стукачихе. С ней он встретился и познакомился на днях в Электростали. По его словам, сейчас в Вале от той, бывлой библиотекарши-«белоснежки», не стало и следа: дымит, как паровоз, через слово – мат, под глазом синяк... Познакомились они в электростальском «Купи!», куда его послали сменить уже отработавшего вахту охранника. Одновременно, приехала туда и Валя – в офисе чего-то напутали, и их обоих прислали на одно и то же место, да ещё и на три дня раньше, чем это было нужно. И тогда Колька снял для них обоих рядом с магазином комнатуху, где они с Вале́й «прокувыркались» все три дня без передышки. Разумеется, ежедневно накрывался «дастархан» с вином и водкой. Собственно говоря, на это-то и ушли все его капиталы.

Звонить домой жене, чтобы прислала денег, Колька не стал. Когда от Васина пришла команда: Валя остаётся в Электростали, а Николай едет в Боровки, он собрал сумку, и пошёл на дорогу. Добрался всего за день. О Вале, как о женщине, мнения самого высокого («Баба – супер! Кайф словил офигенный!..»), поэтому, по завершении вахты в Боровках, собирается встретиться с ней снова. Меня услышанное как-то не очень приятно удивило.

– ...Постой, но у тебя, я так понял, есть жена. Наверное,

и дети есть?

– Да, есть дочка и сын. Старшей – пять лет, младший – только недавно родился...

Ну и ну! Ну, а чего же тогда гуляешь от неё, если она родила тебе детей, и, надо думать, женщина порядочная, от тебя по мужикам не бегаёт? Колька кивает: да, жена у него, и в самом деле, женщина золотая. И красивая, и характер замечательный. И, между прочим, любит он её очень даже! Да-а-а! Ни разу грубого слова не сказал, всё заработанное – только ей!

Развожу руками, не в силах понять этой аномальной логики: ну, если любишь, то почему изменяешь? Он на меня смотрит, и тоже не может понять: а в чём тут, вообще, проблема? Ну, да, на вахте у него всегда есть женщины. Ну и что? Что тут такого?! У него, оказывается, есть такой «пунктик» в голове: я – мужик, мне постоянно нужны бабы. Вот и вся логика. О какой измене может идти речь, считает он, если с другими у него – никаких чувств, одна лишь голая физиология? Приезжая на вахту, Колька первым делом ищет себе пассию среди кассирш из тех, что помоложе. Если таковых не находится, он начинает знакомиться с покупательницами. Максимум, на второй день находит то, что нужно.

– ...Петрович, я, практически, никогда не кантуюсь в этих клоповниках-общагах. На кой бы это нужно было? Обычно, живу у своей бабы. Если с ней всё складывается нормально, дежурю по две-три вахты подряд. Пока не надоедим

друг другу. А бывает, за вахту трёх-четырёх баб меняю. Это ваше поколение какое-то слегка прибабахнутое: комсомольцы-добровольцы, блин! Это у вас было так – «супружеская верность», «любовь до гроба» ... Бред! Всё это уже давно устарело, как окаменевший навоз мамонта. Сейчас отношения – типа игры в бильярд. Шаром об шар – стук! – и покатались в разные стороны. Ни моральных осложнений, ни обязательств...

Да, Коля, у тебя есть шанс однажды жестоко разочароваться в этой своей «бильярдной» теории! Знавал я одного такого «бильярдиста». Мужик здоровущий, при деньгах и связях. Он тоже любил свою жену, и тоже от неё гулял направо и налево. И твёрдо был уверен в своём праве «мушчины» иметь кучу баб. При этом, «бильярдист» даже мысли не допускал, что и его жена способна на нечто подобное, что и она может ему изменить. Но это случилось. Однажды ему рассказали, что его нежная и трепетная, скромная и невинная, уже давненько спит с его лучшим другом, с которым он – и на рыбалку, и на охоту... Эта новость для нашего «бильярдиста» стала громом среди ясного неба. Он тут же свалился с тяжелейшим инфарктом. Благо, «скорая» прибыла вовремя, и его, хоть и с большим трудом, врачи, всё же, вытащили с того света...

Рабочий день закончен, с Колькой идём на остановку. Он шарит по карманам.

– Петрович, у меня всего пять рублей. На автобус доба-

вишь?

Ну, куда ж я денусь? Добавлю. В общаге он занимает освободившуюся Ромкину койку. Ужинать ему, понятное дело, нечем. А не ел он с самого утра. Делюсь с ним своими запасами просрочки...

Да, парень, при такой «приключенческой» жизни здоровья тебе надолго не хватит. Ещё года три-четыре, и подкараулит тебя кто-то из «славных попутчиков» разгульного бродяжничества: или язва, или цирроз, или тяжёлый панкреатит с диабетом, или даже онкологией... Не говоря уже о простатите и аденоме, да ещё (не к ночи будь помянуто!) о какой-нибудь «венерке», типа СПИДа.

...А вчера перед вечером у нас появился ещё один жилец – Фаридон, совсем ещё зелёный, застенчивый таджик из Горного Бадахшана. И тоже, без денег и еды. Выручай, моя просрочка! Как жаль, что тебя оказалось так мало...

Ну а сегодня у Пашки последний день работы. Когда он вчера вечером приехал, то очень сильно удивился тому, что наша комната теперь заполнена «по самую завязку». Утром пошли с ним на остановку, а он какой-то скучный, хмурый. Хотя, по идее, должен бы прыгать от радости. Что опять не так? А он и сам не знает. Слишком много самых разных настроений. С одной стороны, теперь он – вольная птица: лети, куда хочешь. А с другой... Хотя здесь – и надоело, и даже опротивело, тем не менее, во многом он уже и привык к этой жизни, к этой работе... Удастся ли найти что-нибудь получ-

ше? Кто бы подсказал?..

...На работе с утра у наших девчат только и разговоров про начавшиеся проверки в нашей торговой сети по примеру «Купи!». Видимо, в центральном офисе «Вкуса» прослышали про «великий почин» коллег-конкурентов, и тоже решили устроить «грандиозный шухер». Ох, Федька! Ну, не скотина ли ты? Сколько из-за тебя всем нам выпало мороки! И какого чёрта я дал тебе телефон этого СБ?! Хотя... А может, и зря я его «полоскаю»? Может быть, все эти корпоративные катаклизмы начались по каким-то другим причинам? Катька-то свои первые наезды на наш магазин учинила ещё до истории с Федькиной «вендеттой» ...

До обеда работа ничем особенным не отличалась. Покупатели идут, товар выбирают, на кассе платят... Народ дисциплинированный – ничего не скажешь. Вот обедать опять пришлось стоя у «алкашки». Шухрат опять хронически занят на складе, опять что-то там проверяют. Только приступил к еде, бежит Женька:

– Петрович, эта злыдня Катька опять появилась!

Всё понятно. Прячу контейнер с едой под шкаф с «элиткой» и иду по рядам. И в самом деле, по залу шествует Катька. Прошла мимо, как будто не заметила. Впрочем, её я тоже «не заметил». Только после этого удалось докончить свою «трапезу». Опять хожу по залу. Звонит телефон – это Володька.

Сообщил, что теперь уже – точно, подменять меня не при-

едет. К весне обострились все его болячки, заработанные на вахтах. Насчёт Федыки рассказал. Как я и думал, из-за того своего звонка Свистко погорел здорово. Просвистел, как фанерка над Парижем. Вчера он надумал созвониться с Васиным насчёт следующей вахты (а что делать – деньги-то разошлись рекордно быстро, надо опять срочно ехать на заработки!), но тот с ходу обломил его по полной. Даже не дослушав, сказал, что ему очень не нравится, когда кто-то берётся «прыгать через голову» и, минуя его, своего непосредственного начальника, выходить на ту же СБ. Поэтому, с ним работать он больше не желает. Теперь Федыка хочет созвониться с начальником отдела по «Корзиночкам». Может быть, тот возьмёт к себе?

Сразу после разговора с Володькой, я позвонил Васину. Сказал, что у Володьки серьёзные проблемы со здоровьем, поэтому мне нужна замена. У Васина, как всегда, бывает в таких случаях, сокрушённые вздохи. Но замену найти пообещал (ну, ещё бы не нашлось желающих попасть на этот сытный объект!).

Кстати, нынешний день выдался очень интересным. В частности, довелось увидеть несколько курьёзных житейские сценок. В первом часу дня прилично одетая молодая женщина набирала в сумку спиртное (либо, восьмого не напраздновалась?). Наблюдая за ней, её синишка лет десяти почти по-взрослому начал убеждать свою маму взять что-нибудь другое, наподобие фруктов или торта. Та не согла-

шается. Стою рядом, наблюдаю за их спором. Неожиданно мальчишка оборачивается ко мне и, прямо-таки, со взрослой иронией, начинает убеждать:

– Не давайте ей спиртное! Не давайте! Ей ещё нет восемнадцати! Ну, где твой паспорт, где? Во-о-т! У тебя ещё даже паспорта нет!

Все, кто рядом, смеются – уж, такой пацан с характером! Спрашиваю его:

– Что, не любишь, когда пьют спиртное?

И он, опять-таки, почти по-взрослому разводит руками:

– Ну, а кому бы это понравилось?!

А вот ближе к вечеру один молодой папа, который тоже собирался взять себе спиртного, свою дочку, всё же, послушался. Молодой мужик, годами под тридцать, идёт к «алкашке» выбирать себе бутылку водки, хотя уже, явно, «под градусом». А его дочка, кроха лет пяти, заступает ему дорогу, упирается в его коленки своими ручонками, и строго так объявляет:

– Пап, не надо брать водку! Она плохая. Ты будешь пьяный, мама будет ругаться. Лучше давай купим что-нибудь другое? Давай мне и тебе купим мороженое! А? – заговорщицки предлагает она

Он стоит, не знает, что и делать. Спрашивает:

– Ты, что, меня и вправду туда непустишь?

– Нет! Не пушу! – категорично уведомляет дочка.

Мужик повздыхал маленько, и пошёл с дочкой к витрине с

мороженым. Вот такие встречаются «дети-индиго», которые, явно, умнее взрослых.

Сегодня много играли на автомате с игрушками и, что интересно, выигрывали! А фокус в том, что утром приезжал какой-то молодой «денди», который полазил в игровой электронике, что-то там перерегулировал, и после этого, хоть раз из десяти, грейфер стал доносить игрушку до приёмной воронки. И вот, уже вечером трое старшеклассников решили попытаться счастья. Сначала им не везло. Игрушку поднимают – она падает. Опять поднимают – падает. А какой-то мальчонка, лет трёх-четырёх, стоит рядом с этим плексигласовым кубом, в котором куча игрушек, и так азартно за парней болеет! Ну, прямо, как какой-нибудь футбольный фанат на матче «Динамо» – «Спартак». Игрушка падает, он тут же цокает языком:

– Ц! Эх, сорвалось!..

И кулачком махнёт, и ножкой топнет... И вдруг, парням повезло – выиграли симпатичного такого тигрёнка. Уж как он за них радовался:

– Ура-а-а! Есть!!!

Ну и дальше, в течение пяти минут, они выиграли ещё две игрушки. Тут мальчишку позвала его мама – она уже покупки сделала, пора идти домой. Он побежал за ней, но парни окликнули своего болельщика:

– Подожди! На, возьми – это всё тебе!

Словами не описать, сколько было радости у мальчонки!

Порадовался и я за него. Впрочем, через пару минут от этого позитива не осталось и следа, после пикировки с одной «кинологшей», которая демонстративно посадила в продуктовую тележку лохматую отраду своей души с грязными лапами.

Вечером опять просрочка. Но... Все уже слышаны о проверках, о рейдах ГБРовцев, поэтому все друг на друга смотрят и не знают, как тут быть. Мне, конечно, продукты – во, как нужны! То, что уже было, ушло на новичков. Нет уверенности, что и сегодня у них решится продовольственная проблема. Вышел я из терминала на улицу, походил по окрестностям... Глядь, а за углом в тени стоит какая-то подозрительная машина. Раньше там машин ни разу не было. Ну, что ж, значит – не судьба. Зашёл, сказал девчонкам, что, наверное, рисковать не стану. Вдруг, это ГБР? А мне работать-то осталось с гулькин нос. Ну и все тоже побросали свои пакеты в вагонетку. Эх, сколько же добра теперь пойдёт под пресс и на помойку!..

Пятнадцатое марта

Вот он и настал, последний день моей вахты. Да, не зря я поостерёгся одиннадцатого вечером насчёт просрочки! На следующий день, двенадцатого, утром пришёл на работу, а тут невостёшка: оказывается, и в самом деле были рейды, и кое-кто кое-где здорово погорел. Правда, не у нас, а у соседей. Но, какая разница? Могли ведь устроить засаду и у нас. И нет никакой уверенности в том, что в той подозрительной

машине не было ГБРовцев. Шли-то мы налегке, поэтому никто нас останавливать и не стал.

Ближе к обеду мне опять пришлось взять на себя роль барона Мюнхаузена. Одна особа «между сорока и пятьюдесятью» «пампушечной» кондиции, попросила меня помочь ей с выбором спиртного. Минут пятнадцать выясняла, откуда какое вино, где производили коньяки, пришлось ей прочесть все технические данные на этикетках, отпечатанные микрошрифтом. В конце концов, она выбрала бутылку дорогого вина и коньяк из «элитки». Судя по её «лопатнику», дама не из бедных.

Набрала она закуси, и снова подходит ко мне.

– Простите, а не могли бы вы мне помочь ещё в одном деликатном вопросе?

Что-то меня сразу же малость напрягло.

– И в чём же это надо помочь, если не секрет? – уточняю.

– Да, знаете, как бы это объяснить? Понимаете, мне сегодня вечером идти к подруге на день рождения, там будет достаточно тесная компания... Ну, не больше десятка человек. Но, дело в том, что все наши дамы будут при кавалерах, а я вот... Увы!

Как дальше явствовало из этого «спича», ей я показался где-то – как-то почти импозантным (что, и в самом деле?!), вполне брутальным, и даже слегка интеллектуальным. А потому, подумалось ей, я мог бы вполне сыграть роль её, так сказать, «чичероне». Типа того, со мной прийти туда было

бы не зазорно. Заверила, что ничего «такого» в виду она не имеет... Нужно, просто, изобразить, будто мы с ней встречаемся, пусть даже и на «пионерском» расстоянии. Только и всего лишь... Ну, чтобы в компании она не выглядела «белой вороной». Взамен – коньяк и прочее, что есть на столе, в моём распоряжении. Ешь, пей – по максимуму.

– ...Как на это смотрите?

Изображаю некоторое раздумье, и утвердительно киваю.

– Вполне положительно! Вот, только... Во сколько начало торжества?

– Так-то в девять вечера. Но если чуть позже, то – тоже ничего!

Теперь изображаю крайнее огорчение.

– Хм-м-м... Так, у нас работа-то заканчивается только в одиннадцатом часу, а окончательно я освобожусь лишь к двенадцати. Дело в том, что, как охранник, я обязан провожать нашу зам директора до дверей её квартиры. Видите ли, на неё недавно было совершено нападение пьяного хулиганья, и теперь это мне вменили в обязанность.

Вижу, по лицу этой дамочки, что она уже собирается сказать: «Ничего страшного! На моей машине отвезём её домой, а потом – на день рождения». Продолжаю «грузить»:

– Но ведь и это ещё не всё! В гостях, надо полагать, хочешь – не хочешь, мне придётся «остограмиться»? Но тогда завтра утром я не пройду алкотестер.

(Насчёт алкотестера – враньё самое наглое и бессовест-

ное.) Но, слушая эту лажу, она несколько даже опешила:

– Какой алкотестер?

– Так, наша фирма переняла алкотестеры у гаишников, и ввела их с этого Нового года после того, как сразу несколько охранников напились и учинили, говоря официальным языком, противоправные действия. Теперь каждое утро надо дуть в алкотестер. Если есть следы алкоголя – в течение одной минуты пинком с работы, причём, без зарплаты и выходного пособия, да ещё и «волчий билет» в зубы.

Вешаю ей лапшу на уши, а в глубине души опасение: а вдруг она сейчас скажет: «Пустяки! Если не заплатят – возьму все потери. Да и другую работу тебе найду, получше этой!» Вот это был бы «сдвиг по фазе»! И что бы я тогда ей начал врать? Но она, как видно, впечатлившись услышанным, повздыхала, развела руками, и пошла к кассе. Сказала напоследок:

– Очень жаль! Значит, сегодня я буду «белой вороной» ...

В это время мимо меня идёт Женька, и почему-то загадочно улыбается. Похоже, ей есть, что сказать по этому поводу. Ну-ка, ну-ка, что там за «секрет на миллион»? Она кивает вслед «белой вороне»:

– Просила выручить – сопроводить её на вечеринку?

Я обалдело киваю – да, просила. А что, с такой просьбой к охранникам это особа обращается уже не в первый раз? Женька поясняет, что – да, что-то похожее она уже наблюдала. Судя по всему, эта дамочка придумала довольно ори-

гинальный способ знакомства с особями мужского пола. Ну, что ж... Сочувствую ей – сегодня у неё пролёт. Ничего! Учитывая её нестандартные способности, «в девках», сто пудов, не засидится...

А вечером двенадцатого у нас снова объявился всё тот же «тайный покупатель». Его я сразу узнал, как только он появился в дверях. Девчонки его тоже заметили. Все сразу напряглись. Уж, он копался-копался, копался-копался... Стою, наблюдаю. Обрыскал он и молочку, и колбасы, и рыбу... Но ничего простроченного найти ему так и не удалось. Оборачивается и видит, что я смотрю на него в упор. Он на меня зыркнул, так, недовольно: дескать, чего надо-то? Стою, демонстративно смеюсь.

– Что, борец за халявную жрачку, облом? Да? Пролетел ты сегодня с халявой!

Он ничего не сказал, себе что-то под нос буркнул и, чуть не бегом, к выходу.

В общем и целом, двенадцатое число днём оказалось очень спокойным, если не считать визита сразу двух «дам с собачками». Все эти дни у нас с «зоопарком» проблем почти не возникало. А тут – пришли сразу две мадам с барбосами, висящими на сгибе руки. Обе в наглую прут прямо в зал. Ну, я, естественно, дорогу им загородил и предложил своих любимцев оставить в вестибюле. Они – ни в какую. Дескать, всегда было можно, а теперь почему-то нельзя! Кипятились они, кипятились, но я с места так и не сдвинулся

(Александра сама в такие конфликты влезать не любит, но мне дала «ЦУ»: «китнологов» в зал не пускать). Тогда они объявили, что их собаки стоят огромных денег, и они боятся, что их украдут. Поэтому оставить без присмотра не могут.

– ...Хорошо, мы их оставим, пристегнём за поводок, а вы – стойте, и их караульте!

На ходу сочиняю байку, что с минуты на минуту мы ждём комиссию Роспотребнадзора, а тут – они, со своей живностью.

– Нас и так могут штрафануть – мама не горюй! – втолковываю им. – А уж при наличии собак в торговом зале – у-у-у... Башку сорвут! А своих собак вы можете сами караулить по очереди. И ещё. Пройти в зал, даже вопреки моим требованиям, вы, конечно, можете. Но если приедут контролёры, отвечать будете лично. Я на себя ответственность, понятное дело, не возьму. А штрафы сейчас – знаете, какие? Ваши собачки очень дорого вам обойдутся!

Глянул в сторону входной двери, а через её стекло и мне, и им видно, как перед нашим крыльцом останавливается какой-то здоровенный чёрный джип. Изображаю озабоченный вид и указываю в его сторону:

– О! Уж, не они ли это? Ой, что сейчас будет!..

Дамочки, не говоря ни слова, спешат в угол рядом с дверью и пристёгивают там своих собак. Одна остаётся караулить, другая идёт за покупками.

Вечером, обходя зал, заметил знакомое лицо. Вспомнил:

эта молодая особа, как их сейчас называют, мерчендайзер, представляет какую-то кондитерскую фирму. Её раза два я видел в Кадухино, где она занималась раскладкой шоколада. Раскладывает шоколад и здесь. Подошёл, спросил, давно ли была в кадухинском «Купи!». Как ни странно, оказалось, что меня она помнит. Сказала, что в Кадухино заезжала недели две назад. Лёху Магомедова почему-то не видела там с самого Нового года. Куда-то он внезапно исчез. Специально его судьбой она не интересовалась, а так – никто о нём не рассказывал.

...Тринадцатое выдалось очень даже нескучным. Часу в десятом утра, вижу, в магазин впопыхах вбегает молодая женщина, и с нею двое мужчин. Один из мужиков (я так понял, муж их спутницы) спешно ко мне подходит, и на ухо спрашивает:

– Вы не могли бы нас выручить? Очень, такой, неудобный момент... Понимаете, вот ей срочно нужно в туалет. Мы тут в одну организацию по делам приехали, попросили их помочь с этим делом, но они нам отказали, хотя, мы их корпоративные клиенты. Зашли в один магазин, в другой – везде отказ. Чёрт знает что! Платных туалетов не видно вообще. Ну, может быть, хотя бы вы нас выручите? Мы заплатим! Нам-то с приятелем – всё по барабану. Мы и за угол можем завернуть. А она – женщина, стесняется. Ну, что скажете?

Иду к девчонкам: помочь человеку можем? Они: только через директора! Иду к директрисе, на ходу сочиняю прав-

доподобную версию, что к нам зашла беременная покупательница, и ей вдруг стало плохо. Срочно нужно в туалет. Ну, Александра, не мешкая, явила гуманизм, и дала «добро». Возвращаюсь. Вполголоса женщину уведомляю:

– Вы – наша покупательница, вы «в положении» и вам стало плохо! Всё ясно? Девчонки, кто-нибудь проводите – Александра Юрьевна разрешила.

Люба машет рукой – идёмте! Ушли. Я уж и забыл про них – не до того. Хожу по залу, слежу за порядком. Вдруг, вижу, это «трио», уже с полной корзиной покупок, направляется ко мне:

– Чем будем вам обязаны?

– Да, ничем. Дело-то, как говорил Карлсон, житейское!

Женщина смеётся и, так, вполголоса сообщает:

– Кстати, своего директора вы не обманули – я и в самом деле жду ребёнка. Вот, набрали у вас в дорогу продуктов. И люди, я гляжу, у вас хорошие, отзывчивые, и цены божеские...

Ну, вообще-то, это верно, у нас и директорша не злыдня, и девчонки работают вполне душевные, отзывчивые. Казалось бы, такие везде должны быть в большинстве. Но на самом деле-то мы оказались явным меньшинством в сравнении с теми, кто скорее скажет «нет», чем «да»... Вот такая пессимистическая статистика...

Тем же днём у нас тоже случился казус из числа неординарных – некоторые из наших девчат чуть не поседели на

своём рабочем месте. Серьёзно! Стою у касс, и вдруг слышу, как из цветочного киоска у самого входа доносится истошный, прямо-таки, нечеловеческий, душераздирающий женский вопль:

– А-а-а-а!!! Помогите! Помогите!..

Наши девчонки переглядываются, бледнеют, ойкают. У некоторых, особо впечатлительных покупателей, чуть ли не предкондрашечное состояние – одна дама даже выронила из рук корзину с покупками. Я срываюсь с места и, на полном ходу влетаю в киоск... Тьфу, твою дивизию! Оказывается, это киоскерша включила телевизор, а он был у неё на полную громкость, и как раз в этот момент шёл какой-то боевик... При моём появлении она сначала и сама испугалась. Но до неё тут же дошло, в чём дело, начала извиняться, и поскорее убавила звук. Но наши девчонки долго ещё не могли оправиться от такого шока.

Ну а после обеда, наоборот, выдался очень даже смешной момент. Видимо, по пути из школы, к нам завернула компания старшеклассников. Стоят перед соками и лимонадами, никак не договорятся, что будут покупать. Спорят, спорят, спорят... Один из них, как видно, потеряв терпение, хватается бутылку «Тархуна» и орёт на весь магазин:

– Ну, и чего вы тут тупите? Да, давайте, вот, возьмём тархун!

Общий смех. Его приятели, хватаясь за животы, громко гогочут...

А после обеда мне позвонил какой-то молодой человек, который сообщил, что он – мой сменщик. Нужно лишь определиться, когда ему прибыть. Суть вопроса в том, что он сейчас тоже, где-то как-то, занят, и у него в ближайшее время приехать не получится. Договорились встретиться вечером пятнадцатого. Ура! Есть замена! Странно... Хотя сегодня и тринадцатое, а такая замечательная новость!

...Ну а вчера, четырнадцатого, днём мне довелось оказаться в роли ирода, изверга и супостата. Да! Из-за некоторых покупателей-бездельников мне несколько раз приходилось бегать на улицу за брошенными ими там тележками. И вот, когда в обед одну из этих тележек я затаскивал в вестибюль, всё и произошло.

В этот же самый момент на крыльцо поднималась бабушка с внучком. Одета бабуля была с претензией на канцелярскую моду сорокалетней давности (каракулевая шуба, и каракулевая же шапочка-«таблетка»). При этом нос у бабушки подозрительно напоминал запрещающий сигнал светофора – то ли от морозца (хотя, сегодня плюсовая температура), то ли от сорока градусов, принятых «для бодрости»... А её внучок (ему года четыре) убежал по ступенькам вперёд и, знай себе, вприпрыжку скачет следом за мной. И вот, в тот самый момент, когда я, войдя в тамбур, следом за собой через дверь протаскивал тележку, юный экстремал, ни с того, ни с сего, вдруг надумал проскочить между тележкой и дверным косяком. Но не рассчитал, и стукнулся. Правда, несильно – даже

не захныкал.

Но, несмотря на это, тут же, со всем конторски-пролетарским гневом (почти по Маяковскому – во весь голос), издала вопль его бабуля. Она начала голосить, будто я (ирод, изверг и супостат) преднамеренно толкнул мальчика. Даже, более того – злонамеренно! Стараюсь не заводиться и втолковываю этой «милой» перечнице, что её внучка я толкнуть никак не мог, ни случайно, ни преднамеренно – когда он меня догнал, я уже был в тамбуре. Однако бабка стоит на своём: робёнка изувечил, изверг окаянный, последнего здоровья его лишил, ирод! И тут до меня дошло: да, сто пудов, эта «шапо-кляк» – коллега того стукачихинского шантажиста, которого, якобы, ударили тележкой по коленке (может, и у неё припрятан в кармане включенный диктофон?). Уведомляю бабулю, что, вообще-то, этого самого «робёнка», учитывая его возраст надо бы держать при себе, и вести за руку. Но она этого не слышит. Она гнёт своё: безобразие! За коз... Пардон! За мальчика – ответишь!

Ну, каргуся-ягуся... Да, я уже насквозь тебя вижу! И на все сто уверен, что ты специально учинила истерику, чтобы на меня наехать, нагрузить своими претензиями, и этим заранее отбить у меня всякую охоту контролировать тебя в торговом зале. Ну, уж, нет! Всё будет совсем наоборот: контролирую по полной программе.

С отдаления поглядываю: пойдёт она к директрисе и в самом деле, или первым делом побежит к товарам? Как и сле-

довало ожидать, «шапокляк» идти к Александре и не подумала – напрямую почесала к сырам и колбасам. Интересный «ход конём»! И, что же дальше? А бабуля как бульдозер прёт по всем рядам и отделам. Главное, на внука при этом – ноль внимания, хотя он лезет куда попало, того гляди, куда-нибудь рукой или даже головой угодит. Зато в мою сторону бабулька поглядывает постоянно – далеко ли я от неё, не наблюдаю ли? Петляла она по всем отделам с полчаса. Прошарила все витрины и полки, набрала полную сумку продуктов, и пошла на кассу. Там начала затяжную эпопею выгрузки покупок: вы-ы-нет – поло-о-о-жит, вы-ы-нет – поло-о-о-жит... Я, понятное дело, стою, и с отдаления считаю, чего и сколько она там достала.

Это её отчего-то сразу же напрягло. Гляжу, задёргалась, и уже с нервозностью, в сердцах, прямо-таки, выбросила из сумки последнее. Палкой дорогого сервелата об прилавок демонстративно – стук! Пачку масла «высший сорт» – шлёп! На, мол, тебе, подавись! После этого, глядя на меня, как Берия на «врага народа», даже потрясла своей сумкой – вот, гляди, нет в ней ничего! Но это меня только убедило: значит, голубушка, ты и в самом деле умышляла что-то не самое хорошее. А со стороны-то глянуть – прямо, боярыня Морозова перед отправкой на Колыму. Пошла она к выходу, и так дёрнула своего внука за руку, что чуть не оторвала её напрочь. Ну, бабка! Тебе бы не внука водить, а конвоировать особо опасных рецидивистов!

Как же она мне напомнила главбухшу нашей воинской части, несравненную Клавдию Ардальоновну! Даже лицом похожа. Вот уж та была прохиндейка! Из жулябий – жулябия. Все, кто из батальона ездил по служебным делам в командировки, от сержанта до офицера, были ей вечно должны. Приезжаешь (а мотался я по командировкам частенько, не реже двух раз в месяц), в авансовом отчёте – все билеты (даже трамвайные), чеки и квитанции, всё в наличии. Всё сходится копейка в копейку. Чёрта с два! Через месяц выясняется, что чего-то там не хватает. И ни за что не докажешь обратное, хоть лоб расшиби. Так всё подмастрячит, старая мошенница, что едва ли кто разберётся, откуда и как вылез долг. А гасить недостачу чем? Только из своей копеечной зарплаты. Как же я её «любил» и «обожал»? Да, что – я, сержант-срочник?! От этой мымры офицеры чуть не плакали, не говоря уже о прапорах. Как-то мой хороший приятель, прапорщик Базанов, сдав отчёт, спросил её напрямую:

– Клавдия Ардальоновна, какая, примерно, будет недостача в этот раз?

И она (вот, ведь в конец оборзевшая хапуга!) не моргнув глазом, объявила:

– Рубля три!

Кинул он ей трояк, молча повернулся и ушёл...

По натуре я не садюга, над кем-то куражиться и издеваться – это не моё. Но, вот, когда «пас» эту каракулевою каргусю-ягусю, видел её жёлчную нервозность, то в эти моменты

испытывал какое-то, прямо-таки, садистское удовольствие, как будто это была та самая бухгалтерская жлобовка Клавдия Ардальоновна. Как будто это ей, а не кому-то другому, я не даю повернуть аферу.

...Вчера вечером опять набралась не маленькая тележка класснейшей просрочки. Но теперь-то по некоторым причинам «масленица» для нас закончилась! Направляясь к выходу из терминала, все наши проходили мимо этого изобилия и тяжело вздыхали. Можно сказать, сердце кровью обливалось из-за того, что и видит око, да зуб... Вернее, рука неймёт. Хотя, мне-то, собственно, что за нужда тужить? Я уже почти на взлёте. Я уже – не от магазина сего!

...Ну а сегодня, пятнадцатого, я чувствовал себя почти именинником. Ё-моё! Неужто, дотянул до финиша? Как там в старом детском мультике? «Какой чудесный день, какой чудесный пень...» Да, день, между прочим, выдался прикольный.

После обеда иду в администраторскую. Директорша куда-то уехала, вместо неё хозяйничает Светлана. Попросил подготовить характеристику, чтобы вечером её можно было забрать – не тащиться же сюда завтра утром?! Пообещала, что сделает. Потом добавила, что недавно слышала разговор директрисы и Катьки Хваталовой. Ревизорша настаивала на том, что на следующей вахте меня здесь быть не должно. Да и вообще, объявила, что на те объекты, которые она курирует, меня не допустят и на пушечный выстрел. Обещала и

Васину об этом сообщить.

– ... Может быть, поговорите с Екатериной Захаровной? Она сегодня здесь должна бы появиться. Может быть, вам удастся как-то сгладить углы и найти какие-то точки соприкосновения? – как бы в раздумье говорил Светлана.

Ну, да, думаю, с этой чванливой хамлюгой, пожалуй, договорись! Да и никакого нет желания вести с ней переговоры. Ни-ка-ко-го! Поблагодарил Светлану за поддержку, но сказал откровенно, что нам с этой мадам вместе никогда не уработаться. Вышел в зал, там – малолюдь, настоящее сонное царство. Полчаса проходит, гляжу – в магазине Катька появилась. Походила по залу, подошла к кассиршам, и даже (где-то, наверное, все горшки полопались!) немного с ними о чём-то там мило пошутила, и даже изволила посмеяться. Ах! Ах! Ах!

Стою рядом с «алкашкой», краем глаза наблюдаю за происходящим. А Катька от кассирш неспешно так пошла вдоль по залу, и рулит по ближайшему ко мне ряду. Меня, конечно, «не замечает», но я вдруг сообразил: да это же она сама попросила Светлану организовать, якобы, «утечку информации»! Она сама ждёт, что я к ней подойду, и начну договариваться. И вовсе не потому, что я для неё чего-то там могу значить. Нет! Как и большинство работающих здесь, для неё я – ноль, никто. Но! Есть одно очень серьёзное «но»: в отличие от многих других, я перед ней не прогнулся. И вот именно из-за этого её всё последнее время «душит жаба»: ну, как

это так?! Какой-то там охранник – и посмел ей перечить, посмел разговаривать без уничижения и пиетета! Да тут и сна, и аппетита недолго лишиться...

Ну, что ж, сон и аппетит – это её проблемы. Но от меня реверансов она не дожждётся, ни за что, и никогда. Подошёл к девчонкам. Прикальываюсь:

– Екатерина-то сегодня какая добрая! Прямо, сама на себя не похожа...

Алла смеётся:

– Так ей, говорят, вчера последнее предупреждение сделали, – оглядевшись, шёпотом добавляет. – Недавно её главного покровителя «ушли», теперь не за кого прятаться. Вот и начала добреть...

Опять хожу по залу, время тянется невыносимо медленно. Часов около девяти вечера зазвонил телефон. Это мой сменщик, он уже в Рогожном, но не может найти наш магазин. Стал его расспрашивать, на чём и докуда он доехал, куда пошёл, оказалось, доехал он правильно, вот только перепутал «право-лево», и пошёл совсем не в ту сторону. Пришлось детально объяснять, где именно находится «Вкус».

Минут через пятнадцать в магазин зашёл рослый парень, с сумкой на плече. Сразу понял, что это – мой сменщик. Зовут его Андрей, приехал сюда из Стукачихи. Ранее хотел устроиться охранником там, на месте, пусть даже и в «Удачу», но его нигде не приняли потому, что местный. По месту жительства, оказывается, не берут нигде. Поэтому послали

к нам, в Рогожное.

Пошли с ним к директорше – она уже на месте, я объявил о прибытии сменщика. Но Александра что-то никаких восторгов по этому поводу не проявила, только и кивнула: «Угу, угу...» Что сразу обратило на себя внимание: она почему-то даже вскользь не поинтересовалась у Андрея числом его вахт и задержаний. О, как! Почему-то у меня об этом допытываются все, всегда и всюду. Или у Андрюхи фэйс внушает куда больше доверия? Отправил Васину эсэмэску, потом заполнили с Андреем журнал передачи дежурства, и поехал он в общагу.

. В десять вечера последний раз закрыл магазин, попрощался с девчонками, забрал характеристику и – на остановку. Сел в автобус. Там едет несколько членов местной сборной по баскетболу. Все «под газом», да ещё и на ходу добавляют коньячка (сегодня днём у нас покупали). И вот мы едем, в небе – полная луна. По обочинам лес – чёрный, мрачный. Сразу вспомнилась старая американская кино-страшилка про одного мужика, который стал оборотнем. И тут кто-то из баскетболистов как ляпнет:

– Парни! Так, сегодня же полнолуние! Самое время для оборотней и вампиров. Эх, если сейчас автобус сломается, что тогда будем делать?

Его приятели смеются, комментируют. И тут... Мотор вдруг как-то непонятно хрюкнул, крикнул, умолк, и автобус остановился. В салоне все тут же обалдело приумолкли – вот

это он пошутил, ёшкин кот! Сами шутники – в первую очередь. Вот, такое непонятное, и даже загадочное совпадение! Даже не знаешь, что об этом и думать. Кто-то из пассажиров, сообразив, что, в общем-то, ничего страшного не произошло, начал смеяться, кто-то – возмущаться:

– У, блин! Накаркал!

Шофёр полез в мотор, и оказалось, что пропала искра, хотя, по его словам, трамблёр совсем ещё новенький – только недавно поменял, да и катушка со свечами вне подозрений. Кондукторша стала по телефону вызывать другой транспорт. А замены-то нет! Правда, сказали, что следом за нами должен идти ещё один автобус, и он нас всех заберёт. Забрал...

В общаге – сборы, укладывал сумку... Пошёл готовить ужин. Вдруг, на кухню заваливает Толян. Как всегда, под хмельком. Что-то эти дни его вообще не было видно. От кого-то из парней он уже узнал, что завтра утром я уезжаю. Стал спрашивать о семье, сколько раз я был женат, начал жаловаться на свою жизнь. Сказал, что, когда расписались с Ириной, он был уверен в том, что у них будет дружная, крепкая семья, дети... Но, вот, почему-то не сложилось.

– ...Вот вы, как думаете, почему она от меня ушла? Я её любил, и сейчас люблю! Я жить без неё не могу! – Толян с досады только что не скрежещет зубами. – А она мне сегодня позвонила, сказала, что уже подала на развод. Вот, что бы вы мне посоветовали? Что мне теперь делать?!

Господи! Сколько же вас таких, непутёвых, которые сами

наколбасят, сами свою жизнь изгадят, а потом ищут у кого-то сочувствия и универсальных рецептов, как всё исправить!

– ...Толя, давать советы – не проблема. Вопрос в другом: пригодятся ли они тебе? С одной стороны, я ведь толком не знаю ни Ирину, ни тебя, не знаю вашей жизни – что у вас было, как вы жили... И, второе: сам-то ты захочешь воспользоваться чужими подсказками?

– Петрович, понимаете, я вообще не помню своего бати. Мать умерла, когда я был на «малолетке». Что у меня сейчас есть – я сам всё заработал. А счастья в жизни нет. Вот, нет, и – всё тут! Может, потому что когда-то ремня было некому дать? Вот, я знаю, Володя – ваш сын. Нормальный парень. Вот, как сумели такого воспитать?

Хм-м-м! Он меня, прямо-таки, в тупик поставил. Да, я, толком, и сам-то не знаю – как... Педагогических «академиев» мы не кончали. Воспитывали своих пацанов, как и все. Разве что – да, сам никогда домой не приходил в состоянии «хрю-хрю», тем более, «левыми ходками» от жены не занимался. Кто его знает?! Может быть, благодаря этому как-то так всё и вышло?

– То есть вы считаете, что я должен быть трезвым, и не бегать по бабам? – Толян задумчиво закуривает.

– А ты допускаешь, что тут возможны какие-то варианты?

Он долго молча дымит, потом согласно кивает.

– Да, всё правильно! Дурак я полный был. Ладно, пойду, подумаю, Может, чего и надумаю?..

Подумай. Хотя, думать всегда лучше до, а не после, когда уже едва ли что исправишь, и ушедший поезд не догонишь...

Спасите наши души!

Тринадцатое апреля

Ну, загаги твоё болото – опять ТРИНАДЦАТОЕ. Как же мне «везёт» на это число! Уже несколько раз выпадало – или на дни отъезда в Москву, или на окончание вахты. Когда ехал с вахты в Рогожном, билет дали в вагоне на тринадцатое место. Что за странный казус с этим числом? И чего оно ко мне привязалось?.. Загадка, однако!

И снова я в Москве. Но самая главная странность с тем, какое мне выпало место работы на этот раз. Когда я вернулся с последней вахты из Рогожного, то решил с вахтами в охране «завязать» окончательно. Все эти «добрые люди» наподобие Шмагуна и Катьки Хваталовой надоели до чёртиков. К Васину у меня особых претензий нет. Но одолевающая его, прямо-таки, мания засандалить меня именно в «Удачу», уже начала доставать. Поэтому ещё в марте решил: уж лучше устроиться куда-нибудь на стройку. Конечно, там тяжело-то, но уж и заработок с «топтунским» не сравнить.

А тут, как раз, в начале этого месяца, Володька со своими друзьями решил ехать на работу в какую-то столичную строительную фирму. Вот, думаю, и чудненько! Он всё там как надо разведает и, если всё в порядке, то и я «вторым эшелонном» двину туда же. Отправились парни с надеждами

на нормальное трудоустройство и божескую зарплату. С ходу оформились в разрекламированную шарашку, и приступили к работе. Дня через два Володька звонит: всё, едем домой – контора запредельно мутная, многое у этой строительной фирмы очень и очень нечисто. Да и условия проживания с зарплатой совсем не те, какие обещались.

Да, досадный пролёт. И тут, как по заказу, мне вдруг позвонил Федька Свистко. Как оказалось, в марте он устроился-таки в «Корзиночку», и ещё на прошлой неделе у него закончилась вахта. Ехать бы домой, но нет замены.

– ...Ты, там как? Не хочешь поработать? – спрашивает. – Место у меня неплохое, в самой Москве, магазин небольшой, живу прямо при нём. Есть даже душевая, есть свободный выход в город. Ну, что скажешь?

Не знаю отчего, но меня начали глодать сомнения.

– А ты уверен, что меня пошлют именно на этот объект? Где гарантия, что я попаду именно туда?

– Я ща созвонюсь с начальником, это Ляркин Александр Антонович, и всё с ним утрясу! – соловушкой заливается Федька.

Ну, звони, утрясай... Час проходит, он снова звонит:

– Всё в порядке, «бугор» дал «добро». Когда сможешь приехать?

– Ну, если так, то, прямо, завтра и выеду. Что уж тянуть-то?

– Только с ним сейчас ты уже сам созвонись, и предупре-

ди, что послезавтра будешь.

Эсэмэской прислал мне номер Ляркина, звоню. Ляркин ответил, но не сразу – гудков после пяти-шести. Голос у мужика какой-то размеренно-механический, как у робота. Честно говоря, он мне сразу чем-то не понравился. Объяснил ему, кто я, и по какому поводу звоню, типа того, хочу подменить Федьку. Он:

– Хо-ро-шо. При-ез-жай-те. На мес-те раз-бе-рём-ся.

Думаю: а чего там на месте разбираться-то, если вопрос – проще пареной репы?.. И вновь одолели сомнения: не зря ли я согласился? Не кинет ли меня этот «робот»? Но, всё же, собрал свою дорожную сумку (пообещал – чего уж теперь переигрывать?!), и – в путь. Занятный момент! Едва наш автобус «Ступково-Уволжск» отъехал от автостанции, его неожиданно подрезал какой-то кретин на иномарке. Шофёру пришлось бить по тормозам. Всех нас мотнуло – о-го-го! Ну, думаю, повезёт ли мне теперь? Ведь, как говорили когда-то? Если перед дальней дорогой конь споткнулся, до её конца можешь и не доехать. А уж когда на первой же остановке из салона ещё и высадили какого-то «алконавта», который собирался проехать «зайцем», понял окончательно: вахта будет – полное фуфло.

Сижу на вокзале в Уволжске. Пока ждал поезд, чтобы избавиться от скуки купил газету, из массово-популярных. На её последней полосе предлагается конкурс: свой год рождения надо на что-то там умножить, потом разделить, потом

что-то прибавить, и если в итоге получится ровно миллион, то тебе светит приз – как раз миллион рублей! Ну, мне и подумалось: а неплохо было бы получить этот миллиончик! Считай, заработок с полусотни вахт. Чем плохо? Взял авто-ручку, на коленке сосчитал... И – надо же такому! У меня и в самом деле получился миллион! Впору бы, конечно, возликовать, но я-то, в принципе, с самого начала понимал, что это – обычное жульничество. Просто, какие-то ловкачи, типа лисы Алисы и кота Базилио, ищут дураков.

Но, от нечего делать, решил поприкалываться над самими организаторами конкурса. Так сказать, потроллить их. Звоню по бесплатному номеру, указанному в условиях викторины, и объясняю, что вот, дескать, в результате математических расчётов, у меня получился этот самый миллион. Как бы мне получить свой приз? И, желательно – поскорее, поскорее, а то, понимаете ли, с кредитом никак не расплачусь, коллекторы уже одолели. Вот бы ваш миллиончик был мне кстати!

Щебечущий, такой, приятный женский голос (ну, понятное дело – ради рекламы, чтобы привлечь лохов, кого только не наймут!) с того конца связи отвечает, что – да, конечно, конечно, миллион уже мой, но-о-о... По правилам викторины я обязательно должен выписать у их фирмы по почте какой-нибудь товар, стоимостью от десяти тысяч. Изображая Кислярского из «Двенадцати стульев», который спрашивал у Остапа Бендера: не спасут ли «гиганта мысли» Кису двести

рублей, интересуюсь у этой щебетуны:

– А на три тысячи двести восемьдесят пять рублей сорок копеек можно что-нибудь выписать? А то у меня больше нет ничего, это – последние. Господи, скорее бы ваш миллион пришёл!

Она, бедная, услышав такое встречное предложение, аж «выпала в осадок». С полминуты «мекала», «экала», и лишь потом торопливо подтвердила:

– Да, да, да! Конечно, можно! Конечно! Мы рассмотрим ваш вариант индивидуально, и, я уверена, приз вы получите обязательно!

– Ой, спасибо! – причитаю со слезой в голосе. – Ой, спасибо! Всё, прямо сейчас бегу на почту, и сейчас же выпишу товаров на всю свою наличность!.. Ой, как же хочется получить ваш миллион!..

Несу эту ахинею и представляю, как они там радуются, что ещё один лошара клюнул на их хитрую «блесну»! Мог я ли подумать в тот момент, что эта хохма всего через пару часов получит своё, самое неожиданное продолжение?

...В вагоне моим соседом по «кубрику» оказался тоже вахтовик, и тоже из нашего Ступкова. Точнее, родом он из Твери, а в Ступкове проживает меньше месяца. Просто, случилось так, что в нашем городе он женился на ступковской аборигенке, и осел на ПМЖ у своей новой жены. Правда, у него это уже третий брак, а его избранница замужем всего второй раз (совсем ещё «неопытная девочка»!), но, он уве-

ряет, что они любят друг друга очень и очень. Тем не менее, не дотянув до середины своего «медового месяца», но-вобрачный едет в столицу на трудовую вахту. Слушаю его, и пребываю в крайнем обалдении: так, а на кой же ты женился, если, практически, тут же уезжаешь от жены?! А причина тому, как оказалось, весьма «романтическая». По словам попутчика, свадьбу молодожёны забубенили обалденную, на десятки тысяч, в самом крутяцком ступковском ресторане, для чего брали кредит в банке. А теперь-то его надо отдавать – проценты-то растут! Мрак! О чём они вообще думали, эти два наивно-бестолковых чудака?!

В шутку показываю соседу по купе газету с миллионным конкурсом. Он в неё как вцепится! Объясняю ему:

– Уймись, это – разводилово! Это – лохотрон! Неужели непонятно?!

Куда там! Он меня и не слушает, и слушать не желает. Ки-нулся свои годы складывать, множить, делить... Но, как видно, в математике был слабоват, и миллион у него не получился. Как же он переживал!.. Господи, сколько же на свете этих недалёких простофиль, которые, и став взрослыми, никак не вырастут из ползунков, для которых и взрослая жизнь – всё та же детсадовская песочница с пластмассовыми ведёрками и совочками?!

...И вот, я в Москве. Приехал на Верховскую, зашёл в «ЛОМ». Нашёл дверь с табличкой: «Менеджер А.А.Ляркин». Вспоминаю: здесь был кабинет Васина. Всё понятно –

«съели» Игоря Ивановича, «съели»! Жаль, конечно. С куда большим удовольствием я пошёл бы к нему. Постучался, вошёл. Мать честна! Сидит мужик за столом, на физию – гибрид Фантомаса и жидкометаллического робота из «Терминатора-два». Глаза оловянные, голос насморочно-механический. Объясняю, что я – Бурякин из Ступкова, хочу идти на место Фёдора Свистко. Он, как будто ничего этого не слышит, и гундосо тупит своё:

– По-е-де-те в Ели-се-е-во на у-ли-цу Кас-пий-с-кую...

Ох, заешь тебя короста! Предчувствия меня не обманули: оказался я в такой дурацкой ситуации, что и словами не передать. Ну, а что теперь поделаешь, на что пенять? Число-то сегодня – ТРИНАДЦАТОЕ! Подумалось: а не послать ли кое-куда этого чёртова «робота»? Спорить с ним, как сразу же стало ясно, дело безнадёжное. Уж если Васин, чуть что, закусывал удила, то с этим – и вовсе, какой может быть разговор? Вот, влип! Но, поразмыслив (не отпраляться же прямо из этой чёртовой конторы на вокзал?!), решил хотя бы глянуть – что там за «золотая жила», в этом самом Елисеёво? Поехал. Нашёл улицу Каспийскую, нашёл магазин «Корзиночка». Это подвал восьмиметровой глубины. Туда только по лестнице спускаться – минут пять. И «Корзиночка», оказывается, не продуктовая, как у Федьки, а с бытовой химией и канцтоварами. Ещё веселее! Что интересно, покупателей здесь полно. Даже бабульки шкандыляют по ступенькам, спускаются в эти химические недра.

Спустился и я. Ощущение, как будто спускаюсь в аварийную подлодку, которая вот-вот пойдёт ко дну. Да-а-а... Это – «что-то»! Воздух в подвале спёртый – сплошная химия. Всякие там фенолы, ацетоны, радикалы, гидроксилы – в воздухе так и шныряют. Судя по всему, здесь не позаботились об элементарной вентиляции – нет ни вытяжной, ни приточной. О, где вы, где вы, бывшие советские СЭСы, которые достаточно жёстко контролировали санитарно-гигиеническое состояние любого производства, любого объекта торговли?! Пусть и тогда всякого хватало, но уж такую морилку для тараканов и людей, скорее всего, или закрыли бы, или заставили бы установить хорошую вытяжку.

Охранника нашёл сразу. Им оказалась улыбочивая женщина за сорок, назвавшаяся Анастасией. Она с Донбасса, в Россию пришлось бежать от войны, развязанной киевскими «цеевропейцами». Здесь же, в Москве, и её сын. Он учится в российском вузе, без пяти минут гражданин РФ, а вот у самой Насти с этим процессом как-то подзависло.

Идём с ней осматривать торговую площадь магазина. Сказать о нём можно только одно: жуть! Нет, даже не так, а: ЖУ-У-У-У-ТЬ!!! Скряга-владелец, который по этой части мог бы сравниться лишь с гоголевским Плюшкиным, всё внутренне пространство до предела заполнил стеллажами с товаром. Между полками два человека еле разойдутся, полки высокие, смежные ряды, по сути, не просматриваются. Спрашиваю у Насти:

– А как тут и кого ловить? Да тут раздолье для любого крадуна! Тут или всех подряд надо «шмонать», или нужен оператор на камерах, чтобы отслеживал потенциальных во-ришек. Камеры тут есть?

Настя смеётся:

– Есть, только толку-то с них? Просматривать видеозапи-си можно лишь по особому разрешению. Так что, здесь ты сам себе – и камера, и сыщик, и ловильщик...

О, небо! Куда я попал?! Хорошо... А где тут жить? Как оказалось, место для проживания имеется. В этом смысле здесь вполне просторно. В бытовом отсеке есть комнатуха (точнее сказать, каземат) с койкой и тумбочкой. Разумеется, и здесь не найти даже намёка на вентиляцию. А кухня где? Кухня – через зал, в крохотном закутке склада бытовой хи-мии. Холодильника там нет, плитка сломана. Туалет имеет-ся, но расположен крайне «удачно» – рядом с кассами, и по-этому войти в него можно лишь расталкивая очередь поку-пателей. Настя машет рукой:

– Хорошо, что есть хотя бы такой! Я месяц работала в од-ном магазине, так там туалета не было вообще!

– Как это – вообще?! А куда же ходили по «делам секрет-ным»?

– На ведро. И «по-маленькому», и «по-большому»...

Что делается на белом свете?! Что творится в нашем стольном граде?! То есть, в том «шопе», все, без исключе-ния, начиная с охранников, грузчиков и уборщиц, вплоть до

директора, свои физиологические проблемы решали на ведере? Ой, позорище! Это какая же там царит антисанитария?! И пусть даже тот магазин не продуктовый, но и в промтоварном такого быть не должно!..

Спрашиваю Настю:

– А ты здесь давно?

– Да, всего пять дней. Хватит! Попросила найти другое место.

Моё намерение пойти погладиться Настю очень удручает.

– А это обязательно? Мне надо срочно прибыть на новый объект, он в Подмосковье. Быть там надо к обеду, а сейчас на часах уже – сколько?

Да, время уже – час дня. Хорошо, решил пойти ей навстречу. Иду в бытовку, переодеваюсь в изрядно помятое. Хоть сейчас и не мороз, по привычке надеваю и тельняшку – за эти месяцы она стала для меня чем-то наподобие талисмана или оберега. Нет, в самом деле! Сколько у меня на вахтах было, скажем так, пиковых ситуаций, когда я запросто мог оказаться или в больнице, или даже в морге?! Но ведь миновало же! Не иначе, это всё – она, матросская тельняшка меня выручала...

Потом вместе с Настей заходим к директору. Расписываемся в журналах, отправляем эсэмэску «терминатору-два», и я выхожу в зал уже как новый охранник. Знакомлюсь с персоналом. Сразу же бросается в глаза, что здешние кассиры – не чета тем, с кем работал ранее. Если те выглядели вполне

румяными и здоровыми, то здесь у всех, явно, хроническая интоксикация. Кожа лица бледноватая, кое у кого – даже с зеленцой. Это и понятно – тут работать можно только в противогазе.

Зоя, самая бойкая из девчат, просвещает меня об особенностях местной «фауны» крадунов. Имеется несколько «штатных» – тех, что уже не раз попадались на кражах, а есть и ситуационные воришки из числа обычных покупателей. Обзор здесь отвратительный – даже стоя рядом, ничего не увидишь, поэтому украсть могут и в присутствии охранника. Кстати, стоимость украденного хозяин магазина вычитает из зарплаты кассиров (ну, Плюшкин он, Плюшкин и есть – что ещё скажешь?!).

И – всё-таки: а как же здесь можно выявлять и ловить любителей прихапать чужое? Зоя поясняет, что присматривают все, без исключения. А иначе охраннику одному не справиться. Хорошо, посмотрим, что получится...

Для начала иду в столовку, чтобы там хотя бы попить чаю. Ну, слава богу, пластмассовый электрокипятильник в рабочем состоянии. Не работает только его термо-реле, поэтому, когда вода закипит, отключать надо вручную. Заодно доканчиваю свои дорожные припасы. Теперь до вечера я, как бы, работоспособен.

Начинаю интенсивно курсировать по залу. Контингент покупателей здесь, скорее всего, постоянный – микрорайон этот давнишней застройки. Поэтому, несмотря на его при-

надлежность к мегаполису, в натуре и повадках здешних людей замечаю немало и чего-то от большой деревни. Проходя мимо меня, гражданин под семьдесят с выправкой отставника, интересуется:

– Новый охранник? А Настя где?

– Ушла на другой объект.

– А сам-то ты надолго?

– Война план покажет. Но, если откровенно, то я тут всего час, а уже надоело до чёртиков.

– Во-о-т! – мой собеседник качает головой. – Не знаю, как тут можно работать?! Душегубка настоящая!

Женщина предпенсионного возраста интересуется:

– Вы издалека?

– С Волги. А что, это сильно бросается в глаза?

– В общем-то, да... Чувствуется, что вы не москвич.

– А это плохо, если не москвич?

– Почему? Может быть, даже, наоборот.

О! Какое неожиданное и здравое суждение! В свободные от беготни минуты общаюсь с кассиршами. От своей работы, конечно, они не в восторге. Все, как одна отмечают:

– Уж, если мы за свой рабочий день в себя столько вдыхаем химии, что домой идём как пьяные, то, как, вообще, охранники тут могут находиться круглосуточно? Настя, бедная, так мучилась, так болела! Вчера её даже рвало и хватало сердце. Уже хотели было вызывать «скорую», но она каплями сама себя поддержала...

Рассказывают и о себе. Кто-то здесь неделю, кто-то – уже полгода. Но текучка в этой «Корзиночке» очень высокая. «Главный старожил» здесь Зоя – четыре года работает. Сюда пришлось устраиваться только потому, что ничего другого найти не удалось. Раньше она жила в другом конце Москвы, был муж, вместе растили сына. Но потом он сошёлся с другой, а Зое пришлось с их жилплощади уйти вместе с сыном (ох, и урод, судя по всему, её бывший муженёк!). На Каспийской нашла съёмную квартиру подешевле. Самая ближняя работа – здесь, в «Корзиночке». За годы работы в этом подвале успела заработать серьёзную аллергию, появились патологии печени и поджелудочной. Да и почки работают не лучшим образом.

– ...Ну, а что поделаешь? Сына надо ставить на ноги... – Зоя разводит руками. – Буду работать, насколько хватит терпения и здоровья.

Так-то оно так, но не получится ли, что, к той поре, когда терпение кончится, от здоровья тоже совсем ничего не останется?

Выбрав свободную минуту, звоню Федьке: что за идиотчина? Как так могло случиться, что ты с Ляркиным обо всём договорился, а он меня засандалил в эту химическую помойку?! Он начинает что-то путано объяснять, из чего делаю вывод: врёт, зараза! Ни о чём Федька с «роботом» не договаривался. Поди, только и хватило духу робко проблеять в телефон о том, что надо бы его сменить, и что есть претендент

на это место. А конкретной договорённости не было и в помине. Ну а у самого-то что сейчас? Федька всё так же занудливо дундит:

– Да, вот... Завтра обещают кого-то прислать...

Всё понятно. Связался я с лохотронской шарашкой и её борзым главарьком. Уж как бы ни полоскали Васина, но в сравнении с этой роботизированной «сво» Ляркиным – он, прямо-таки, золотой человек. Ну и как быть дальше, с учётом всех тех обстоятельств, которые мне на данный момент известны? «Упереться рогом» и отработать в этой душегубке до конца, невзирая на потери, понесённые здоровьем? А чего ради? Только из-за того, что впустую улетели тысяч пять на разъезды, и я хоть как-то должен их «отбить»? Не слишком ли будет велика цена заработка?

Есть хорошая старинная поговорка: за зайцем погнался – коню голову сломал. Вот именно! Этого рублёвого «зайца», может, ещё и не поймаешь. А вот «коня» – то есть, своё здоровье, загубишь безвозвратно. Упереться-то можно, но тогда каждый день, проведённый здесь, будет как дополнительный якорь, вынуждающий оставаться на этом месте и, невзирая ни на что, тянуть до конца. Ведь если я сойду с дистанции, то не получу ни гроша! Но таких гарантий нет и в том случае, если даже я героически «оттоптыжу» все двадцать дней.

Во-первых, учитывая характер этого «терминатора-два», люди для него ничто, и, скорее всего, «кинуть» он может любого, не моргнув глазом. Зарплата в «ЛОМе» – непонятно

какой «нал»: то ли белый, то ли серый, то ли беспросветно чёрный. Оставить нас без денег могут по любому формальному пустяку. А судиться с этой конторой, скорее всего, бесполезно. Тут, наверняка, всё и везде «схвачено» на самых разных уровнях. Может быть, пока не поздно, собрать вещи и уйти? Ладно, до завтра поработаю – там видно будет.

Ну а пока «суд да дело», я решил организовать хоть какую-то вентиляцию на свой лад. Поднялся по лестнице на самый верх и, открыл настежь обе двери стеклянного тамбура. Заблокировал их всем, что попало под руку, чтобы не закрывались. Одну закрепил куском полипропиленового шпагата, под другую подсунул найденный неподалёку обломок асфальта. Внутри химической норы сразу же потянуло сырым апрельским ветерком. Девчонки это тут же отметили:

– О! Посвежело! Хоть продохнуть стало можно.

Теперь, и в самом деле, даже в самых дальних закоулках, работать стало легче. Тут же стали появляться другие мысли: «Ну, а что? Может быть, потихоньку и дотяну до «дембеля»?» Когда уже стемнело и покупателей убавилось, я поднялся наверх и сбегал в соседний продуктовый магазин. Взял кое-каких харчей – батон, крупу, масло, сахар...

Работа закончилась в десятом часу. Все ушли домой, двери заперли снаружи. Теперь я – некое наподобие каторжника. Чтобы иметь возможность сварить ужин, занялся ремонтом электроплитки. Провозился около часа (из инструмен-

тов лишь кухонный нож и вилка), но работать она начала. Наконец-то смог погладить штаны и рубашку. Спать лёг уже ближе к полуночи. Настроение – хуже худшего. Особенно, потому что к этому времени весь запас свежего воздуха закончился, и мне снова пришлось дышать химическими испарениями. Тринадцатое, что б ему пусто было!

Четырнадцатое апреля

Подъём сегодня оказался более чем ранним. Когда я проснулся, то почувствовал, что мне не хватает воздуха: ощущение такое, будто я задыхаюсь от нехватки кислорода. Поднялся с койки, немного походил, малость отпустило. Лёг снова, и тут же показалось, будто угодил в какой-то ядовитый газовый бассейн – в лёгкие попёрли плотные химические испарения. Глянул на часы – начало третьего ночи. Но сна уже не было ни в одном глазу. Стало ясно, что сегодня поспать больше уже не удастся – стоя, толком, не поспишь. А лёжа можно было в любой момент «откинуть копыта».

Скорее всего, из забитого химией склада и из товаров в торговом зале непрерывно выделялись летучие химические соединения. Они тяжелее воздуха, и поэтому накапливались в нижней части помещения. Когда испарений стало избыточно много, и их уровень поднялся до уровня койки, я начал задыхаться. Ну, что ж... Буду теперь бодрствовать до утра. В шестом часу приготовил завтрак, а когда появилось начальство, объявил без обиняков: сегодня же уйду!

В восемь пошли покупатели, я снова открыл верхние две-

ри хоть для какой-то продувки накопившейся за ночь отравы. Девчонки, конечно, отнеслись к моему уходу по-разному. Кто-то сразу же согласился: всё правильно, тут можно только подохнуть, а не заработать на жизнь. Кто-то двинул своё:

– Что, слаба «пружинка» оказалась? Вот мы – работаем же!

Да, с определённых точек зрения это резонно. В жизни я уже не раз замечал, что у некоторых наших людей стадность – на первом месте. Их логика проста и однозначна: «Если я прогибаюсь перед «бугром» – прогибайся и ты! Если я ем это «добро», то и ты – не выпендривайся, ешь и похваливай!..»

Зоя, узнав о моём предстоящем уходе, только лишь вздохнула:

– Ну, вот, и вы нас уже покидаете! Хоть бы недельку продержались...

Это если только отработать её за «здорово живёшь»? Мне ведь это никто не оплатит... В девять утра я поднялся наверх (в этой поганой яме даже сотовый работает с перебоями) и позвонил Ляркину. «Робот» выслушал меня молча и в ответ проскрипел лишь:

– За-ме-на бу-дет...

В голосе столько недовольства и злости! Да, злись на здоровье – людей «кидать» не надо. Как говорят в народе: на каждый чих – здоровья не пожелаешься. Уход – уходом, а пока что я хотя бы чисто формально продолжил исполнение

обязанностей охранника. Пусть даже для того, чтобы время проходило побыстрее. Хожу по залу. Неожиданно ко мне подходит Ольга Евгеньевна, одна из кассирш, условно говоря, «старожилов» (как-никак, здесь уже около года!). Вполголоса спрашивает:

– Вы, что, и в самом деле от нас уходите? Ну, что уж так сразу-то? Наверное, ночью стало плохо? Это – да, тут у многих так бывает... Тут вот был у нас один охранник, так он в магазине на ночь и не оставался. Познакомился с женщиной из этого же дома, снял у неё угол, и на работу приходил, как и все.

– Так, это в какие деньги-то выльется!

Ольга Евгеньевна загадочно улыбается.

– Ну-у... Договориться-то можно по-разному... С Зоей, кстати, поговорите, если что... Ну а почему бы нет? Она могла бы приютить... Я к чему это всё? Вижу, мужчина вы – серьёзный, приехали заработать. А тут – вон какие условия, удержаться трудно. А найдёте ли теперь другое место – ещё вопрос. Вы уж извините, если что сболтнула не так...

– Да, нет, нет, всё нормально... Но дело в том, что я заявку на замену себе уже сделал. Может быть, с минуты на минуту приедет другой человек. Теперь уже – всё, надо было чуть раньше сказать...

Ольга Евгеньевна сокрушённо разводит руками – ну, кто ж знал-то? Идём, каждый в свою сторону... Я специально не стал ей говорить о том, что вариант с подселением к ка-

кой-нибудь москвичке меня не устраивает в принципе: ну, не всем это дано – жить на два «двора». Я не Коля из Клина, который с ходу ухватился бы за такой вариант. Просто, не хотелось ставить в неловкое положение женщину, которой (скорее всего, по чьей-то просьбе) пришлось немного посводничать.

Да! Кстати! Перед обедом мне довелось-таки провести задержание одной мадам. Свершилось-таки оное событие, пусть и донельзя запоздалое. Зоя, проходя мимо, указала взглядом на одну пожилую, внешне интеллигентную особу, и шёпотом сказала:

– Крадёт!

Ну, что ж, задержим! Минут через десять «интеллигентка», минуя кассу, направилась к выходу. Заступаю ей дорогу и предельно вежливо интересуюсь:

– Простите, а вы ничего не забыли? Ну, там, что-то показать на кассе, оплатить?

Она сначала опешила, а потом, видимо, решила «пойти в штыковую»:

– С чего вы взяли? У меня ничего вашего нет!

– Ну, тогда, может быть, вас не затруднит показать, что у вас в сумке? Если нет ничего нашего, то я принесу извинения, и мы расстаёмся.

Вижу, глаза у неё забегали, руки задрожали, она расстегнула сумку и начала выкладывать на стол всякую мелочёвку: альбом для рисования, карандаши, фломастеры и тому

подобное. Вижу, что-то хочет сказать, поэтому иду на опережение:

– Только не надо говорить, что всё это вы взяли в другом магазине – за вами наблюдала сотрудница «Корзиночки». Кроме того, вы попали под объектив камеры видеонаблюдения.

Тут подошли Зоя и зам директора Кристина. Смотрят, смеются.

– Уж, было бы на чём погореть! А из-за такой копеечной мелочёвки...

Похоже, если бы они стали эту мадам ругать, то ей бы было гораздо проще и легче. А тут – только смех... Покраснела, голову свесила, пообещала всё немедленно оплатить. На том и порешили – никаких протоколов, никаких штрафов. Пусть оплачивает, забирает покупку, и идёт своей дорогой.

...Когда время уже близилось к двенадцати, в магазин спустился долговязенький парень годами под тридцать с сумкой на плече. Сразу стало понятно, что это моя замена. Парень назвался Мишкой, сказал, что приехал из Перми. Стоит, озирается по сторонам, дивится здешним условиям. Спрашиваю:

– Охранником уже работал?

Говорит, что работал. Но только в «Купи!» и «Удаче». А в такую «Марракотову бездну» попал впервые. Веду его к Кристине. Там за пару минут покончили со всеми процедурами передачи дежурства, и я повёл его вводить в курс дела.

Он принюхивается и недоумевает:

– Блин! Да как тут и чем дышать-то? Ё-моё!.. Это, что же, мне и ночевать в этой вони придётся?

О-о-о, дружок! Что бы ты сказал, если бы я с самого раннего утра не начал проветривать эту душегубку? Поясняю:

– Можно и не ночевать. Что и как – сам допетришь, мальчик уже большой. Женат?

– Был... Сейчас в разводе.

– Ну-у, тогда, проблему ночлега за пределами этой газовой камеры решишь быстро и просто. Главное – включить мозги, и поближе познакомиться со здешним народом... Вариант помогут найти в момент – гарантирую!

Показал ему столовку (девчонки уже оценили починенную мною плитку), показал бытовку, дал ему утюг погладиться. С галстуком, правда, получилась заморочка – Мишка вообще узлы вязать не умеет, а мне там уже и лишней минуты оставаться не хотелось. Предложил поменяться на мой, уже завязанный. На том и расстались. Помахал всем рукой и – марш на выход! Поднимаюсь по лестнице, и чудится, что где-то Высоцкий выводит своим хриловатым басом: «...Спасите наши души! Мы бредим от удушья. Спасите наши души! Спешите к нам!..» Прямо, как будто, про нас, про эту чёртову химическую «Корзиночку»...

Вышел на улицу – там дождь, слякоть, все шлёпают по лужам, ёжатся, под зонтики прячутся... Чудаки! Посидели бы сутки в хим-подвале, сразу бы поняли, почём глоток свеже-

го, чистого воздуха! Иду под дождём, и нет ничего приятнее этой слякоти. Сейчас сижу на вокзале. Мой поезд отходит в пятом часу по московскому времени, но вагон... Нет, ну это уже, просто, смешно: опять номер тринадцать! Опять тринадцать... Ломаю голову: куда ж теперь-то? А попробую-ка я податься

На этом дневниковые записи обрываются. Как говорится, на самом интересном месте! Очень хочется надеяться, что бывшему агроному Алексею Бурякину, рано или поздно, всё-таки, повезёт по-настоящему. Согласимся: и тринадцатые числа иногда оказываются очень даже удачными. Ведь так же?..

К О Н Е Ц . . .